ПОИСКИ НАУЧНОЙ ИСТИНЫ

ИЗВЕСТНЫЙ СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ и педагог, академик Академии наук БССР Владимир Николаевич Перцев родился 15 (27) июля 1877 г. в Курске. Его отец Николай Никонорович Перцев, впоследствии получивший чин статского советника и ставший членом попечительного совета женской прогимназии[1], считал, что в «век электричества» сыну надо получить образование с техническим уклоном. В 1888 г. он отдал его в Курское реальное училище. Окончив училище в 1895 г., Владимир начал поиски своей дороги в жизни. На пути встали большие трудности, а помочь, поддержать было некому. Не было уже и отца — он умер в 1890 г. Давали себя знать и осложнения личного характера. Дело в том, что Владимир с детства имел склонность к гуманитарным наукам, особенно к истории. Учеба сначала в Петербургском технологическом, а затем в Варшавском ветеринарном институтах не увлекла. Решил поступить на историко-филологический факультет Московского университета. Для этого необходимо было самостоятельно пройти и усвоить программу за курс гимназии, овладеть классическими языками — латинским и греческим, что было сделать не совсем просто. Наконец, в 1897 г.

[1] Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 г. Курск, 1883, с. 22, 39; Архив БГУ им. В. И. Ленина, ф. 206, св. 21, д. 811, л. 30.

юноша едет в Харьков и там при 2-й гимназии сдает экзамены на аттестат зрелости. В том же году он поступает на историко-филологический факультет Московского университета.

Став студентом, Владимир с увлечением занимался в семинарах известных профессоров-историков Павла Гавриловича Виноградова, Михаила Сергеевича Карелина, Роберта Юрьевича Виппера. Круг научных интересов В. Н. Перцева говорит о том, что именно эти профессора сумели привить ему любовь к тем областям исторических знаний, которым отдавали предпочтение сами. Увлеченность В. Н. Перцева вначале историей нового времени, а потом древней историей и философией истории идет от профессора Р. Ю. Виппера, изучение проблем западноевропейского гуманизма, распространение гуманизма в Белоруссии в позднем средневековье — от профессора М. С. Карелина, глубокая заинтересованность исследованием истории Пруссии и Германии — от профессора П. Г. Виноградова. Под их руководством Владимир разработал на семинарах ряд тем, которые выходили за рамки требований учебного плана и программ университета.

Учеба В. П. Перцева в Московском университете протекала в канун революции 1905—1907 гг. Бурные события тех лет врывались и в его аудитории. Среди студентов также росло недовольство существующими порядками. В. П. Перцев активно участвовал в студенческих выступлениях. В автобиографии он писал: «За участие в студенческих волнениях я два раза подвергался исключению из университета (в 1899 и 1901 гг.), причем после короткого (2-недельного) заключения в Бутырской пересылочной тюрьме каждый раз подвергался высылке из Москвы в г. Курск под надзор полиции» [2].

Владимир даже потерял надежду окончить университет.

---

[2] Архив АН БССР. Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева (далее Архив АН БССР), арх. 1, д. 1, л. 78.

Вместе с матерью он стал искать возможность завершить образование. Единственным выходом был выезд за границу. Собрав с матерью кое-какие сбережения, Владимир в марте 1901 г. выехал в Вену, где слушал лекции профессоров университета. Затем переехал в столицу Германии и посещал лекции профессоров Берлинского университета. Недостаток средств побудил его вернуться в Россию.

В. Н. Перцев попытался восстановиться в Московском университете. После долгих мытарств он снова стал студентом. В этом высшем учебном заведении Владимир провел с перерывами шесть лет, окончив его в 1903 г. Итог учебы был успешным. В. П. Перцев получил диплом первой степени и был оставлен для подготовки к профессорскому званию с выплатой стипендии им. Грановского (впоследствии им. Соловьева) на кафедре всеобщей истории у профессора Р. Ю. Виппера [3].

Стипендия была невелика, и приходилось сочетать занятия наукой на кафедре с преподаванием истории в Московской женской гимназии. Однако преподавательская деятельность В. Н. Перцева вскоре была прервана: в конце 1903 г. московский градоначальник не выдал ему свидетельства о политической благонадежности, ставя в вину участие в студенческих волнениях. Только в 1905 г., когда началась первая русская революция, Владимир Николаевич устроился на преподавательскую работу в Московское коммерческое училище.

Взгляды на историю общества у В. П. Перцева формировались в годы первой русской революции. Именно в это время он вошел в контакт с рабочим классом, читал лекции для рабочих Замоскворечья. Тогда же он складывался как ученый и педагог. Будучи товарищем председателя Московской исторической комиссии при учебном отделении по развитию технических знаний в России, В. П. Перцев ак-

---

[3] См.: П'янкоў А. Уладзімір Мікалаевіч Перцаў (да 70-годдзя з дня нараджэння).— «Полымя», 1947, № 12, с. 122.

тивно содействовал распространению прогрессивных научных исторических знаний.

Под руководством профессоров Московского университета В. Н. Перцев продолжал занятия научной работой. Его первым исследованием была кандидатская работа о немецком философе, ученом-просветителе Иоганне Гердере. Фрагменты из нее были опубликованы в 1907 г. под названием «Теория эволюции и философия истории Гердера» в журнале «Вопросы философии и психологии». Можно сказать, что эта работа имела существенное значение для дальнейших исследований в области философии истории, к которой В. И. Перцев сохранял интерес в течение всей жизни, находя новые аспекты изучения столь важной проблематики.

Сотрудничая с профессором Р. Ю. Виппером, который занимался проблемами новой истории, работая в средних учебных заведениях Москвы, В. Н. Перцев пришел к мысли о необходимости издания научно-популярной учебной книги для массового читателя и школы. В 1908 г. такая книга появилась. Это были «Очерки всеобщей истории» (часть II. Новое время), написанные в соавторстве с Е. А. Ефимовой. Они впервые были напечатаны в серии «Народный университет» в Москве прогрессивным издательством «Польза» В. Антика и К°. Книга выдержала еще два издания — в 1912 и 1918 гг.

Владимир Николаевич попытался создать учебное пособие по истории с учетом марксистского учения о классах. О том, что В. Н. Перцев обращался к марксистскому учению в тот период, свидетельствует его рецензия на работу К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», перевод которой с 3-го немецкого издания вышел в России во время первой русской революции. В заключении рецензии В. П. Перцев подчеркивал, что «имя Маркса, даже как историка, стоит настолько высоко, что его брошюра в рекомендации не нуждается. Строгость логики, тонкий до изящества анализ событий и уменье за каждым внешним фактом

увидеть вызвавшую его силу делают настоящую брошюру, как и все другие исторические труды Маркса, классическим образцом исторического мышления» [4].

В «Очерках новой истории» ощущается стремление автора показать расстановку классовых сил в изучаемый период истории человеческого общества. При определении экономического строя государств Западной Европы и Северной Америки он опирался на категории марксистской политэкономии. В дореволюционном издании «Очерков новой истории» (1912) помещен портрет К. Маркса. Это было большой смелостью для того времени.

В. Н. Перцев дал в книге сведения по экономической и политической истории основных стран Западной Европы и Северной Америки. Она начинается темами: «Новые географические открытия» и «Гуманизм и Реформация», которые знаменуют переход от феодального строя к капиталистическому. В дальнейшем предпочтение отдается хронологическому принципу: «Западная Европа в XVI и XVII вв.», «Старый порядок» (история ведущих стран Западной Европы в предреволюционную эпоху), «Кризис старого порядка — экономическая революция» (промышленный переворот в Англии, Великая французская революция, Северо-Американская революция (гражданская война в США)).

Особое внимание было уделено истории XIX в. в ведущих странах Западной Европы и США. В. Н. Перцев часто прибегал к сравнительной характеристике стран с различным государственным и общественным устройством. Немало места он отвел рабочему движению и социалистическим идеям. Автор подобрал богатый иллюстративный материал, который помогал лучше донести до читателя содержание книги. В работе, однако, имели место идеализация ряда государственных деятелей, объективистский подход к истории разных стран и народов. Не дал автор и глубокого анализа утопических коммунистических идей прошлого. По

[4] «Русская мысль», 1907, № 7, с. 141—142.

в целом книга имела прогрессивное значение в деле распространения действительно научных исторических знаний в России. Два последующих издания не подвергались коренной переработке.

До Великой Октябрьской социалистической революции книга служила не только для самообразования, но и находила дорогу к рабочим марксистским кружкам. В советское время она использовалась учителями и учащимися школ 2-й ступени, студентами и преподавателями вузов.

Бурные события в России и других странах мира пробудили живой интерес к историческому прошлому народов, возросла потребность в научно-популярной исторической литературе. В. Н. Перцев посчитал своим долгом дать читателю небольшую справочную книгу по истории ведущих капиталистических стран под названием «Девятнадцатый век» (1913), в которую включил материалы из «Очерков новой истории». Журнал «Русская мысль» поместил на эту книгу рецензию. В ней говорилось: «Симпатичный замысел — дать надежный карманный справочник по истории (политической и социальной) XIX в. Тип справочника, впрочем, не совсем выдержан: желательно большее количество сообщаемых фактов без всякой боязни нанести ущерб литературности изложения; хотелось также, чтобы обзоры были доведены до, скажем, 1911—1912 гг., а количество обозреваемых государств увеличено (теперь, за исключением США, лишь европейские державы, да и то лишь великие)»[5].

В 1917 г. Владимир Николаевич переработал и дополнил материал «Очерков новой истории» и издал в Москве четыре небольшие научно-популярные книжки в серии «Народная библиотека»: «Франция в XIX в.», «Англия в XIX в.», «Германия и Австрия в XIX в.» и «Италия в XIX в.» Таким образом, «Очерки новой истории» служили В. Н. Перцеву хорошей основой для дальнейшей научной и издательской деятельности по новой истории.

[5] «Русская мысль», 1914, № 2, с. 77.

В канун новых революционных преобразований В. Н. Перцев плодотворно работал в области исторической и педагогической науки. Он печатался в различных прогрессивных издательствах («Товарищество И. Д. Сытина», «Задруга», где был председателем исторической секции, и др.). Владимир Николаевич активно выступал в журналах «Вестник воспитания», «Русская мысль» и «Голос минувшего», в редакцию которого он входил. Издаются его книги, в журналах помещаются научные и популярные статьи, рецензии и книжные обзоры. В. Н. Перцев приобретает богатый опыт научно-исследовательской работы.

В дореволюционный период жизни В. Н. Перцева выходят его учебник истории Древней Греции, исправленное и дополненное издание «Очерков новой истории». Содержательным было участие Владимира Николаевича в юбилейном семитомном сытинском издании «Отечественная война и русское общество». В сборнике «Война и мир. Памяти Л. Н. Толстого» Владимир Николаевич выступил со статьей «Философия истории Л. Н. Толстого». В книге «Отечественная война и ее причины и следствия» было опубликовано его исследование «Венский конгресс». Тема «Отечественная война 1812 г.» неожиданно, но закономерно увлекла Владимира Николаевича. Он даже сумел найти пути, которые органически связали его исследовательскую работу по данной теме с предыдущими занятиями в области германистики.

Одной из значительных работ был учебник по истории Древней Греции для гимназий. В. Н. Перцев в ходе преподавания в средних учебных заведениях Москвы увидел острую необходимость создания подобной книги. Научно-педагогическая общественность положительно оценила этот учебник. Известный специалист в области всеобщей истории и особенно истории Древней Греции профессор В. П. Бузескул в своей рецензии отмечал: «Вообще книга Перцева несколько выходит из обычных рамок учебника. Она занимает как бы средину между последним и небольшим, общим

университетским курсом греческой истории. Это — интересная книга, которую можно читать не как учебник, и она заслуживает внимания не только с педагогической точки зрения» [6].

Профессор В. П. Бузескул дал квалифицированную, исчерпывающую, весьма интересную научную рецензию. Автор книги получил много полезных советов и рекомендаций. Было высказано пожелание переиздать учебник. Профессор К. В. Сивков в своей рецензии [7] указывал на большой объем фактического материала в книге по сравнению с существовавшими в то время учебниками.

Книга В. Н. Перцева по истории Древней Греции была построена совершенно по-новому в сравнении с предыдущими учебниками. В ней на первый план выдвигалась экономика, а затем уже следовали политическая и культурная история. Доходчиво и просто были изложены социальные сдвиги в древнегреческом обществе, которые произошли благодаря реформам Солона и Клисфена. Глубоко анализировалась деятельность Афинского и Пелопонесского союзов. В учебнике даны лаконичные, запоминающиеся характеристики видным деятелям Древней Греции, указаны причины расцвета и упадка афинской демократии и возвышения Спарты. Содержательно написаны страницы, посвященные истории древнегреческой литературы. Значительное место занимала история религии древних греков. Автор старался воспитывать своих учеников в духе атеизма.

С современных позиций исторической науки можно увидеть в учебнике истории Древней Греции В. П. Перцева некоторое смешение формационных категорий. Рабовладельческий строй иногда подменяется другими социально-экономическими формациями, что приводит к модернизации истории Древней Греции. Однако для своего времени — на-

---

[6] «Журнал министерства народного просвещения», 1912, № 6, с. 248.

[7] «Вестник воспитания», 1912, № 2, с. 14—17.

чала XX в.— книга была полезным вкладом в учебную литературу по истории.

В 1916 г. вышла книга В. Н. Перцева по истории Древнего Рима. Рецензию на нее написал профессор К. В. Сивков [8]. Он отметил, что книга пригодна для старших классов средних учебных заведений и для самообразования, хотя она и не соответствует новым учебным планам и программам гимназий, которые в это кризисное для просвещения царской России время быстро менялись.

Учебник истории Древнего Рима В. Н. Перцева имел ту особенность, что в нем большое внимание было уделено экономической истории древнего мира, социальным отношениям в древнеримском обществе. В книге сделаны интересные попытки обобщений и выводов из социально-экономического, политического и культурного положения Древнего Рима. Владимир Николаевич дал короткие, яркие характеристики выдающимся деятелям республиканского Рима, но чувство меры покинуло его, когда перешел к оценкам деятелей и монархов Древнего Рима — эпохи империи.

Профессор К. В. Сивков в основном положительно отозвался о новой книге Владимира Николаевича. Он указывал: «Написан учебник Перцева простым, хорошим языком, в основе его лежит стройный план, который последовательно и логически развертывается перед читателем и наполняется обильным и интересным содержанием» [9].

В этой книге автор также допустил смешение исторических категорий, общественных строев и т. п., пошел по пути схематизации истории древнего мира в духе теории цикличности, модной в среде либерально-буржуазных историков, не раскрыл значения восстания рабов в истории Древнего Рима.

Создание учебников древнего мира — важная веха в педагогической и научной деятельности В. Н. Перцева. Он

[8] «Вестник воспитания», 1916, № 9, с. 3—5.
[9] Там же, с. 3—4.

создал их на основательной базе исторических источников и этим придал им научный характер. В анализе истории религиозных вопросов В. Н. Перцев выступал с атеистических позиций, что имело положительное значение в обучении и воспитании учащихся, старался провести дифференцированный, классовый подход при оценке тех или иных явлений. К примеру, исследуя положение трудящихся в древней Римской империи, он указывал: «Таким образом, расцвет коммерческой жизни в первые два века империи обогатил сравнительно немногих, создав для них сказочные богатства; масса городского населения оставалась по-прежнему в положении неимущего, полуголодного люда» [10].

Учебники истории древнего мира нашли своих читателей среди учащихся и студентов и в советское время. Владимир Николаевич внимательно следил за использованием своих книг в учебных заведениях. В отчете о научной деятельности и публикациях в печати он писал: «Обе части (история Древней Греции и Рима — *М. Б.*) имеют характер учебника, но написаны на основании источников, что отмечено в рецензиях (например, в рецензии академика Бузескула...). Учебник теперь рекомендуется в некоторых вузах... для первых курсов исторического цикла общественно-экономического отделения пединститута им. Герцена. В сборнике «Обществоведение», т. 1, изд. 1925 г., один из отделов составлен «По Перцеву». В журнале «Проблемы истории докапиталистического общества», 1934, № 11—12 (есть ссылки на работу В. Н. Перцева — *М. Б.*). Учебник рекомендован в статье Вернадского «Что читать по истории Греции» [11].

Книги В. Н. Перцева получили широкое признание у советских педагогов и учащихся. Его учебники несли науч-

---

[10] Перцев В. Н. Учебник древней истории, ч. 2. История Рима. М., 1916, с. 267.

[11] Архив АН БССР, арх. 1, д. 1, л. 12; Тарасенка В. Выдатны вучоны і грамадскі дзеяч Беларусі.— «Беларусь», 1946, № 3, с. 17.

иые исторические знания в массы. По этим книгам учились и будущие профессора БГУ им. В. И. Ленина Ф. М. Нечай и Г. М. Лившиц. Впоследствии они сами стали заниматься историей древнего мира [12].

В. Н. Перцев, как и его наставники, которые вели исследования в области всеобщей истории, многие годы посвятил изучению античности, средневековья и нового времени.

Владимир Николаевич увлекался научными поисками, выступал популяризатором истории, ее пропагандистом. Вместе с известными учеными-историками А. К. Дживелеговым, В. Н. Дьяковым, Н. А. Куном, Н. М. Никольским, В. И. Пичетой, М. Н. Покровским, К. В. Сивковым, Е. В. Тарле и другими он подготовил несколько содержательных научно-популярных хрестоматийных изданий для средней школы. В. Н. Перцев был организатором и редактором таких изданий, как «Книга для чтения по древней истории» в 3-х частях, «Средние века в очерках и рассказах» и большое многотомное пособие «Книга для чтения по истории нового времени». Каждое из них имеет свою специфику, адресовано различным по возрасту и уровню развития учащимся. В работах в доступной форме раскрыты содержание и закономерности исторического процесса.

Статьи В. Н. Перцева в «Книге для чтения по древней истории» носят популяризаторский и беллетристический характер. Чтобы помочь учащимся глубже уяснить, как различные социальные слои древнегреческого и древнеримского общества относились к событиям того времени, Владимир Николаевич вводит в канву текста диалоги. В своих статьях он знакомил молодежь с древнегреческой и древнеримской литературой и ее идейной направленностью. Правда, он иногда становился на путь упрощенного, схематического изложения истории этих народов.

В книгах для чтения по истории средних веков и нового

[12] См.: Нечай Ф. М. Рим и италики. Минск, 1963; Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. Минск, 1957.

времени В. Н. Перцев выступал как историк-германист. Его статьи, касающиеся различных вопросов истории Германии, написаны научно и популярно, со знанием эпохи и исторических событий, содержат анализ причин, пробудивших то или иное историческое явление. Он детально рассмотрел социально-экономические и политические особенности развития Германии и Австрии в изучаемый период, сделал попытку проанализировать деятельность Бисмарка и Меттерниха. Эти публикации и сейчас читаются с большим интересом.

Накануне первой мировой войны у В. Н. Перцева проявилось стремление детально изучить историю Германии, постигнуть исторические процессы, которые происходили в этой стране, ее путь к милитаризации. В конечном счете это имело существенное значение в выборе Владимиром Николаевичем научного объекта для исследования, им стали Пруссия и Германия в целом.

Особое место в жизни В. Н. Перцева занимала научная и литературная деятельность [13]. Некоторые периодические издания, в которых он участвовал, представляли его как писателя, и в этом есть значительная доля правды. Научно достоверные работы В. П. Перцева отличались высоким гражданским звучанием, публицистичностью, глубоким и ярким изложением мысли.

Уже говорилось о том, что начало научно-литературной деятельности В. Н. Перцева связано с русской периодической печатью, с известными московскими журналами «Русская мысль» (с 1907 г.), «Вестник воспитания» (с 1909 г.), «Голос минувшего» (с 1913 г.). Владимир Николаевич выступал в этих журналах с рецензиями на научную и учебную литературу, научными статьями, иногда делал критические обзоры книг по определенной исторической тематике — германистике. Из учебной литературы его внимание

[13] Государственный архив Смоленской области, ф. 139, оп. 1, д. 344, л. 28.

всегда привлекали учебники истории древнего мира, средних веков и нового времени, различные хрестоматии и книги для чтения по истории, историческая художественная литература.

Рецензии обычно строились по такому плану. Вначале определялись целевое назначение учебного пособия и его полезность для учащихся, затем — научный уровень книги и как отражены социально-экономическое положение, политическая, идеологическая и культурная жизнь страны в изучаемый период. Отмечалось также, насколько доступна учебная литература пониманию тех читателей, которым она предназначалась, удовлетворяет ли требованиям простоты изложения и красочности языка, глубины и широты охвата материала, наглядности. Рецензии в большинстве своем были положительные. Все они написаны с величайшей заинтересованностью и, как правило, доброжелательно.

Известны рецензии В. Н. Перцева на книги по истории различных периодов, авторами которых являлись ученые В. П. Бузескул, Р. Ю. Виппер, А. К. Дживелегов, Н. И. Кареев, Н. А. Кун и др. Рецензент умело, с чувством научного такта, весьма объективно, как и следовало ожидать от опытного ученого-педагога, хорошо знающего требования учителей и учащихся к подобной исторической литературе, оценивал эти учебники. Рецензируя их, он значительно пополнял свои знания, приобретал опыт, который был необходим ему как автору учебников.

Многократно В. Н. Перцев делал критические разборы исторических романов и повестей, печатавшихся в то время специально для чтения молодежи. Критерием оценки этих произведений всегда был уровень соответствия содержания их исторической правде, умение автора корректно, со знанием дела обращаться с историческими фактами. «...К беллетристу-историку,— подчеркивал В. Н. Перцев,— предъявляется двойное требование: во-первых, литературной художественности и психологического правдоподобия характеров и положений, а во-вторых, исторической достоверности

и справедливости» [14]. Точнее говоря, к беллетристу должно быть применено тройное измерение: научное, педагогическое и художественное [15].

Работая над рецензиями на литературные исторические произведения, В. Н. Перцев обогащался определенными знаниями и опытом литературного подхода к истории, что также имело положительное значение в его дальнейшей работе.

В. Н. Перцев глубоко изучал труды классиков марксизма, литературу о социалистах-утопистах и их произведения, работы о революционном движении в Германии и Франции. Книги, посвященные этой проблематике, он часто рецензировал в периодической печати, стремясь заинтересовать широкий круг читателей такой литературой. В данном случае он выступал пропагандистом революционной книги.

Каждый раз В. П. Перцев подчеркивал важность идей марксизма. В рецензии на книгу Луи Эритье «История французской революции 1848 г. и второй республики» Владимир Николаевич писал: «Автор — сторонник теории классовой борьбы, и в общих чертах в его книге выдержана та схема, которая с таким талантом развита Марксом в его «Классовой борьбе во Франции 1848—1850 гг.», в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта». Так же, как и Маркс, Эритье видит в революции 1848 года соединенную борьбу двух классов капиталистического общества — промышленной буржуазии и пролетариата против монопольного господства финансовой буржуазии во время июльской монархии; так же, как и Маркс, он объясняет всю историю второй республики вплоть до июльского восстания (после короткого периода опьянения всеобщим братством) борьбою всех классов общества против пролетариата, а в самом июльском восстании видит типичный образчик классовой борьбы; как и Маркс, период до выработки новой конституции, т. е. до

[14] «Вестник воспитания», 1909, № 9, с. 30.
[15] «Вестник воспитания», 1912, № 9, с. 31.

10 декабря 1848 года, он считает временем диктатуры чистых буржуазных республиканцев, а во всей последующей эпохе второй республики до самого декабрьского переворота 1851 года видит борьбу различных групп буржуазии против Луи Наполеона» [16]. В другой рецензии В. Н. Перцев делает упрек авторам за то, что «они почему-то ничего не говорят ни о Карле Марксе, ни о европейском социализме второй половины XIX века» [17]. Здесь В. Н. Перцев проявляет симпатии к марксистскому учению, однако в доктябрьский период он хотя и был близок к марксизму, но еще оставался в плену буржуазно-либерального направления исторической науки того времени.

Некоторые статьи В. Н. Перцева привлекли внимание русского марксиста Г. В. Плеханова. В работе «История русской общественной мысли» [18] он использовал материалы книги «Масонство в его прошлом и настоящем», и в частности помещенную в ней статью В. П. Перцева «Немецкое масонство в XVIII в.»

Г. В. Плеханов, характеризуя немецкое масонство, был полностью солидарен с оценкой его В. Н. Перцевым. Г. В. Плеханов писал: «Поэтому нельзя обвинить В. Н. Перцева в преувеличении, когда он говорит, что ход развития немецкого масонства дает нам самые яркие страницы из истории немецкого оккультизма, чародейства, а иногда прямого шарлатанства» [19]. Еще ранее Г. В. Плеханов, анализируя высказывания В. Н. Перцева о немецком масонстве, отмечал, что «в Германии, далеко отставшей тогда от Франции на пути общественного развития, дух милитаризма встречал менее решительный отпор со стороны передовых мыслителей и потому распространялся сильнее. Как выражается В. Н. Перцев, мистицизм становился там своего рода общественной заразой, которой не всегда избегали даже лю-

[16] «Вестник воспитания», 1910, № 5, с. 45.
[17] «Вестник воспитания», 1914, № 6, с. 41—42.
[18] См.: Плеханов Г. В. Соч., т. 22. М.—Л., 1925, с. 248—252.
[19] Там же, с. 250.

ди, имевшие привычку к трезвому мышлению» [20]. В сноске цитируются слова из статьи Владимира Николаевича: «Немецкое масонство получило вполне определенный аристократический отпечаток» [21].

Фрагменты из книги Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» показывают, что он полностью разделял взгляды В. Н. Перцева на немецкое масонство и дал весьма высокий, положительный отзыв па его статью.

Ко времени первой мировой войны относятся большие исследования В. Н. Перцева по истории прусской монархии, политической и экономической истории Пруссии. Эти работы имели исключительное значение в познании русским обществом исторических корней прусского милитаризма, империалистической сущности прусской политической государственной машины. Автор отметил военно-бюрократический характер управления Пруссии и стремление любыми способами пополнить государственную казну. Особенностью этого государства было и то, что феодальные отношения в экономике и политике всячески укоренялись и поддерживались прусскими королями.

Великая Октябрьская социалистическая революция, всколыхнувшая весь мир, имела исключительное значение в жизни и научной деятельности В. Н. Перцева. Всем своим существом В. П. Перцев был с трудящимися массами в их борьбе против царизма и буржуазии. Он написал и издал брошюры-агитки, которые были адресованы трудящимся. Названия этих брошюр говорят сами за себя: «На чем держалась дружба русских и немецких царей», «Буржуазия и революция». В них просто и доходчиво объяснялось, что происходило и происходит в мире, каковы роль буржуазии и ее отношение к другим классам в обществе на данном этапе исторических событий. На неоспоримых фактах истории В. П. Перцев подводит читателя к уяснению мысли о том,

[20] Плеханов Г. В. Соч., т. 22, с. 249—250.
[21] Там же, с. 250.

что русские и немецкие цари всегда находились в прочном союзе против трудящихся масс.

Однако с точки зрения марксистско-ленинской методологии не все совершенно и оправданно в этих брошюрах. В. Н. Перцев не всегда поднимался до уровня марксистско-ленинской оценки событий 1917 г., часто преувеличивал роль буржуазии. Несмотря на недостатки, следует признать положительное значение этих брошюр: они довольно ясно указывали на классовую расстановку сил в период буржуазно-демократической революции в России. Владимир Николаевич Перцев внес весомый вклад в развитие исторической науки в России и распространение просвещения в широких слоях народа.

ПОСТИЖЕНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ социалистической революции Советское государство приступило к строительству высшей школы, без которой немыслимо было дальнейшее развитие промышленности, сельского хозяйства и транспорта, науки, просвещения и культуры. Особая забота проявлялась об организации высших учебных заведений на национальных окраинах Советского государства, где ранее были единичные вузы или совсем не было их.

Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский и его заместитель М. Н. Покровский призвали научную общественность Москвы и Петрограда активно включиться в решение этой важной государственной задачи. На призыв горячо откликнулись Владимир Иванович Пичета, Николай Михайлович Никольский, Владимир Николаевич Перцев и другие ученые.

В. Н. Перцев, работавший в Московском педагогическом институте на Девичьем поле, выехал в Западную область (тогда ее называли Западная Коммуна, в которую входили Смоленская, Могилевская, Витебская, Минская, Ковенская, Гродненская и Виленская губернии). Вместе с В. И. Пичетой, Н. М. Никольским, В. Н. Дьяковым и другими учеными В. Н. Перцев вошел в состав Ученого совета Смоленского государственного университета, который торжественно открылся в первую годовщину Великого Октября и был на-

зван именем революции. На состоявшемся 7 ноября 1918 г. заседании Ученого совета университета Владимир Николаевич был избран профессором кафедры истории Германии.

Работать В. Н. Перцеву, как и другим ученым, приходилось в трудных условиях. Об этом, в частности, свидетельствует документ, найденный в Государственном архиве Смоленской области. Вот что записано в удостоверении от 20 июня 1920 г., выданном администрацией Смоленского университета Владимиру Николаевичу: «Сим удостоверяется, что гражд. В. Н. Перцев отправляется в служебную командировку в гор. Витебск и нуждается в дорожном чайнике» [1].

В Смоленском университете В. Н. Перцев читал лекции по империализму, истории Греции и истории Германии. Одновременно он работал в Смоленском пединституте, позднее преобразованном в Институт народного образования, преподавал в Московском пединституте, в Витебском институте народного образования, в партийной школе при Оршанском Пролетарском университете и на курсах для школьных работников в Городке Витебской губернии [2].

Добраться в Москву было легче, чем в Витебск или Городок, потому что Смоленскому государственному университету для поездок профессоров в Москву и обратно был выделен специальный пассажирский вагон. Поездки же в другие города были сопряжены с немалыми трудностями.

Из архивных документов известно, что преподавательскую деятельность в Белоруссии В. П. Перцев начал 20 февраля 1920 г. В Витебском институте народного образования он вел историю культуры, историю западноевропейской литературы, историю методики. Здесь он читал лекции наездами до августа 1922 г. [3]

---

[1] Государственный архив Смоленской области, ф. 139, оп. 1, д. 344, л. 22.

[2] Там же, д. 344, л. 13, 20, 26.

[3] Государственный архив Витебской области, ф. 204, оп. 1, д. 49, 94, 95, 116, 137.

К этому периоду относится и его работа в Витебском археологическом институте, выросшем из отделения Московского археологического института, которое существовало здесь ранее.

Мысль об издании своих трудов не покидала В. Н. Перцева и в Смоленском университете. Он обработал статьи, опубликованные в журнале «Голос минувшего», напечатал их в виде монографии под названием «Гогенцоллерны». Затем появилось новое издание его «Очерков новой истории». Владимир Николаевич остро чувствовал потребность в научно-исследовательской работе.

Событием первостепенной важности в жизни В. Н. Перцева было избрание его профессором кафедры всеобщей истории Белорусского государственного университета. Это произошло 1 октября 1921 г. Одновременно, как записано в трудовом списке В. Н. Перцева, составленном в университете 2 марта 1929 г., он был профессором кафедры истории народного хозяйства БГУ [4].

Владимир Николаевич явился одним из активных создателей Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Вместе с В. И. Пичетой, Н. М. Никольским, С. Я. Вольфсоном, В. Н. Дьяковым и другими он много сил, энергии и таланта отдал становлению и развитию высшего образования в Белоруссии. В создании университета активное участие принимала и местная интеллигенция.

В своих воспоминаниях В. Н. Перцев писал, что в Минск приехал впервые в октябре 1921 г. ко времени начала занятий в Белорусском университете [5].

«На теперешней улице Кирова (тогда улица Магазинная), около стадиона «Динамо», находилось двухэтажное здание бывшего реального училища,— писал Владимир Николаевич.— В актовом зале и начались занятия. Здание не отапливалось, было очень холодно, часто гасло электричество, но университет уже жил.

[4] Архив БГУ им. В. И. Ленина, ф. 206, св. 21, д. 811, л. 30.
[5] Архив АН БССР, арх. 7, д. 7, л. 74.

Заинтересованность молодежи Белоруссии в работе университета в Минске и тяга к знаниям были настолько велики, что лекции, которые здесь читались, привлекали внимание не только студентов, но и многих слушателей, среди которых были рабочие, солдаты, служащие. Бывали дни, когда в небольшой аудитории, кроме 40 студентов, собиралось до 300 человек. За столами сидели юноши и девушки из города и деревни. Они были плохо одеты, плохо питались, но ничто не могло сломить их большого стремления к знаниям» [6].

Большие трудности были с обеспечением учебными планами, программами и пособиями. В мемуарных набросках В. Н. Перцев писал: «В первые годы университетской работы еще не было твердых учебных планов, не было программ, не было учебных пособий. Преподаватели читали те курсы, которые они сами предлагали, и их предложения, конечно, после обсуждения обычно принимались... А так как преподавателей сначала было немного и среди них было много непостоянных, приезжавших на короткий срок, то, чтобы охватить их силами все те дисциплины, которые надо было изучать, считаться с профилем факультета или его отделения не было возможности. Вследствие этого и самое название первого факультета, на котором преподавались гуманитарные науки, было довольно неопределенным. Он назывался факультетом общественных наук, куда входили и исторические, и филологические, и философские, и другие дисциплины. При этом историков, надо сказать, было больше всего» [7]. Действительно, историческим дисциплинам, различным семинарским и практическим занятиям отводилось значительное место в учебном плане факультета общественных наук. Вполне естественно и то, что профессора-историки, работавшие на этом факультете, играли ведущую роль в организации и руководстве БГУ.

---

[6] Архив АН БССР, арх. 7, д. 7, л. 78.
[7] Там же, л. 74—75.

Факультет общественных наук включал в себя несколько отделений: общественно-педагогическое, экономическое, правовое и этнолого-лингвистическое. На первых трех в 1921/22 учебном году читал лекции В. Н. Перцев. В 1-м и 2-м семестре на педагогическом отделении он прочитал курс «История XIX века», который был весьма объемным и требовал знания истории ведущих капиталистических государств в XIX в. [8]

Для экономического и правового отделения В. Н. Перцев прочитал курс истории новейшего времени на Западе. В нем рассматривались эволюция экономической жизни Англии, Франции и Германии с конца XVIII до половины XIX в., политической жизни во Франции с 1871 г. до начала XX в., экономическая история Англии, Франции и Германии с половины XIX до начала XX в. [9]

В 1922/23 учебном году руководство БГУ пошло на вполне правомерный шаг, выделив из факультета общественных наук педагогический факультет, в состав которого вошло четыре отделения: социально-историческое, этнолого-лингвистическое, физико-математическое и естественное.

На педагогическом факультете В. Н. Перцев вел лекционный курс и семинары по истории Греции и новой истории Европы. Все эти предметы он преподавал и на социально-историческом отделении [10]. На факультете общественных наук он читал курс новейшей истории Западной Европы, вел по этому курсу практические занятия, а также семинар по истории народного хозяйства Западной Европы.

В. Н. Перцев выступал с лекциями в «Научном обществе» при университете, в Доме рабочего просвещения (Рабпрос), в клубе печатников. Темы его лекций — «Эволюция

---

[8] См.: Кацепбогин С. З. Белорусский государственный университет за 1921—1922 акад. год. Минск, 1922, с. 14.

[9] Там же.

[10] См.: Кацепбогин С. З. БГУ в 1922—23 учебном году (итоги и перспективы). Минск, 1923, с. 17.

вопроса о факторах исторического развития», «Денежный кризис во время Великой французской революции» [11] — свидетельствуют о высоком уровне запросов рабочей аудитории. Ученый не жалел времени для популяризации исторических знаний среди широкого круга рабочих, интеллигенции и военнослужащих Красной Армии.

Владимир Николаевич являлся также активным автором и составителем «Трудов Белорусского государственного университета в Минске» («Труды БГУ»). В их первых номерах была напечатана его большая работа «Социально-политическое мировоззрение Платона» (1922). В «Трудах БГУ» опубликовал он и статью «К вопросу об общинной собственности у древних германцев» (1923).

Большое значение придавал В. Н. Перцев изучению общинной собственности у древних германцев. Это было необходимо для разоблачения теории немецких буржуазных историков о незыблемости частной собственности в Германии. Он стремился проследить развитие общинных отношений у древних германцев, а также процесс разложения общины и установления частной собственности. В связи с этим Владимир Николаевич с особым вниманием изучил работу Ф. Энгельса «Марка», напечатанную в виде приложения к немецкому изданию его популярного труда «Развитие социализма от утопии к науке» [12].

Определенным итогом исследовательской деятельности В. Н. Перцева в 20-х годах была его монография «Экономическое развитие Англии в XIX в.» (1924); она восполнила недостающую литературу по новой истории Англии. Работая над этой книгой, В. Н. Перцев постигал марксистскую методологию исторического исследования. Следует сказать, что процесс его становления как ученого-марксиста был сложным и длительным.

Монография В. Н. Перцева оснащена интересным и

---

[11] См.: Каценбогин С. З. БГУ в 1922—23 учебном году, с. 20.
[12] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 327—345.

обильным статистическим и фактическим материалом, который наглядно иллюстрирует уровень развития Англии в XVII—XIX вв. Работа посвящена истории зарождения и становления капиталистических отношений в экономике Англии вплоть до высшей стадии капитализма — империализма. В ней даны соотношения сельскохозяйственного и промышленного производства в различные периоды развития экономики этой страны. Показательны сравнения сельскохозяйственного и промышленного производства в различных капиталистических странах: во Франции, Германии и США, а также в царской России.

Исследователь тщательно проштудировал ряд марксистских работ, в том числе «Капитал» [13] К. Маркса и «Положение рабочего класса в Англии» [14] Ф. Энгельса. Эти произведения дали В. Н. Перцеву богатый теоретический и фактический материал для обобщений и выводов. Он стремился раскрыть причины бедственного положения рабочего класса, его борьбу за свои экономические и политические права и, самое главное, последствия, которые приносят ему победы и поражения в жестокой борьбе, попытался раскрыть историческое значение тред-юнионизма в Англии. В монографии подчеркиваются единые закономерности развития капиталистических государств, качественные и количественные особенности этого процесса в каждой стране.

Книга В. Н. Перцева стройна по композиционному плану, логична по изложению исторического материала, проста и убедительна по подаче его читателю. По в этой работе имелись и существенные недостатки, которые снижали ее ценность, показывали, что автор еще не до конца постиг марксистско-ленинскую методологию в научном историческом исследовании. Так, В. П. Перцев неглубоко проанализировал мануфактуру как первоначальное капиталистиче-

[13] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23—25.
[14] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 231—517.

ское производство, поверхностно исследовал особенности капитализма в период эпохи империализма. В работе анализируются только некоторые признаки, характерные для капитализма периода империализма. Бегло и нечетко говорится в ней об образовании монополий, не даются их особенности и общие черты.

Разделы книги, относящиеся к эпохе империализма, написаны без учета положений работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» [15], которая вышла в 1917 г. Поэтому процесс становления и развития империалистических отношений не нашел полного отражения в книге В. Н. Перцева. В его монографии марксистские положения не всегда органически входят в ткань исследования. Относясь с величайшим уважением к марксизму, автор не смог в достаточной степени осмыслить основные положения марксистской методологии.

Недостатком книги В. Н. Перцева «Экономическое развитие Англии в XIX в.» является и то, что в ней очень слабый научный аппарат. В основном автор использовал английскую статистическую отчетность и книги буржуазных исследователей на немецком, английском и русском языках, не дав им соответствующей критической оценки, как это делали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Работа носит обзорный характер [16].

В 1925 г., когда отмечалось большое событие в культурной жизни республики — 400-летие белорусского книгопечатания, В. Н. Перцев вместе с научной общественностью принял активное участие в подготовке к нему и написал статью «Гуманизм в Италии» в юбилейный сборник. Это была серьезная заявка на дальнейшую разработку темы истории книгопечатания в Белоруссии. В 20-е годы Владимира Николаевича заинтересовала проблема идеологических взглядов государственных деятелей и движений в Гер-

[15] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426.

[16] См.: Никольский Н. М. Изучение проблем всеобщей истории.— В кн.: Наука в БССР за 30 лет. Минск, 1949, с. 481.

мании и во Франции. В «Трудах БГУ» помещены его две интересные статьи «Историческая идеология Бисмарка» и «Дантонисты в брюмере и фримере II года».

Подводя итоги своей научной деятельности в более позднее время, В. Н. Перцев весьма критически относился к своим работам, написанным до 30-х годов. «Статьи и книги, написанные в основном до 1930 г.,— отмечал он,— не всегда и не во всем удовлетворяли требованиям марксистско-ленинской методологии» [17].

7 июля 1931 г. Совет Народных Комиссаров БССР, учитывая возраставшую потребность в учительских кадрах, принял постановление о создании нового учебного заведения — Высшего педагогического института [18]. Он должен был находиться на территории Университетского городка в Минске и продолжать традиции педфака БГУ. Студенты и преподаватели этого факультета были переведены в новый институт.

С 1 августа 1931 г. в этом высшем учебном заведении заведующим и профессором кафедры истории Запада, впоследствии кафедры всеобщей истории, стал работать В. Н. Перцев [19].

Таким образом, профессор В. Н. Перцев был участником создания в республике двух высших учебных заведений, центров белорусской науки, культуры и просвещения — Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина и Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького.

Владимир Николаевич многое делал для того, чтобы студенты овладели научно-исследовательским методом работы . Он учил их настойчивым и углубленным занятиям с книгой и первоисточниками, документами и статистическими материалами. Для студентов-дипломников им

---

[17] Архив АН БССР, арх. 3, д. 3, л. 47.

[18] Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР, 1931, № 32, пост. 215, с. 12—13.

[19] Архив БГУ им. В. И. Ленина, ф. 206, св. 21, д. 811, л. 34.

были прочитаны специальные лекции «Как пользоваться первоисточниками» и «Как приступить к выполнению дипломной работы».

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [20] в Белорусском государственном университете был создан исторический факультет. Профессор В. Н. Перцев был снова переведен в этот вуз, где возглавил кафедру всеобщей истории [21]. Но связь с Минским пединститутом он не порывал, продолжал и там читать лекции.

Наступил момент, когда появилась необходимость оформить в виде ученой степени свою научную деятельность, которой занимался всю жизнь. По сумме научных публикаций решением квалификационной комиссии Наркомпроса БССР 5 июня 1935 г. Владимиру Николаевичу Перцеву была присуждена ученая степень доктора исторических наук [22]. Это было еще одним признанием заслуг ученого перед исторической отечественной наукой.

В середине 30-х годов В. П. Перцев много трудился над усвоением различных аспектов марксистско-ленинской теории. Он изучал и конспектировал труды классиков марксизма-ленинизма. Особенно внимательно отнесся Владимир Николаевич к марксистскому учению о развитии общественно-экономических формаций. Для исследования он взял наиболее сложные вопросы, связанные с первобытнообщинным, рабовладельческим и феодальным строем. В. Н. Перцев осваивал марксистско-ленинское учение об особенностях развития человеческого общества и явлений, происходящих в нем. Он тщательно проштудировал многие труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Глубокое знание работ основоположников марксизма-ленинизма необходимо было в повседневной преподавательской и исследовательской деятельности.

---

[20] «Правда», 1934, 16 мая.
[21] Архив АН БССР, арх. 1, д. 1, л. 2.
[22] Архив БГУ им. В. И. Ленина, ф. 206, св. 21, д. 81, л. 13.

Профессор В. Н. Перцев давно вынашивал мысль об исследовании истории древнего мира и средневековья в свете марксистско-ленинской методологии. И наконец, решил осуществить свое намерение. В этом плане особенно интересны его статьи «О формах собственности в античном обществе» и «Проблемы семьи, частной собственности и государства в работах Энгельса». В первой из них ученый глубоко проанализировал труд К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология». «Маркс и Энгельс здесь указывают,— писал В. Н. Перцев,— что права частных рабовладельцев на их индивидуальную собственность защищались коллективными средствами, т. е. общинной и государственной властью» [23].

Античный город-государство был сложной организацией, в которой ведущее место принадлежало рабовладельцам. Опасаясь объединения рабов и свободных бедняков, они вынуждены были идти на мелкие материальные подачки и ограничения свободного распоряжения частной собственностью. В руках рабовладельцев были сконцентрированы большие материальные богатства. Вся культурная жизнь и воспитание человека в городе-государстве были подчинены интересам господствующего класса рабовладельцев. Владея рабами, они обязаны были считаться с социально-политическими требованиями города-государства, с его общинной и государственной собственностью. Именно это было существенным в понимании античности К. Марксом и Ф. Энгельсом [24].

Статья «Проблемы семьи, частной собственности и государства в работах Энгельса» была написана В. П. Перцевым в связи с 120-й годовщиной со дня рождения Ф. Энгельса [25]. Семья, частная собственность и государство в работах Ф. Энгельса получили определенное толкование, основанное

---

[23] Перцев В. Н. О форме собственности в античном обществе.— «Ученые записки БГУ», 1939, сер. ист., вып. 1, с. 143.

[24] Там же, с. 146.

[25] См.: Никольский Н. М. Изучение проблем всеобщей истории.— В кн.: Наука в БССР за 30 лет, с. 478.

на изучении большого количества источников и литературы, из которых в первую очередь следует назвать крупное исследование американского ученого Моргана «Древнее общество». В. Н. Перцев отмечал, что Ф. Энгельс пользовался и работами Руссо, Гакстгаудена, Мауэра и других авторов.

Показ эволюции семьи в зависимости от социально-экономических условий и в первую очередь от развития производительных сил позволил Ф. Энгельсу нарисовать совершенно иную картину первобытного общества. Это положение использовал в своей работе В. Н. Перцев.

Книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс придавал огромное политическое значение, так как она должна была развеять миф о вечности и незыблемости буржуазной семьи, буржуазной частной собственности и буржуазного государства.

Активно выступал В. П. Перцев против попытки некоторых советских ученых биологизировать взгляды Ф. Энгельса на развитие первобытнообщинного строя [26].

Автор статьи подчеркнул, что происхождение и развитие семьи как родственного союза людей Ф. Энгельс неразрывно связывал с вопросом о развитии общественных и хозяйственных отношений. В связи с изменением в характере подобных союзов наблюдались качественные отличия в характере труда, причем при взаимном влиянии этих отношений труд играл все более существенную роль. Появление отцовского рода было вызвано первым крупным разделением труда, когда выделились скотоводческие племена. Частная собственность появилась не путем насилия, а закономерного развития производительных сил, т. е. экономического развития общества.

В. П. Перцев показал, что нового внес в разработку проблем происхождения семьи и частной собственности

[26] См.: Перцев В. Н. Проблемы семьи, частной собственности и государства в работах Энгельса.— «Известия АН БССР», 1941, № 1, с. 77.

Ф. Энгельс по сравнению с Л. Морганом. Владимир Николаевич указал на то, что Морган рассматривал появление частной собственности, моногамной семьи и развитие человеческого общества с позиций ученого-эволюциониста, в то время как Ф. Энгельс был ученым-революционером и решал все эти вопросы совершенно по-новому.

Появление классов и стремление господствующих классов держать в повиновении неимущих и эксплуатировать их привело к возникновению государства. Оно гарантирует существование противоположности классов. В. Н. Перцев прослеживал взаимосвязь и продолжение мыслей Ф. Энгельса в работах В. И. Ленина, посвященных государству. Как известно, В. И. Ленин дал высокую оценку книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Это,— писал В. И. Ленин,— одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала» [27].

Опираясь на это основополагающее высказывание В. И. Ленина, В. И. Перцев и написал свою статью. Мысли вождя пролетариата помогли ему глубже и основательнее изучить труды Ф. Энгельса и вести борьбу против буржуазных ученых, фальсифицирующих происхождение семьи, частной собственности и государства.

Умение целенаправленно и обоснованно применять марксистскую методологию В. П. Перцев показал в статье «Основные вехи в развитии буржуазной французской и немецкой историографии по средневековью». Он проиллюстрировал основные периоды во французской и немецкой историографии — это прогрессивный период, который пришелся на XVIII в., время расцвета буржуазных отношений; переходный (середина XIX в.), когда прогрессивность буржуазии резко падает, и последний, третий период (конец

---

[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

XIX — начало XX в.), характеризующийся резким возрастанием роли реакционной буржуазной историографии, которая откровенно служила идеологии фашизма. Для рассмотрения этих положений он взял наиболее яркие, типичные фигуры буржуазных ученых. К первому периоду он отнес Вольтера, Дюбо, Лессинга, Гердера, которые проповедывали идеи борьбы с феодальной церковью и аристократией. Они отмечали прогрессивное значение города и науки в средние века. Признавая развитие истории общества в индивидуалистическом плане, эти ученые не придавали должного значения истории народных масс.

Во второй период французская историография дала миру ученых Гизо и Тьери, которые указали на классовый характер борьбы во французской городской коммуне. Эта борьба в конечном счете приводила к революциям. Однако правильно оценивая прогрессивность класса буржуазии, они неправомерно включали в него все народные массы. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили заслуги этих ученых перед исторической наукой.

Деятельность немецких историков средневековья Вайца, Рота, Зома протекала в то время, когда актуальным было воссоединение Германии. Они старались доказать, что немцам было присуще стремление к единству под управлением сильной королевской власти на протяжении всей истории средневековья. Отрицание классовой борьбы, идеализация монархической власти в государстве, утверждение вечности и незыблемости частной собственности — характерные черты работ этих ученых.

Совершенно в ином плане историю раннего феодализма в Германии рассматривал немецкий историк Маурер. На первый план он выдвигал роль общественных и хозяйственных отношений в общинном укладе, чем наносил удар по теории извечности частной собственности.

Третий период характеризуется попытками французских и немецких буржуазных историков (Фюстель де Куланж, Допш и др.) доказать существование буржуазных отноше-

ний при феодализме и таким образом утвердить постоянное господство буржуазии. В итоге это реакционное направление буржуазной историографии пришло к оправданию наступления на Восток и расистской теории, к полной идеализации средневековья «как времени общественной солидарности и счастливого сожительства народов под руководством германских императоров» [28].

Статья В. Н. Перцева вышла в канун второй мировой войны и своим острием была направлена против фашистского мракобесия. Эту особенность работы, ее идейную заостренность, к сожалению, не заметили позднейшие советские историографы-медиевисты [29].

Профессор В. Н. Перцев обратился к немецкой и французской историографии потому, что она наглядно показывала переход буржуазных ученых на самые реакционные позиции. Исследуя их позиции, В. П. Перцев раскрывал идейные корни коричневой чумы. Его работа была направлена против идеологии фашизма в любых ее проявлениях.

Глубока и устойчива была приверженность В. П. Перцева к изучению политической, экономической и культурной истории Пруссии и Германии в целом. Такая проблематика была актуальной в период первой мировой войны, она приобретала важное значение накануне и во время Великой Отечественной войны. По истории Пруссии, Германии и Франции В. П. Перцевым было написано большое количество статей для Энциклопедического словаря Гранат и Большой Советской Энциклопедии. Здесь напечатаны крупные работы: «Гус» и «Гуситы, последователи Гуса», «Раумер Ф., немецкий историк» и «Жак Ру», «Этруски», «Рабовладельческое общество» (в соавторстве с Н. А. Машкиным), «Македония», «Микенская культура».

---

[28] Перцев В. Н. Основные вехи в развитии буржуазной французской и немецкой историографии по средневековью.— «Ученые записки БГУ», 1939, сер. ист., вып. 1, с. 99.

[29] См.: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л., 1968, с. 168.

11 апреля 1940 г. В. Н. Перцев был избран действительным членом Академии наук БССР [30]. Это придало ему новые силы в научных поисках и исследованиях.

В начале Великой Отечественной войны, 24 июня 1941 г., В. Н. Перцеву пришлось покинуть минскую квартиру, свой кабинет с интереснейшей домашней исторической библиотекой и эвакуироваться сперва в Курск, а затем в Ижевск. Здесь с 15 декабря 1941 г. по 1 сентября 1943 г. он работал заведующим и профессором кафедры истории Удмуртского государственного педагогического института. Владимир Николаевич старался организовать работу кафедры так, чтобы преподаватели и студенты чувствовали высокую ответственность за свой учебный труд, вовлекал их в научно-исследовательскую работу. Он трудился над проблемами «Фашизм и средневековье», «Пруссия в XIII в.», в республиканской газете «Удмуртская правда» публиковал научно-популярные статьи на военно-патриотические темы («Бородинская битва», «Александр Невский» и др.), читал лекции и доклады в воинских частях и госпиталях, активно участвовал в мероприятиях по оказанию помощи Красной Армии.

В годы Великой Отечественной войны силы белорусских ученых оказались разобщенными. Многие сотрудники АН БССР воевали на фронте или в рядах народных мстителей. Успевшие эвакуироваться самоотверженно трудились в тылу. Требовались огромные усилия, чтобы объединить ученых, которые находились в различных уголках Советского Союза.

Таким объединяющим началом явилась сессия АП БССР, проведенная 12—13 марта 1942 г. в Казани. Материалы этой сессии — яркий, убедительный документ верности белорусских ученых, писателей и общественных деятелей своему патриотическому долгу перед Советской Родиной и народом.

С докладами и сообщениями на сессии выступили народ-

[30] Архив АН БССР, арх. 3505, д. 3505, л. 28.

ные поэты, академики АН БССР Янка Купала и Якуб Колас, академик АН БССР О. К. Кедров-Зихман, члены-корреспонденты АН БССР Б. В. Ерофеев, С. М. Мелких, В. В. Попов, А. М. Розин. Вице-президент АН БССР Якуб Колас сделал отчетный доклад о работе Академии наук Белоруссии за период с 1 января 1941 г. по 1 января 1942 г.[31] О планах на 1942 г. рассказал президент АН БССР К. В. Горев [32].

Активное участие в работе сессии принял и В. Н. Перцев. Он выступил с докладом «Фашизм и средневековье». Владимир Николаевич убедительно показал общее и особенное в идеологии средневековья и фашистской диктатуры так называемого «тотального» государства, раскрыл те моменты средневековой истории, которые были взяты на вооружение фашистскими идеологами и служили им для обоснования своих теорий. Что же привлекло фашистских теоретиков в средневековой истории? Идеи вождизма, право силы и террора, волюнтаризм, мистика, аскетизм, господство аристократического меньшинства над массами, антисемитизм и т. п.

Однако, подчеркивал академик АН БССР В. Н. Перцев, при всех симпатиях фашистских идеологов к средним векам и при всей близости средневековой идеологии к идеологии фашистской проводить знак равенства между этими двумя мировоззрениями, возникшими при совершенно иных социальных и политических условиях, никак нельзя. Откровенно выражаемое фашистами сочувствие средневековью — это только прикрытие и средство, с помощью которых они стремятся феодальные идеи, а иногда и феодальные порядки и методы управления приспособить к потребностям загнивающего и умирающего капитализма [33]. Основным утверждением фашистских историков было положение о том, что

[31] Материалы мартовской сессии Академии наук БССР (12—13 марта 1942 г., г. Казань). М., 1942, с. 6—14.
[32] Там же, с. 15—22.
[33] Там же, с. 40.

корни германского величия лежат еще в седой старине и, по их мнению, право немцев на присвоение всех лучших достижений древней культуры и на всемирное господство оправдывалось общим ходом истории [34].

Абсурдность «нордической» теории, в основу которой положен расовый принцип объяснения всех явлений истории Германии и других стран, была глубоко раскрыта в докладе В. Н. Перцева. Опираясь на марксистско-ленинское учение об общественно-экономическом строе, он доказал, что в древности германские племена не имели частной собственности на землю, а была общественная собственность на нее. Это положение упорно не признавали фашистские историки. Они пытались исторически оправдать военную агрессию немцев на Востоке тем, что, как утверждали фашисты, славянские и литовско-прусские племена исстари стояли ниже по своей культуре, чем германцы «нордической» расы. Такая теория нужна была фашистам для того, чтобы затушевать существовавшие классовые противоречия, которые особенно обострились в период империализма. Эта примитивная теория давала широкие возможности фашистским лидерам расправляться с революционными и оппозиционными силами внутри государства, утверждать об их расовой непригодности. Расовая теория была направлена прежде всего против Коммунистической партии Германии, явилась основой для расправы с ней. Подобная теория применялась фашистами и для оправдания своей агрессивной внешней политики.

В. Н. Перцев разоблачил неблаговидные, грубые приемы фашистских ученых, которые, основываясь на «нордической» теории, стремились оправдать и возвеличить завоевательные походы немецких феодалов и существование сословно-иерархического государства в средние века. Он раскрыл всю гнилость, реакционность, стремление к заведомой фальсификации фашистской историографии. Она пре-

[34] Материалы мартовской сессии АН БССР, с. 46.

дала забвению действительные факты истории и закономерности ее развития ради того, чтобы оправдать существование гитлеровского режима. История народов и государств, построенная на расовой «нордической» теории, не имела ничего общего с научным познанием закономерностей исторического процесса. Это была грубая фальшивка, разработанная гитлеровскими историками.

В средневековье на завоеванных землях немцы устанавливали сословно-иерархический строй, и не было сотрудничества, как пишут фашистские историки, между рыцарями, крестьянами и горожанами. Пруссачество не могло возникнуть на крестьянской основе, так как оно было связано с самой реакционной частью господствующего класса феодального государства.

Выступление В. Н. Перцева было проникнуто мыслью о связи времен, глубокой верой в победу советского народа в Великой Отечественной войне и полном разгроме немецко-фашистских захватчиков, верой в то, что после развала фашистского государства к власти в Германии придут прогрессивные силы. Ученый-гуманист особо отмечал, «что ненависть к германским властям не есть ненависть к германскому народу. Германский народ создал много культурных ценностей, современные же германские власти отбросили германский народ в период варварства, средневекового угнетения и произвола» [35].

Владимир Николаевич Перцев был убежден, что фашизм погибнет и свет демократии взойдет над Германией. Эта убежденность побуждала его глубоко изучать историю Германии, находить в ней перспективы будущей гуманизации страны.

На сессии стало известно, что В. Н. Перцев взял для разработки новую тему «Захватническая политика немцев на востоке в XIII—XV столетиях», имевшую актуальное значе-

---

[35] Материалы мартовской сессии АН БССР, с. 91.

ние. Ученый сделал сообщение о своей новой работе, посвященной исследованию начальных моментов германской захватнической политики [36]. Опираясь на работу К. Маркса «Хронологические выписки» [37], В. Н. Перцев пришел к выводу, что немцы, порабощая и истребляя славянские народы, в то же время сами воспринимали некоторые славянские черты, подвергались литовско-прусскому и славянскому влиянию, поэтому говорить о чистой «нордической» расе немыслимо.

На ноябрьскую сессию АН БССР, которая проходила в 1942 г. в Ташкенте, В. Н. Перцев представил проспект исследования: «Пруссия до завоевания ее немцами». Впоследствии эту работу часто называли «Историей древней Пруссии». С публикациями по данной теме ученый часто выступал в различных изданиях.

В сентябре 1943 г. он приехал на станцию Сходня в Подмосковье, где в то время размещался Белорусский государственный университет, и возглавил кафедру истории средних веков. С 1 декабря 1943 г. Владимир Николаевич приступил также к исполнению обязанностей академика-секретаря Отделения общественных наук АН Белорусской ССР, которая временно находилась на станции Сокол в Подмосковье.

10 марта 1945 г. В. Н. Перцев вернулся в Минск [38]. Здесь он с новым творческим подъемом взялся за перспективную, малоизученную проблематику: историю белорусской культуры, историографию белорусской исторической науки, историю революционного движения в Белоруссии, а затем и историю Западной Белоруссии.

Условия жизни и работы в освобожденном от гитлеровцев Минске были трудными, враг разрушил здание АН БССР, не хватало жилья, электроэнергии, продовольствия,

---

[36] Материалы мартовской сессии АН БССР, с. 89—91.
[37] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V—VII. М., 1938—1940.
[38] Архив АН БССР, арх. 1, д. 1, л. 17.

бумаги. Еще шла война, но белорусский народ с братской помощью всех народов Советского Союза приступил к восстановлению народного хозяйства, науки и культуры в республике. Немалый вклад в эту работу внесли и белорусские ученые, в том числе В. Н. Перцев. Он активно трудился, возрождая центр белорусской науки — Академию.

В. Н. Перцев выступал с публицистическими статьями, носившими строго научный характер и направленными на разоблачение фашистских фальсификаций истории. В 1945 г. вышли две статьи подобного характера — «Образование Тевтонского ордена» и «Борьба полотчан и новгородцев против немецких агрессоров в XIII в.» Эти статьи как бы объединили два направления научной деятельности В. П. Перцева — с одной стороны, продолжение изучения истории Германии, а с другой — начало исследования истории Белоруссии.

В канун 30-летия образования Союза ССР белорусские ученые собрались на юбилейную сессию АН БССР. На ней были подведены некоторые итоги развития белорусской науки и намечены пути ее дальнейшего совершенствования.

С докладом, в котором были отражены основные направления советской медиевистики, выступил В. Н. Перцев. Он всесторонне проследил и оценил работу советских историков, раскрыл ведущие проблемы, над которыми работали ученые, показал место белорусской исторической науки в изучении средневековья. Владимир Николаевич подчеркивал, что он не ставит перед собой цель дать библиографическое обозрение по этой теме, а лишь стремится показать самые основные проблемы, стоящие перед советскими медиевистами. К ним относятся: изучение феодальной формации как основы средневековья и переход к новому общественно-экономическому строю — каниталистическому — путем революционного взрыва, т. е. классовой борьбы в городе и крестьянских восстаний; генезис феодализма, изучение вопросов идеологии и культуры. Было обращено впи-

мание на необходимость выйти за рамки европоцентризма, изучать проблемы средневековой истории и других континентов.

Для исследования истории огромное значение имеет источниковедческая база. В. Н. Перцев указывал на необходимость дальнейшего расширения работы по сбору и публикации источников по истории средневековья.

В. Н. Перцев был ученым-педагогом, русским интеллигентом, одним из многих старых профессоров и преподавателей, которые после Великой Октябрьской социалистической революции приняли активное участие в культурной революции, осуществленной по ленинскому плану в нашей стране.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ПРУССИИ И ГЕРМАНИИ

В ТЕЧЕНИЕ МНОГИХ ЛЕТ своей жизни В. Н. Перцев обращался к историческому прошлому Пруссии и Германии. Его интересовали прогрессивные черты развития этих стран, особенно культура эпохи немецкого Просвещения. Он видел всю противоречивость исторического развития Германии, где в противовес прогрессивным тенденциям выступали агрессивные реакционные силы. Ученый хорошо знал немецкую общественно-политическую и историческую литературу и периодические издания, выходившие за рубежом. Он тщательно отбирал литературу для рецензирования, делал обзоры немецких исторических журналов, в которых находил ответы на многие вопросы.

Владимир Николаевич изучал историю Германии XVI—XIX вв. Ей было уделено соответствующее внимание в «Очерках новой истории XVI—XIX веков» и в последующих изданиях научно-популярного характера. Еще в дореволюционное время Владимир Николаевич избрал объектом исследования Пруссию, считая, что именно от нее идет превращение германского государства в крупную империалистическую державу. В. Н. Перцев особо выделил одну из самых влиятельных династий Пруссии — Гогенцоллернов и посвятил им несколько больших статей в журнале «Голос минувшего». После Великой Октябрьской социалистической

революции, как раз в период оккупации войсками кайзеровской Германии значительной части Украины, Белоруссии и Прибалтики, издал эти статьи отдельной монографией под названием «Гогенцоллерны. Личные характеристики и обзоры политической деятельности» (1918). В этой книге, имеющей важное значение в творческой биографии ученого, показаны оголтелость, гнилость и агрессивность германского империализма и его истоки. В. Н. Перцев хорошо знал Германию, немцев, их историю и язык. Он глубоко исследовал историю милитаризма в Германии, которая к началу XX в. была империалистическим хищником первой величины, и пришел к выводу, что всеобъемлющий шовинизм идет от прусского юнкерства, от бюрократической, военной системы прусского государства.

Великая Отечественная война Советского Союза с гитлеровской Германией побудила Владимира Николаевича продолжить изучение истоков прусского милитаризма. Для этого он занялся историей Пруссии с древнейших времен до XVI в. В результате многолетней работы В. Н. Перцевым была написана большая монография под названием «Пруссия до завоевания ее немцами». Рукопись этой работы хранится в архиве Академии наук БССР. Ее объем около 25 печатных листов. Автор опубликовал только отдельные фрагменты из нее в «Ученых записках БГУ им. В. И. Ленина». Они печатались периодически в университетском издании.

Работа над проблемой была весьма сложной: остро ощущался недостаток документов и источников, имелось ограниченное количество археологических материалов, а то, что было, получило фальсифицированную интерпретацию фашистских историков. В этом он убедился еще в довоенное время, когда работал над более поздним периодом истории Пруссии и написал две статьи по истории прусского государства и крестьянства. Эти статьи погибли во временно оккупированном фашистами Минске в годы Великой Отечественной войны.

Опираясь на работы классиков марксизма-ленинизма, документальные и литературные источники, В. Н. Перцев нашел исторически оправданные решения некоторых вопросов истории Пруссии и Германии.

На историческом факультете Белорусского государственного университета профессор В. Н. Перцев читал спецкурс «История Пруссии в средние века». Он охватывал историю Пруссии с древнейших времен вплоть до перехода к капиталистическим отношениям. Владимир Николаевич составил детальную программу спецкурса. Она была обсуждена и утверждена на кафедре истории средних веков и в деканате исторического факультета БГУ.

Программа спецкурса «История Пруссии в средние века» [1] раскрывает основное направление мысли В. Н. Перцева по этой актуальной проблеме и дает возможность более полно уяснить значение его монографии «Пруссия до завоевания ее немцами», так как спецкурс органически включал в себя основные положения будущей книги. Рукопись работы состоит из введения и девяти неравномерных по объему глав. Наиболее крупные из них «Пруссия по данным античных авторов», «Пруссия в борьбе с немцами и Польшей (X—XIII вв.)», «Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами» и «Культура и религия древних пруссов».

В работе сделана попытка раскрыть важные моменты в истории древней Пруссии и доказать, что этническое и общественное формирование древнепрусских племен происходило на одних и тех же, в основном мало менявшихся территориях. Этнической основой древних пруссов была группа прибалтийских племен, живших по соседству со славянами, имевших много общих этнических и лингвистических черт с ними и другими прибалтийскими племенами. Германские народы в формировании древней прусской народности не участвовали [2]. Автор подчеркнул, что естественное развитие

---

[1] Архив АН БССР, арх. 10, д. 10, л. 41—43.
[2] Там же, арх. 18, д. 18, л. 38.

древних пруссов было насильственно прервано завоевателями-немцами, помешавшими этому народу идти вперед по пути прогресса [3].

Таким образом, В. Н. Перцев поставил перед собой задачу — развеять созданный немецкими реакционными буржуазными и фашистскими историками миф о вечности и незыблемости господства немцев на территории Пруссии, а также показать несостоятельность притязаний реваншистских кругов Германии на эту территорию. Работа В. Н. Перцева имеет актуальное значение и в наше время. Исследуя историю древней Пруссии, ученый вносил свой посильный вклад в борьбу за мир на планете.

Приступив к изучению истории древней Пруссии, В. П. Перцев прежде всего попытался уяснить, откуда появилось название страны и где проходили ее границы, найти истоки происхождения древней прусской народности. Он присоединился к мнению о том, что впервые это название как обобщенное наименование страны появилось в X веке в польских источниках и было, видимо, отражением географического положения территории Пруссии по соседству с русскими, т. е. Литовской Русью [4]. Отсюда оно, вероятно, было заимствовано немецкими и скандинавскими историками [5]. На основании сообщений античных авторов — Плиния, Тацита, Птолемея — ученый пытался определить этнический состав населения древней Пруссии, считая, что основным населением здесь были эстии, которые никогда не входили в состав германских племен. Владимир Николаевич нашел необходимым затронуть так называемый «готский вопрос», который является фундаментом для различного рода измышлений профашистских историков, утверждавших извечность и благотворность появления в юго-восточной

[3] Архив АН БССР, арх. 10, д. 10, л. 122.

[4] См.: Перцев В. Н. Начальные периоды истории древней Пруссии.— «Ученые записки ВГУ им. В. И. Ленина», 1956, сер. ист., вып. 30, с. 100.

[5] Там же, с. 101.

Прибалтике готов еще во времена бронзового века, причем часть немецких реакционных историков считают потомками готов прусскую знать. Это им нужно для доказательства того, что якобы люди германской крови занимали ведущее положение среди древних пруссов.

Автор рукописи «Пруссия до завоевания ее немцами» пришел к выводу, что готы очень короткое время пребывали на небольшой территории Западной Пруссии, в районе нижнего течения реки Вислы. Влияние этого племени на древних пруссов трудно обнаружить. «Все это показывает, что говорить о готской основе прусского племени у нас нет никаких оснований,— писал В. Н. Перцев.— В самом крайнем случае мы можем говорить только о некоторой и притом совершенно ничтожной примеси готских элементов к тому этническому составу, из которого вышли пруссы» [6]. Советский ученый опровергал реакционные утверждения о чистоте готского племени, а вместе с тем и показал абсурдность теории чистоты арийской расы. Он отмечал, «что в этническом составе той народности, которую древние, а отчасти и средневековые авторы называли готами, были и негерманские примеси. В готском языке и в готской народности были примеси и славянских, и литовских, и финских элементов, ибо с этими племенами готы находились тогда в близком соприкосновении и соседстве» [7].

Рядом с балтийской группой племен жили славяне. Их языковые связи прослеживаются весьма четко. Они подтверждаются данными лингвистики и топонимики. Сейчас продолжается изучение славянских и прусских языковых параллелей, успешно начатое В. П. Перцевым [8]. Эта проблема имеет актуальное значение для науки. Владимир Николаевич указал на сложность подобной работы, так как прус-

[6] Перцев В. Н. Начальные периоды истории древней Пруссии.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1956, сер. ист., вып. 30, с. 117.

[7] Там же.

[8] См.: Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. М., 1975, с. 5.

ский язык — мертвый и первые письменные памятники на нем появились в связи с немецкой колонизацией, когда прусский язык уже вымирал [9]. Прусский язык в своем развитии прошел ряд ступеней и подвергался различным влияниям, но всегда принадлежал одному народу. В. Н. Перцев настаивал на автохтонпости прусских племен, а также утверждал, что «древнейшее население этой страны включало в себя и славянские, и латышские, и литовские этнические элементы, на ней встречавшиеся и перекрещивавшиеся» [10]. Подобного рода положения вызвали возражения некоторых ученых, которые обвинили автора в приверженности к теории Н. Я. Марра [11]. Безусловно, категорично утверждать об автохтонности пруссов в древнейшие времена без достаточной опоры на исследование археологического материала представляется преждевременным. Научные источники, на которых строил В. П. Перцев свою гипотезу, явно недостаточны. На последующих страницах рукописи автор обратил внимание на то, что в прусском языке и культуре много общего с литовским языком и культурой. Он писал, что «резко отделить древних пруссов от литовцев представляется невозможным, вследствие чего их можно и должно рассматривать как одно из литовских племен,— не упуская, однако, из виду древнего соседства и возникающих отсюда у них связей со всей группой славяно-балтийских племен» [12].

Исследование хозяйственного и социального строя древней Пруссии В. Н. Перцев проводил, используя работы Ф. Энгельса [13], известия античных авторов и разнообразных

[9] См.: Перцев В. Н. Начальные периоды истории древней Пруссии.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1956, сер. ист., вып. 30, с. 118.

[10] Там же, с. 119.

[11] Архив АН БССР, арх. 9, д. 9, л. 143 (рецензия на рукопись книги В. Н. Перцева «Пруссия до ее завоевания немцами»).

[12] Архив АН БССР, арх. 16, д. 16, л. 105.

[13] См.: Энгельс Ф. К истории древних германцев.— В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 442—494; Его же. Франкский период.— Там же, с. 495—546.

хроник. В первые века нашей эры у пруссов происходило разложение первобытнообщинного строя и раннее развитие царской власти, а также дружиннической аристократии. Население наиболее развитых частей древней Пруссии занималось пашенным земледелием, в других местах — больше скотоводством, в третьих — охотой и рыболовством. Определенное значение имела торговля с Древней Грецией и Римом янтарем, мехами, медом, воском, птицей, дикими и домашними животными и другими товарами. Сами пруссы использовали янтарь для горения, возможно, и для освещения своих жилищ [14].

Ремесленное производство в древней Пруссии было развито слабо. Здесь изготовлялись предметы первой необходимости для домашнего обихода, рыболовства, животноводства и некоторые украшения. Многие предметы ремесла, домашняя утварь, украшения, принадлежности туалета привозились из Рима. Отсюда поступало в древнюю Пруссию и оружие.

Торговля Пруссии с Древним Римом носила в основном натуральный характер. Однако в конце III—VI в. торговля стала постепенно замирать. В. Н. Перцев приходит к выводу, что этим объясняется длительность сохранения родового патриархального строя и постепенный переход к управлению военной аристократии. В VI—IX вв. древняя Пруссия, по мнению историка, переживала переходный период. Власть мелких царьков не достигла уровня общегосударственного управления. Она была ограничена советом знати и народным собранием [15].

Ученый подчеркивал, что развитие пруссов происходило на более высоком уровне, чем германских племен, у которых были слабее развиты земледелие, ремесло и торговля.

---

[14] См.: Перцев В. Н. Хозяйственный и социальный строй древнейшего населения Пруссии (между I—IV столетиями н. э.).— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1959, сер. ист., вып. 50, с. 70—71.

[15] Архив АН БССР, арх. 16, д. 16, л. 107.

Несмотря на это, отмечал исследователь, наблюдалось замедленное разложение родоплеменного строя на большей части древней Пруссии, а также длительное сохранение общины, которая тормозила развитие частной собственности [16]. Раздробленность, слабость политической власти и экономическая неустойчивость позволили немцам захватить земли пруссов, одну часть населения превратить в рабов, а другую ассимилировать и принудить работать на колонизаторов.

Определение социально-политического и экономического положения древней Пруссии довольно сложно в связи с отсутствием в достаточном количестве документальных источников; поэтому В. Н. Перцеву иногда приходилось прибегать к вынужденным параллелям при сравнении положения древних пруссов с германскими племенами, основываясь на известиях о последних, делать свои предположения и выводы, что, разумеется, снижает достоверность описываемых им событий и научный уровень обобщений по такому важному вопросу. И тем не менее В. Н. Перцев нарисовал картину жизни, быта, общественного уклада древних пруссов, используя только позднейшие письменные памятники, реставрируя но крупицам действительные исторические события того далекого времени.

Ученый считал, что в Пруссии X—XIII вв. можно увидеть три социальных уклада: первобытнообщинный, который держался благодаря существованию общины и территориальным связям, частично рабовладельческий и, наконец, нарождавшийся феодальный строй. Общество древней Пруссии делилось на знать, в которую входили царьки, военные вожди, жрецы и зажиточные люди из общины, причем она медленно разлагалась; на родовых общинников, находившихся в частичной зависимости от знати; на немногочисленных рабов, переходящих на положение зависимых людей. В. Н. Перцев особо подчеркивал, что в древней Пруссии еще не сложились феодальные отношения и не было фео-

[16] Архив АН БССР, арх. 16, д. 16, л. 142.

дального государства, а общественные отношения строились совершенно иначе.

Поскольку древняя Пруссия была раздробленной страной, то здесь имелось большое количество царьков, а также языческих жрецов, власть которых была невелика. Все вопросы войны и мира, сбора ополчения, хозяйственные, судебные и другие дела решались на народном собрании, где роль знати была весьма значительна. В Пруссии не было крупных городов, а на ее территории раскинулись укрепленные деревни. Полями владела соседская община, но семья свободного общинника могла пользоваться этой землей. Исследователь предполагал, что у пруссов свободные общинники должны были участвовать на отработках у царьков. Последние имели право юрисдикции над этими людьми. Во время войн простые пруссы должны были вступать в ополчение, копать рвы и окопы, прокладывать дороги. Вооружение их было самым примитивным, в то время как прусская знать была хорошо вооружена.

Фрагменты этой главы из рукописи В. П. Перцев дважды публиковал в «Ученых записках БГУ им. В. И. Ленина» [17].

В работе «Пруссия до завоевания ее немцами» автор отмечал, что, прежде чем в прусские земли вторгся Тевтонский орден, здесь неоднократно делала попытки обосноваться Польша. Она направляла в Пруссию миссионеров Адальберта и Вруна, которые были тесно связаны с римским папой и германским императором, но и эти попытки кончались полной неудачей. Пруссы не хотели принимать непонятного им христианства, которое проповедывалось на неизвестном языке (латинском), твердо держались язычества, считая его основой сохранения своей независимости и свободы.

Владимир Николаевич проанализировал причины, позволившие пруссам, находившимся на уровне разлагавшихся

[17] См.: Перцев В. Н. Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1951, с. 99—123; 1955, сер. ист., вып. 23, с. 90—123.

первобытнообщинных отношений, длительное время отстаивать свою независимость. Это прежде всего существование соседской общины и природные условия древней Пруссии: леса, болота, топи и т. п., а также нравы и обычаи свободолюбивого прусского народа. Благодаря миссионерской деятельности Адальберта в Пруссии на нее обратили внимание многие страны Европы. С этого момента Пруссии пришлось вести упорную борьбу за свою независимость. Неоднократные вторжения польских феодалов на территорию Пруссии носили грабительский характер и делались ради наживы. Однако обосноваться на землях древней Пруссии польские феодалы так и не смогли, несмотря на то что местные царьки и знать их поддерживали. Свободолюбивый прусский народ поднимал восстания, вел партизанскую войну.

С середины XII в. в дела Пруссии при содействии римского паны стала активно вмешиваться Германия. Польские короли, почувствовав сложность и безысходность борьбы с Пруссией, пошли на союз с Германией и ее основной военной силой — рыцарством. Этот шаг имел большие отрицательные последствия для польского народа и государства.

После окончания пятого крестового похода в 1222 г. идея полного покорения пруссов пришла новому миссионеру — епископу Христиану, которому папа римский отдал в подчинение и для разграбления Пруссию. Епископ Христиан был сторонником порабощения пруссов с помощью меча и кинжала. К. Маркс в «Хронологических выписках» заклеймил позором этого святошу-убийцу, дав ему прозвище «вонючий монах» [18].

В походе против Пруссии самое активное участие приняли польские князья. Однако и на этот раз не сбылись коварные замыслы захватчиков. Пруссы подняли мощное восстание, которое быстро охватило почти всю страну и перешло ее границы, перекинувшись в Мазовию и Померанию. Епископ Христиан и польский король Конрад Мазо-

[18] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V. М., 1938, с. 341—342.

вецкий поняли, что им одним не справиться со свободолюбивым прусским народом, и они призвали на помощь Тевтонский орден, который был в то время сильной военной организацией рыцарства Западной Европы, способной на всякие авантюры.

Владимир Николаевич, характеризуя деятельность Тевтонского ордена, подчеркивал мысль о том, что папа и польский король, взлелеяв немецкий орден, не предвидели последствий его дальнейших губительных действий. Тевтонский орден, создав свое государство, поставил себя над церковью и всегда угрожал целостности границ Польши [19].

Приход в древнюю Пруссию немецких рыцарей-завоевателей, обагривших кровью свои белые плащи с крестами, сопровождался покорением и уничтожением местного населения. Тевтонский орден и его покровители сделали все, чтобы имя народа, ничего общего не имевшего с германскими племенами, сохранилось за немецкой колонией. Трагедия целого народа была итогом господства в Пруссии этого Ордена.

В позднейшую Пруссию входила и Бранденбургская марка. В. П. Перцев разработал тему: «Захват и заселение Бранденбургской марки немцами». Он отмечал, что позднейшая большая Пруссия насильственно создавалась на славянских, литовских, латвийских и других землях, на которых расположилось Бранденбургское маркграфство и Тевтонский орден. Причем впоследствии Пруссия стремилась захватить отдельные германские территории и ослабить императорскую власть в Германии [20].

Рассмотрение истории захвата немцами Бранденбургской марки В. П. Перцев начал с исследования жизни, быта, общественного уклада исконных жителей на этой прибалтийской территории между реками Эльбой и Одером — славянских племен лютичей.

---

[19] Архив АН БССР, арх. 16, д. 16, л. 267.

[20] См.: Перцев В. Н. Захват и заселение Бранденбургской марки немцами.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1950, сер. ист., вып. 10, с. 185.

В X в. немцы на землях славянских племен лютичей организовали марки, в которых местное население испытывало гнет и насилие. Выбрав наиболее благоприятную обстановку в 983 г., когда германский император совершал походы в Италию, лютичи восстали против немецкого господства, и в течение 150 лет нолабские славяне были свободны от немецкой «цивилизации». Впоследствии земли славянских племен вновь и надолго завоевывают немцы.

Исследователь пришел к выводу, что успехи в захватах этих земель объясняются непрочностью союзов славянских племен, их частыми распрями, а также предательством знати славянских племен интересов народа [21].

Автор детально описал зарождение воинственной династии Асканиев и продолжение ею политики захвата славянских земель при маркграфе Альбрехте фон Болленштедте, который носил прозвище Медведь. В. Н. Перцев был убежден, что создание внешнего могущества Пруссии связано не с династией Гогенцоллернов, как утверждают некоторые немецкие историки, а с династией Асканиев и ее яркого представителя Альбрехта Медведя [22]. Он вел успешную борьбу против славян и тех немецких феодалов, которые мешали ему устанавливать свое господство над венедскими племенами.

Одно из венедских племен — лютичи — упорно сопротивлялось немецкой колонизации. Альбрехту Медведю только после осады в зимних условиях (это было наиболее благоприятное время для военных действий немцев) удалось захватить центр лютичей — город Бранибор, который был переименован на немецкий лад — в Бранденбург.

В 1157 г. Альбрехт Медведь, чтобы особо подчеркнуть значение своей победы над лютичами, присвоил себе титул маркграфа Бранденбургского. В дальнейшем его преемни-

[21] См.: Перцев В. Н. Захват и заселение Бранденбургской марки немцами.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1950, сер. ист., вып. 10, с. 187, 190.

[22] Там же, с. 192.

ки из династии Асканиев значительно расширили Бранденбургскую марку. С половины XII в. после захвата немцами земель лютичей, когда Северная марка стала Бранденбургским маркграфством, свободные общинники этого славянского племени потеряли право на распоряжение своей землей. В то время основными собственниками земли были маркграф, церковь, богатые рыцари и местная знать.

В городах немцы отводили лютичам отдельные кварталы. Делалось все возможное, чтобы унизить славянское население, подчинить его господству немецких феодалов, а часть уничтожить. Немецкая колонизация этих территорий с каждым годом усиливалась.

На завоеванных территориях селились немецкие рыцари, воины-кнехты, имевшие ленное право на землю и не платившие налогов маркграфу. Основные доходы они получали не от земли, а на службе маркграфу и на войне, грабя и убивая.

Положение изменилось во второй половине XIII в. Рыцари стали устанавливать свое господство на общинных землях, т. е. в марке, и она перестала быть убежищем для крестьян. Они были вынуждены из-за безземелья покидать Германию и переезжать на славянские земли. Часть из этих крестьян попадала в подчинение непосредственно к маркграфу, а большинство оказывалось в полном юридическом и фактическом подчинении рыцарей-феодалов, которым принадлежали земли. Переселенцы-крестьяне были лично свободные, освобождались от военной службы, она была уделом рыцарей. Это давало крестьянам возможность избегать разорения. «Только славянские и литовско-прусские крестьяне оставались несвободными» [23].— писал Ф. Энгельс.

В Бранденбургской марке быстро росли городские поселения. Благодаря тому что им покровительствовали крупные феодалы, и здесь появились предприниматели — фохты, покупавшие земли у маркграфов или получавшие их

[23] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 340.

бесплатно. Они приглашали ремесленников и других застройщиков для поселения на этих участках. Горожане получали небольшие льготы. В XIII в. было около ста городских поселений. Им давалось автономное самоуправление [24].

Большую роль в колонизации немцами Бранденбургской марки сыграли монастыри — духовные угнетатели славянского населения и немецких крестьян,— получившие большие земельные наделы из рук Альбрехта Медведя.

«Таким образом,— заключает В. Н. Перцев,— политику немецких властей в Бранденбурге можно коротко резюмировать как угнетение и истребление туземного славянского населения и всякого рода льготы и послабления по отношению к пришлым немцам. Жестокое отношение к туземцам привело к тому, что уже через два столетия после Альбрехта Медведя славянская речь перестала звучать в Бранденбургской марке» [25].

В последней главе «Культура и религия древних пруссов» [26] рукописи книги «Пруссия до завоевания ее немцами» В. Н. Перцев попытался раскрыть религиозные верования туземного населения этой страны. Фундаментом для исследования послужила марксистско-ленинская методология, ее оценка религии и культуры как форм общественного сознания. Автор систематизировал источники для изучения этой проблемы по двум периодам, давая критическую оценку каждому. «Первый от XI до самого начала XVI в. (т. е. до времени реформации в Пруссии) и второй, заключающий в себе известия о времени реформации (и несколько более поздние), когда интерес к прусской старине ожи-

---

[24] См.: Перцев В. Н. Захват и заселение Бранденбургской марки немцами.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1950, сер. ист., вып. 10, с. 203.

[25] Там же, с. 204.

[26] См.: Перцев В. Н. Культура и религия древних пруссов.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1953, сер. ист., вып. 16, с. 329—378.

вился и когда деятели реформационного движения в целях искоренения остатков язычества стали усердно отыскивать их в народных верованиях и обрядах» [27]. К первому периоду относятся «Хроника» П. Дюсбурга и договор между Орденом и пруссами от 7 февраля 1249 г. Это наиболее ценные источники, из которых при тщательном анализе можно почерпнуть отрывочные сведения о прусской религии и культуре. Для второго периода пришлось пользоваться сведениями протестантских богословов эпохи Реформации, выступавших с полемикой, сравнивавших язычников-пруссов с католиками. Протестанты достоверно не знали религии древних пруссов. Все их утверждения строились по подобию античной мифологии или христианской религии.

В. Н. Перцев, учитывая уровень общественного развития древних пруссов, считал, что в то далекое время не существовало верховного божества. Пруссы поклонялись силам природы и одухотворяли ее. У них были священные рощи, камни, пни, столбы и поля. Они почитали культ огня и предков. Большое значение имел культ одухотворения животных. Все это сохранилось в XVI в., когда пруссы подверглись христианизации, но так называемая народная (языческая) религия продолжала существовать.

У древних пруссов не было храмов, а имелись святилища. В них служили местные жрецы, которые по-прусски назывались по-разному: войделотами, вуршаитами, сиганотами, тулиссонами, лигашонами и др. [28] Это были в большей степени гадатели, колдуны, знахари, чем служители культа. Многие из них действовали в интересах племенных вождей и знати в период разложения первобытнообщинного строя.

Исследователь указывал на наличие у древних пруссов патриархальных семейных отношений. В Пруссии из-за невысокого развития социальных отношений в средние ве-

---

[27] Перцев В. Н. Культура и религия древних пруссов.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1953, сер. ист., вып. 16, с. 31.
[28] Там же, с. 363.

ка еще наблюдались случаи многоженства, покупки и продажи жен и детей, права отца убивать своих детей, особенно девочек, а также передачи в некоторых случаях отцом (или братом) жены в наследство сыну (или брату). Ученый попытался раскрыть облик древнего прусского народа, опираясь на немногочисленные сведения позднейших источников. Он в противовес реакционным исследователям, которые всегда подчеркивали дикость и варварство древних пруссов, писал об их человеколюбии, отсутствии почитания серебра и золота, высокого и честного гостеприимства, миролюбия.

С приходом миссионеров и немцев-колонистов началась усиленная христианизация древнепрусского населения, поддержанная знатью местных племен и вызвавшая острый протест среди древних пруссов. Еще долгое время народные поверья языческого происхождения бытовали среди пруссов, литовцев и славян, населявших эти земли. Автор сделал важное обобщение в этой главе книги. «Древняя культура Пруссии,— писал он,— была прервана таким же насильственным путем, как и вся ее история» [29]. Подобное высказывание В. Н. Перцева полностью соответствует положениям К. Маркса, который писал, «что к концу XIII века цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и тони, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву» [30].

В работе «Пруссия до завоевания ее немцами» В. П. Перцев проявил себя опытным исследователем литературы и источников, показал свое умение интерпретировать их. Здесь он дал глубокий анализ письменным памятникам средневековой истории.

Однако автор не использовал всех источников и литературу по избранной проблеме. Основой его исследования

[29] Перцев В. Н. Культура и религия древних пруссов.—«Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1953, сер. ист., вып. 16, с. 377—378.

[30] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, с. 344.

были литература и источники, известные в XIX в., то новое, что появилось в 30—50-х годах XX в., к сожалению, прошло мимо историка. Разработку этой темы продолжил близкий В. Н. Перцеву по научным интересам В. Т. Пашуто [31]. В своих историографических работах он неоднократно обращался к научному наследию В. Н. Перцева [32]. Разрабатывая историю древней Пруссии, В. Т. Пашуто показал всю сложность и противоречивость многих исторических явлений далекого прошлого.

Авторитет академика АН БССР В. Н. Перцева, посвятившего многие годы своей жизни медиевистике, весьма высок в Польской Народной Республике. 4 ноября 1959 г. к нему обратился с письмом редактор журнала «Rocznik Olsztyński» Ежи Антоневич с просьбой выслать свои печатные работы по истории древней Пруссии и подготовить статью для польского периодического издания [33]. Ежи Антоневич попросил также написать рецензию на книгу В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства». Такая рецензия вскоре появилась в журнале «Rocznik Olsztyński».

Ценность работы В. П. Перцева «Пруссия до завоевания ее немцами» заключается в том, что она направлена против фашизма, показывает истоки его в средневековой истории. Владимир Николаевич осуждал антигуманный, регрессивный путь, по которому шла Германия, указывал на обреченность гитлеровского тотального порядка.

Учитывая всю сложность и важность изучения этой проблемы, В. Т. Пашуто писал: «Паша историческая наука пока что не обнаружила должного внимания к прошлому свободолюбивых пруссов» [34], а далекое прошлое этого народа непо-

---

[31] См.: Пашуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.).— «История СССР», 1958, № 6, с. 54—81.

[32] См.: Paszuto W. Władymir Nikołajew Piercew (1877—1960).— «Rocznik Białostocki», 1962, t. 3, s. 560—561.

[33] Архив АН БССР, арх. 15, д. 15, л. 46.

[34] Пашуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.).— «История СССР», 1958, № 6, с. 54.

средственно связано с историей нашей страны. Поэтому, думается, назрела необходимость издать труд В. Н. Перцева «Пруссия до завоевания ее немцами». Он является определенным положительным этапом в деле изучения истории древней Пруссии. Исследование В. Н. Перцева, выйдя в свет, послужит хорошей основой ученым в решении важнейших проблем истории СССР.

Несколько ранее В. Н. Перцев изучал историю Пруссии и Германии XVII — начала XX в. В книге «Гогенцоллерны» он описал государственный строй, внутреннее положение и внешнюю политику Пруссии и Германии. Владимир Николаевич обратил особое внимание на милитаристские устремления этой династии, раскрыл во всей наготе подготовку к войнам вообще, к первой мировой — в особенности. Он показал, что вся сущность гогенцоллерновского правления — это стремление прусских юнкеров во главе с королями и императорами к новым захватам и порабощению завоеванных народов.

В своей работе В. П. Перцев не пошел по пути хронологического изложения истории династии Гогенцоллернов, а сосредоточил внимание на ее наиболее значительных фигурах. В исследовании определенное место отведено истории создания германской империи и в связи с этим характеристике императора Вильгельма I и его всемогущего канцлера Бисмарка, Вильгельма II, который часто сменял канцлеров (при нем канцлерами были Бисмарк, Каприви, Гогенлоэ, Бюлов, Бетман-Гольвег). Очерки о государях гогенцоллерновской династии написаны примерно по такому плану: личная характеристика монарха со всеми его человеческими слабостями и достоинствами, социально-экономическое положение страны в период правления того или иного государя, внутренняя и внешняя политика двора короля или императора.

Владимир Николаевич подробно характеризовал деятельность канцлеров, их личные качества и умение найти персональные и государственные контакты с монархами, а

также причины, побудившие уйти в отставку. Пожалуй, слишком много страниц отводится канцлерам. Они у В. Н. Перцева часто даже заслоняют фигуру императора, уводят читателя от основной темы, которая задана в подзаголовке книги: «Личные характеристики и обзоры политической деятельности» (имеется в виду династия Гогенцоллернов — *М. Б.*). Но такой прием изложения исторического материала позволил автору проанализировать внутреннюю и внешнюю политику Пруссии и Германии, разоблачить их реваншистские устремления, показать, что эта политика выражала интересы феодалов-юнкеров, а впоследствии и крупной буржуазии.

Автор раскрыл полуразбойничью сущность прусского государства, во главе которого стояли Гогенцоллерны — яркие представители крупного юнкерства. Правление этой династии носило военно-бюрократический характер. Оно держалось прежде всего на армии, которая без крупных финансовых вложений не могла существовать. Для полноты анализа деятельности Гогенцоллернов В. П. Перцев исследовал финансовую политику различных королей и императоров.

Ученому удалось выписать лаконичные и правдивые характеристики королей и императоров династии Гогенцоллернов, которые перекликаются с убийственными оценками их деятельности, данными К. Марксом в статье «Подвиги Гогенцоллернов», написанной еще в 1849 г.[35] К. Маркс характеризовал эту династию следующим образом: «Кто не знает вероломства, коварства, мошенничеств с наследствами, при помощи которых возвысилось семейство капралов, которое носит имя Гогенцоллернов?»[36]

К. Маркс с полным презрением относился и к одному из видных представителей этой династии — королю Фридриху-Вильгельму II (1786—1797) — племяннику «великого Фрица» Фридриха II (1740—1786). В той же статье он писал:

---

[35] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 6, с. 519—523.
[36] Там же, с. 519.

«Всякий знает, как он (Фридрих-Вильгельм II — *М. Б.*), чья жизнь была чисто гогенцоллернской помесью распутства и мистицизма, старческой похотливости и ребяческого суеверия, задушил свободу мнений бишофсвердерскими эдиктами» [37].

Теперь обратимся к книге В. Н. Перцева «Гогенцоллерны». Здесь мы прочитаем о Фридрихе-Вильгельме II почти подобную характеристику. Владимир Николаевич писал: «В его (Фридриха-Вильгельма II — *М. Б.*) натуре едва ли не самой преобладающей чертой был мистицизм; эта черта передалась затем многим из его потомков и вошла наряду с пресловутой практичностью и культом военной силы в духовный облик большинства представителей династии Гогенцоллернов. Мистицизм Фридриха-Вильгельма II был неразрывно связан с идеологией абсолютизма» [38]. Раскрывая особенности мистицизма этого монарха, В. Н. Перцев отмечал, что «мистические увлечения Фридриха-Вильгельма II, как это часто бывает, соединялись и с чувственными. Он был женат 4 раза, из них 2 раза морганатическим браком, причем, вступая в третий брак, он даже не позаботился развестись со своей второй женой. Кроме четырех жен он имел еще довольно многих любовниц» [39]. Владимир Николаевич правильно оценил историческую сущность династии Гогенцоллернов.

Впоследствии В. Н. Перцев неоднократно обращался к истории Германии. В 50-х годах он дважды издавал книги по истории Германии XVIII в. [40] Они были рассчитаны на

---

[37] Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 6, с. 520. К. Маркс имел в виду королевские указы в Пруссии, которые были изданы в 1788 г. по инициативе Бишофсвердера — реакционного советника Фридриха-Вильгельма II, ограничивавшие права печати и свободу вероисповедания. (Там же, с. 693).

[38] Перцев В. Н. Гогенцоллерны. Личные характеристики и обзоры политической деятельности. М., 1918, с. 35.

[39] Там же, с. 36.

[40] См.: Перцев В. Н. Германия в XVIII в. Минск, 1953; Его же. Очерк истории Германии XVIII в. Минск, 1959.

студентов и преподавателей. Основным материалом для этих изданий послужили книга «Гогенцоллерны» и статьи, которые Владимир Николаевич опубликовал в различных энциклопедиях. Он не дал систематического изложения истории Германии и Пруссии, а написал краткий очерк истории этих стран, выделив «вопросы, связанные с состоянием сельского хозяйства, промышленности, торговли Германии в конце XVII и начале XVIII в., политической, экономической и социальной политикой Фридриха II, общественно-политической идеологией Германии рассматриваемого времени» [41], отведя много места изучению развития буржуазного просветительства [42].

Работа В. Н. Перцева раскрывала на фоне исторических событий, политической и экономической раздробленности Германии деятельность Фридриха II. В книге много страниц посвящено истории культуры Германии XVIII в. Учебное пособие написано на базе марксистской методологии. При оценке деятельности Фридриха II Владимир Николаевич старался найти ее узловые моменты, отметить особенности правления этого короля. Его характеристика полностью соответствует глубокой оценке, данной «великому Фрицу» К. Марксом [43].

В. Н. Перцев обратился к изучению внешней политики одного из видных Гогенцоллернов, а именно Фридриха-Вильгельма III (1797—1840), еще во времена юбилейных изданий, посвященных столетию Отечественной войны 1812 года. В них он выступил со статьей «Союз России с Пруссией» [44], в которой показал внешнюю политику прусского ко-

---

[41] См.: Перцев В. Н. Очерк истории Германии XVIII в., с. 3.

[42] См.: Нечай Ф. М., Шнеерсон Л. М. Всеобщая история.— В кн.: Достижения исторической науки в БССР за 50 лет (1919—1969 гг.). Под ред. И. С. Кравченко, З. Ю. Копысского. Минск, 1970, с. 66.

[43] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 6, с. 519—520.

[44] См.: Перцев В. П. Союз России с Пруссией.— В кн.: Отечественная война и русское общество, т. VI. М., 1912, с. 44—54.

роля Фридриха-Вильгельма III в этой войне и убедительно доказал, что из-за склада ума и трусливого характера короля она отличалась своей двойственностью, непоследовательностью и неискренностью. Вот как оценивал В. Н. Перцев этого монарха: «Чувство национальной обиды захватило даже и косного, нерешительного, слабого умом и волей короля Фридриха-Вильгельма III» [45].

Эта характеристика созвучна с оценкой деятельности Фридриха-Вильгельма III, данной ему К. Марксом [46]. Если обратиться к другой фигуре династии Гогенцоллернов — Фридриху-Вильгельму IV (1840—1861), то и в этом случае оценка монарха как проповедника средневековых идей и романтика в книге В. Н. Перцева перекликается с характеристикой, которую дал ему Ф. Энгельс [47].

Книга «Гогенцоллерны» подробнейшим образом освещает деятельность канцлера Бисмарка при императоре Вильгельме I. Автор детально анализирует политику «крови и железа», «кнута и пряника», которую проводил Бисмарк внутри страны, оставаясь всегда на уровне юнкерских интересов.

Бисмарк как государственная и политическая личность, его философско-исторические взгляды и идеология многократно привлекали внимание ученого-исследователя («Либеральное канцлерство» (1917), «Историческая идеология Бисмарка» (1925)). Он обращался к политике железного Бисмарка, чтобы всесторонне изучить деятельность этого канцлера по объединению Германии и созданию сильного немецкого государства. Автор отмечал своеобразие развертывания исторических событий, когда «фактически получалось такое положение, при котором не Германия поглощала

---

[45] Перцев В. Н. Союз России с Пруссией.— В кн.: Отечественная война и русское общество, т. VI, с. 45.
[46] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 520.
[47] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 288.

в себе Пруссию, а Пруссия растворяла в себе Германию» [48]. Он раскрыл повороты внутренней и внешней политики, которые так круто и целеустремленно делал Бисмарк. Император Вильгельм I плохо понимал действия своего канцлера, потому что не обладал политической гибкостью своего министра, и часто неохотно шел за неожиданными изменениями его политики, однако в его душе жило то же самое преклонение перед внешней силой и властью, что и в душе Бисмарка [49].

В своей книге В. Н. Перцев хорошо проиллюстрировал характеристику «великого канцлера», данную ему Ф. Энгельсом: «Бисмарк — человек большого практического ума и огромной изворотливости, прирожденный и тертый делец» [50]. В работе Ф. Энгельса «Роль насилия в истории», откуда взята эта характеристика, есть и такие интересные выводы, что «у Бисмарка... никогда не было даже намека на какую-нибудь оригинальную политическую идею, он только по-своему комбинировал готовые чужие идеи. Но эта ограниченность и была как раз его счастьем. Без нее он никогда не умудрился бы рассматривать всю мировую историю со специфически прусской точки зрения...» [51]

Оценка деятельности Бисмарка, данная В. П. Перцевым, во многом совпадает с выводами классиков марксизма. Например, Ф. Энгельс писал: «...Едва он (Бисмарк — *М. Б.*) выполнил на свой манер свою особую, предписанную ему извне миссию, как оказался в тупике; и мы увидим, какие скачки он вынужден был делать вследствие абсолютного отсутствия у него рациональных идей и его неспособности понять им же самим созданную историческую ситуацию» [52]. Подобную мысль высказал в своей книге и Владимир Нико-

---

[48] Перцев В. Н. Гогенцоллерны, с. 112.
[49] Там же, с. 88.
[50] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 442.
[51] Там же.
[52] Там же.

лаевич. «Его тяжелая рука (Бисмарка — *М. Б.*),— отмечал ученый,— все сильнее тянула Германию назад, к феодальному прошлому, не останавливаясь даже перед покушениями на им же самим созданные учреждения вплоть до самого всеобщего избирательного права и представительного образа правления» [53].

Книга В. Н. Перцева раскрывает перед читателем всю противоречивость внутренней и внешней политики Бисмарка. Но иногда автор, увлекаясь интересными документами, слишком доверчиво, некритически относится к ним. Он принимает на веру демагогические высказывания монархов и государственных деятелей, не утруждая себя глубоким историческим анализом этих речей. Так, например, Владимир Николаевич обратился к высказыванию Бисмарка по поводу бюрократичности немецкого чиновничества. Канцлер называл его «трутнями, которые управляют нами, но ничего не производят кроме законов» [54]. Из этих слов В. Н. Перцев сделал вывод, что Бисмарк выступал против бюрократии, на самом деле вся германская империя была построена на ней и такие порядки были или продолжены, или вновь заведены Бисмарком.

Хотя некоторые историки дореволюционного времени считали, что «император Вильгельм II остается каким-то сфинксом, неподдающимся легко разгадке» [55]. В. Н. Перцев взялся за изучение личности и правления последнего монарха династии Гогенполлернов — кайзера Германии. Изучая деятельность Вильгельма II, Владимир Николаевич вначале обратился к анализу личностных качеств императора и, самое главное, попытался определить его мировоззрение.

Автор отмечал мистический, метафизический и национа-

---

[53] Перцев В. Н. Гогенцоллерны, с. 135.
[54] Там же, с. 88.
[55] Утин Е. И. Вильгельм I и Бисмарк. Исторические очерки. Спб., 1892, с. XIX.

листический характер мировоззрения Вильгельма II. Это удалось установить на основании анализа его многочисленных речей, в которых довольно часто он говорил об исключительном значении немецкого народа в поддержании мира. «Но под миром,— писал В. Н. Перцев,— он понимал только такой мир, который основан на верховенстве германского народа» [56]. В своих речах и выступлениях Вильгельм II всегда подчеркивал исключительность династии Гогенцоллернов в правлении Германией. Такое право дано ему божьей милостью, поэтому кайзер за свои действия ни перед кем не отвечает, что, естественно, находилось в противоречии с конституцией, которой присягал император при вступлении на престол. В. Н. Перцев сделал вывод, что «государственно-правовая концепция Вильгельма проникнута чисто средневековым архаизмом» [57]. Вместе с тем Владимир Николаевич, отмечая и другие важные особенности императора Вильгельма II, указывал, что он «слишком живой, подвижный и наблюдательный человек, чтобы замкнуться в сфере отвлеченной идеологии... самые отвлеченные и мистические из его идей служат ему лишь оправданием и теоретическим прикрытием для вполне определенных направлений его практической политики» [58].

Таким образом, идеологические установки Вильгельма II направлены на то, чтобы оправдать свою реакционную внутреннюю и внешнюю политику подготовки и развязывания мировой войны. Но прежде чем начать войну, необходимо было обеспечить промышленный потенциал Германии.

Это хорошо понимал Вильгельм II, поэтому «эру социальной политики сменила «эра Штумма и Крупна»... без промышленной энергии и капиталов Крупна, Штумма и

---

[56] Перцев В. Н. Гогенцоллерны, с. 143.
[57] Там же, с. 147.
[58] Там же, с. 150.

К° интересы армии, флота и государственной казны не могли получить удовлетворения» [59]. Кайзер Германии представлял себе государственные интересы «в специфически гогенцоллерновском смысле» [60]. Вильгельм II был последователен в своих симпатиях к крупному капиталу и его обладателям, поэтому издал каторжные законы, которые были направлены против рабочего класса.

Работа В. Н. Перцева глубоко раскрыла пагубную для местного населения политику колониальных захватов, проводимую кайзеровской Германией. Она в то время стремилась поработить большие территории в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и особенно в Китае, где германские захватчики вели себя как вандалы XX в. Здесь Вильгельм показал, на что способен немецкий солдат, опьяненный угаром шовинистической пропаганды: Германия превыше всего. Это были первые ростки отвратительных сорняков, которые так бурно разрослись в период гитлеровского господства. Книга «Гогенцоллерны» содержит яркие, запоминающиеся характеристики канцлеров, правивших при Вильгельме II. Она раскрывает борьбу различных политических партий в Германии в конце XIX — начале XX в.

Однако В. Н. Перцев не завершил изучения династии Гогенцоллернов, хотя современная история давала для этого богатый материал: свершилась Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, и кайзеру Вильгельму II пришлось отречься от престола и спасаться в Нидерландах от народного гнева.

Недостатком книги В. Н. Перцева является слабая научная база; архивные материалы и документы использованы здесь в весьма ограниченном количестве. Этот пробел восполнен последователями Владимира Николаевича Перцева — профессорами Белорусского государственного универ-

---

[59] Перцев В. Н. Гогенцоллерны, с. 179.
[60] Там же.

ситета им. В. И. Ленина Л. М. Шнеерсоном [61] и Г. М. Трухновым [62].

В настоящее время по доброй традиции, начатой академиком АН БССР В. Н. Перцевым, на многих исторических кафедрах БГУ им. В. И. Ленина всесторонне изучается история Пруссии и Германии [63]. Дело, начатое Владимиром Николаевичем, нашло своих достойных продолжателей. Его работы, посвященные этой проблематике, известны далеко за пределами нашей страны.

---

[61] См.: Шнеерсон Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962; Его же. В преддверии франко-прусской войны. Минск, 1969; Его же. Франко-прусская война и Россия. Минск, 1976.

[62] См.: Трухнов Г. М. Революционный подъем в Германии (конец 1918 — середина 1921 г.). Минск, 1963; Его же. Классовая борьба в Германии в 1922—1923 годах. Минск, 1969.

[63] См.: Савачкін П. З. Развіццё навукі на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаунага універсітэта.— «Веснік БДУ імя У. І. Леніна», 1969. сер. III, № 1, с. 28.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ПЕРЦЕВ занимался многими проблемами философии истории. В своих исследованиях он касался различных аспектов этой науки. Здесь дан краткий анализ его основных работ, посвященных изучению философии истории немецких мыслителей Гердера и Канта, русских — М. В. Ломоносова и Л. Н. Толстого и греческого — Платона.

В течение всей своей научной деятельности В. И. Перцев обращался к исследованию тем, в которых раскрывал социально-политические взгляды мыслителей древнего мира и нового времени. Работа над подобной проблематикой требует от ученого глубоких всеобъемлющих знаний, широких обобщений, четкого и умелого владения методологией.

До Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы Советской власти В. П. Перцев только еще осваивал марксистскую методологию в исследовании закономерностей истории и поэтому некоторые его работы написаны с позиций либерально-буржуазных концепций. Однако и сегодня они интересны для читателя, так как их отличает тщательный отбор фактического материала, умение сопоставлять различные явления и понятия.

Подход к изучению сложных теорий развития исторического процесса был выработан В. П. Перцевым еще в студенческие годы под руководством профессора Р. Ю. Виппе-

ра и других ученых Московского университета. Здесь в конце XIX — начале XX в. на историко-филологическом факультете читалось много интересных курсов лекций, но с особым усердием В. Н. Перцев посещал лекции и семинары профессора Р. Ю. Виппера, который заронил в его душу стремление к познанию и философскому осмыслению исторического процесса. На лекциях профессора он впервые услышал о философии истории немецких ученых Иоганна Гердера, Иммануила Канта и др. [1]

Это направление философских и исторических знаний привлекло внимание В. Н. Перцева, и он решил посвятить свою кандидатскую работу проблеме философии истории в трудах немецкого ученого-гуманиста Иоганна Готфрида Гердера [2]. Именно Гердер был одним из первых, кто обратился к изучению философии истории, дав определение изучаемому предмету [3]. Этот мыслитель эпохи Просвещения был «один из даровитейших и плодотворнейших умов XVIII ст. Теолог по профессии, филолог, лингвист, эстетик и литературный критик по призванию» [4].

Думается, что эта фигура ученого заинтересовала В. Н. Перцева не только оригинальностью его мировоззрения и

---

[1] См.: Виппер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. Спб., 1900.

[2] Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий писатель и философ. Родился в Морунгене (Восточная Пруссия) в семье учителя. Поступил в Кенигсбергский университет на богословский факультет, где слушал лекции Канта и Гамана, изучал труды Руссо. После окончания университета с 1764 по 1769 г. был пастором и учителем в Риге. Затем работал в Бюксбурге и Веймаре в Германии. Был учителем и другом немецкого поэта и философа Гете. Сделал много для развития немецкой литературы. Пытался создать всеобщую историю культуры. И. Гердер является одним из ярких представителей умеренного направления эпохи Просвещения XVIII в.

[3] См.: Стасюлевич М. М. Философия истории в главнейших ее системах, 2-е изд. Спб., 1902, с. 135.

[4] Асмус В. Ф. Избранные философские труды, т. 2. М., 1971, с. 219.

малой изученностью, но также и тем, что И. Гердер был тесно связан с прибалтийскими и славянскими народами, среди которых долгое время жил, знал их быт, нравы и духовный склад.

Естественно, что основным источником для научного исследования В. Н. Перцева были работы И. Гердера и в первую очередь «Идеи к философии истории человечества» [5]. Для полного освещения отдельных проблем и сравнительного анализа В. Н. Перцеву пришлось тщательно изучить различные философские и общественно-политические направления, существовавшие в то время в науке. Ему довелось основательно проштудировать труды Ч. Дарвина, Б. Спинозы, Г. Лейбница, И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др., а также литературу об этих замечательных мыслителях.

Впоследствии эта работа В. Н. Перцева явилась основой для статьи «Теория эволюции и философия истории Гердера», опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии».

В своем исследовании В. Н. Перцев попытался определить возможные истоки эволюционной теории Ч. Дарвина и выяснить, не находится ли она в какой-либо связи с учением И. Гердера об эволюции. Проблема, которую поднял Владимир Николаевич, чрезвычайно сложна, она требовала многопланового решения. Это говорит о том, что В. Н. Перцев смело обращался к наиболее животрепещущим вопросам современной науки. Он подчеркнул важность историзма в подходе И. Гердера к эволюции, к развитию живой и неживой природы, однако считал, что И. Гердера нельзя назвать предшественником Ч. Дарвина. В. Н. Перцев отмечал, что «одного понятия внутреннего имманентного развития и указания на возникновение земных созданий в порядке возрастающей сложности их организации, при отрицании

[5] См.: Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

трансформации, недостаточно для того, чтобы получить звание предшественника Дарвина»[6]. Такое отношение В. Н. Перцева к преемственности и связи эволюционных идей Гердера и Дарвина вызвано, вероятно, тем, что идеалистическое мировоззрение первого не увязывалось у автора статьи с материалистической концепцией английского ученого. Однако в данном случае необходимо прибегнуть к всестороннему анализу истории эволюционных учений, и тогда связь этих двух теорий будет просматриваться с других позиций. Именно И. Гердер разработал идею единого плана строения организмов, т. е. он доказал, что все они построены по идеальному плану, а изменения, которые происходят в них, зависят от меняющихся условий существования[7]. Все это вместе с применением диалектики — учения о развитии природы, общества и мышления, направленном против метафизики, имело существенное значение для развития биологии. В таком плане можно считать труды И. Гердера одним из источников для развития эволюционной теории Ч. Дарвина. Нельзя преувеличивать значения теории развития природы И. Гердера, но справедливость требует воздать ему должное за то, что он положил начало разработке эволюционной теории, за исторический подход к ней.

И. Гердер пытался понять историю развития и природы, и общества, стремясь создать космологическую теорию образования планет и живых организмов на Земле. Он ставил перед собой довольно сложные вопросы философии истории: в чем смысл истории, каков ее конечный результат и каковы условия исторического процесса?[8] Немецкий ученый попытался изобразить весь этот процесс как историю культуры общества. Он отметил своеобразие и общность

---

[6] Перцев В. Н. Теория эволюции и философия истории Гердера.— «Вопросы философии и психологии», 1907, № 4 (89), с. 475.

[7] История эволюционных учений в биологии. Под ред. В. И. и Ю. И. Полянских. М.—Л., 1966, с. 97.

[8] См.: Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи. М., 1910, с. 84.

развития культуры в некоторых странах у разных народов. И. Гердер верил в прогресс человечества, доказывал, что общество все время развивается от низших ступеней к высшим, но и на низших ступенях тоже была своеобразная культура. Как отмечал советский философ В. Ф. Асмус, в первой книге «Идей» И. Гердер провел мысль о том, что «всемирную историю можно трактовать по образу истории вселенной, категории социально-исторической жизни — по аналогии с категориями неорганической и органической природы, понятие прогресса общественного — как слепок с понятий о естественноисторическом развитии» [9]. Здесь проявился натурализм Гердера.

Немецкий гуманист в центре Земли ставил человека, поэтому вполне справедливо мнение В. Н. Перцева, что Гердер стоял на антропоцентрической точке зрения. Кроме того, немецкий ученый указывал еще и на стремление всех земных созданий гуманизироваться [10]. Это учение Гердера имело отрицательные стороны.

Одним из основных признаков гуманности, ее сущностью является разум человека. В. Н. Перцев отмечал, что «под разумностью И. Гердер понимает не только интеллектуальное, но и нравственное состояние... Идеалом разумности (и, следовательно, гуманности) у него являются тонкий ум, соединенный с совершенной добротой, ясная мысль и чистое сердце» [11].

Владимир Николаевич обратил внимание на то, что, «выставляя гуманность как конечную цель исторического процесса, Гердер видел прогресс только в индивидуальном, а не в социальном и политическом развитии» [12]. Человече-

---

[9] Асмус В. Ф. Избранные философские труды, т. 2. М., 1971, с. 221.

[10] См.: Перцев В. Н. Теория эволюции и философия истории Гердера.— «Вопросы философии и психологии», 1907, № 4 (89), с. 475.

[11] Там же, с. 479.

[12] Там же, с. 483.

ство, безусловно, постепенно прогрессирует, обязательно осуществится идеал гуманности, когда на земле будут жить разумные, справедливые и счастливые люди,— таково учение И. Гердера.

Гердеровский гуманизм явился предшественником «философии любви» Л. Фейербаха и оказал значительное влияние на гуманистические идеи нового и новейшего времени. В. Н. Перцев понимал, что в различные исторические эпохи гуманизм имел своеобразный колорит и окраску. Известно, что позднее он занимался гуманизмом эпохи Возрождения. Глубокое проникновение в гуманистические тенденции развития связано у В. Н. Перцева с изучением истории общественно-политической и философской мысли.

Умение высоко оценить творчество и культурные успехи различных народов и всего человечества всегда отличали и выделяли И. Гердера среди других ученых. К. Маркс хорошо знал произведения И. Гердера, их философскую направленность и возвышенную эмоциональность. В работе «Философский манифест исторической школы права» он писал: «Нас нисколько не смущает взгляд *Гердера,* что люди в естественном состоянии — *поэты* и что *священные* книги первобытных народов представляют собой *поэтические* книги...» [13] И. Гердер рассматривал «священные книги» как исторический памятник [14], что противоречило религиозным догмам и взглядам официальной церкви.

Автор статьи при анализе работ И. Гердера использовал рецензии на них И. Канта. В конечном итоге В. Н. Перцев пришел к выводу, что у Гердера имеется много противоречивых суждений, которые связаны с эпохой, когда жил и творил немецкий мыслитель, с феодальными устоями прусской монархии и религиозным мировоззрением, господствовавшим в то время в сознании людей.

---

[13] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 86.

[14] См.: Перцев В. Н. Теория эволюции и философия истории Гердера.— «Вопросы философии и психологии», 1907, № 4 (89), с. 479.

В. Н. Перцев отметил некоторую противоположность взглядов понимания исторического процесса Гердером и Кантом, а также их отношения к государству как одной из форм общественной организации. Ученый указал на то, что «Гердер не хочет согласиться с мыслью Канта, что счастье человека проистекает из государственного устройства, и доходит даже до прямого отрицания государства... Протест против государства принимает у Гердера враждебный культуре характер и доводит его до идеализации дикаря» [15].

И. Гердер старался провести свою линию понимания исторического процесса. Он стремился установить причинную зависимость различных исторических моментов, показать духовное влияние одного поколения людей на другое, т. е. устанавливал особое значение традиций. Владимир Николаевич по этому поводу заметил, что «признание традиции дает в руки Гердера те доказательства реального единства человеческого рода, которых не могли ему дать его телеологические взгляды» [16].

В статье В. П. Перцева указано на то, что, по учению Гердера, для истории большое значение имеют способности людей, их одаренность и индивидуальная сущность. Немалую роль И. Гердер отводит природным условиям, в которых находится человек. Антропогеографические взгляды Гердера представляют большой прогресс, однако по систематичности изложения их он где-то уступал французскому энциклопедисту Монтескье, но в то же время Гердер многосторонне осветил связь между природой и человеком [17].

Автор статьи попытался определить, кто из предшественников философов оказал влияние, послужил отправной точкой для размышлений и обобщений И. Гердера, и пришел к выводу, что такими философами были голландский ученый

[15] Перцев В. Н. Теория эволюции и философия истории Гердера. — «Вопросы философии и психологии», 1907, № 4 (89), с. 485.
[16] Там же, с. 495.
[17] Там же, с. 501.

Б. Спиноза, английский философ-моралист А. Шефтсбери, немецкие ученые И. Кант и Г. Лейбниц. Их идеи послужили исходным пунктом для создания определенной системы взглядов, выработки мировоззрения И. Гердера. Немецкий ученый-гуманист пытался сочетать учение Б. Спинозы с христианской религией, что впоследствии вызвало резкий отпор со стороны немецких философов-материалистов [18]. В. Н. Перцев указал на то, что «по духу Гердер более всего близок к Лейбницу. Он был таким же универсалистом и по содержанию, и по целям своей литературной деятельности» [19]. Универсализм привел И. Гердера к тому, что он только поставил на очередь решение многих проблем, однако сам ученый не сумел решить до конца ни одной из них.

И. Гердер дал научную пищу многим поколениям ученых. В. Н. Перцев справедливо подчеркивал, что философия истории И. Гердера «проникнута глубоким оптимизмом (хотя в отдельных местах у него можно найти и пессимистические мысли)» [20].

Продолжая изучение проблем философии истории, В. Н. Перцев, вполне естественно, пришел к исследованию историко-философских работ родоначальника классической немецкой философии, мыслителя XVIII в. Иммануила Канта (1724—1804). Исследователи, которые изучали наследие известного немецкого ученого, очень мало писали о его исторических воззрениях, по разным причинам недостаточно освещали вопросы философии истории в трудах Канта. Поэтому вполне правомерно было обращение к такой теме В. П. Перцева.

В связи с этим была написана статья «Исторические и общественные взгляды Канта», напечатанная в 1941 г. в

[18] См.: Гулыга А. В. Из истории немецкого материализма. М., 1962, с. 158.

[19] Перцев В. Н. Теория эволюции и философия истории Гердера.— «Вопросы философии и психологии», 1907, № 4(89), с. 502.

[20] Там же, с. 482.

«Сборнике Института истории АН БССР», который погиб в начале войны [21]. Работа была построена на марксистско-ленинской методологической базе. В. Н. Перцев почерпнул для себя много полезных, кардинальных положений из работ классиков марксизма-ленинизма, в которых дается оценка философского наследия Канта, излагаются мысли о философской концепции немецкого ученого.

В. Н. Перцев детально изучал работы Канта, в которых он касался основных проблем философии истории. К таким трудам относятся «Идея всеобщей истории» (1784), «Предполагаемое начало истории человечества» (1786), рецензии на «Идеи к философии истории человечества» И. Гердера и трактат «К вечному миру» (1795). В. Н. Перцев проанализировал работы «критического периода» деятельности Канта, в которых немецкий мыслитель наряду с основными философскими исследованиями создал эти философские исторические работы.

Владимир Николаевич Перцев построил свою статью на принципе противопоставления разработки немецкой и французской философией XVIII в. проблем государства и различных форм правления в нем, роли общественного договора и собственности, свободы и необходимости, т. е. комплекса вопросов, имеющих непосредственное отношение к философии истории. Для этого необходимо было детально изучить историю французской просветительной философии и в первую очередь социологические воззрения ее замечательного представителя Жан-Жака Руссо.

Опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, В. Н. Перцев убедительно доказал, что Кант как мыслитель был адвокатом немецкой буржуазии, выражая всю ее пере-

---

[21] Рукописный вариант этой статьи (объем 49 машинописных страниц) чудом сохранился и находится в Архиве АН БССР (арх. 2, д. 2, л. 72—120). Ее фрагменты опубликованы в кн.: Германия в XVIII в. (с. 45—56) и Очерк истории Германии XVIII в. (с. 49—59).

шительность, ограниченность и трусливость. Владимир Николаевич подчеркивал, что «Кант в своих политических взглядах является либерально-умеренным бюргером, Руссо — радикальным демократом, стремящимся к коренному изменению в распределении собственности, к имущественному равенству и политическому равноправию» [22]. Автор статьи раскрыл всю противоречивость, абстрактность и бездеятельность философии Канта, который призывал к свободе мысли в рамках просвещенной монархии Фридриха II. Немецкий ученый не поднялся до требования революционного преобразования мира, но в его философии имелись стихийно-диалектические элементы, когда он излагал свою точку зрения на историю естествознания и человечества. В. Н. Перцев отметил существенную особенность философско-исторических положений Канта, состоявшую в том, что «противоречие между мыслью и практикой, словом и делом легло в основу всего того противоречивого понимания Кантом исторического процесса...» [23] Кантовская философия истории, как и все учение мыслителя, носит априорный и дуалистический характер. Кант только «возводил леса» к изучению этой науки, а само здание ее было построено немецким ученым Иоганном Гердером и др. Владимир Николаевич, оценивая работы Канта, опирался на указания В. И. Ленина в книге «Материализм и эмпириокритицизм» о том, что «основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений» [24].

В. Н. Перцев попытался постигнуть всю глубину философско-исторических концепций Руссо и Канта. Исходя из окружающей их действительности во Франции и Германии, он решил выяснить, что общего и особенного в мировоззре-

---

[22] Архив АН БССР, арх. 2, д. 2, л. 102.
[23] Там же, л. 117.
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 18, с. 206.

нии этих мыслителей. Ученый отметил, что и Кант, и Руссо выступали как представители прогрессивного буржуазного мировоззрения [25]. В то же время он показал глубину пропасти между ними во взгляде на «общественный договор». Учение Руссо легло в основу теории и практики якобинцев. Можно сказать, писал Владимир Николаевич, что идеи Руссо обладают бунтарским духом, тогда как идеи Канта просто созерцательны.

Чтобы уяснить всю сложность и противоречивость философии истории Руссо и Канта, профессор В. Н. Перцев тщательно проштудировал работу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», что опять-таки говорит о стремлении ученого как можно основательнее постигнуть закон марксистской диалектики — отрицание отрицания.

Подход к собственности и неравенству у Руссо и Канта имеет существенные различия. «Для Руссо,— писал В. Н. Перцев,— на первом месте стоит неравенство реальное, выражающееся в отношении к собственности и государству, а для Канта только формальное» [26]. Мысли Канта в этом направлении не идут дальше умеренного буржуа, они резко отличаются от революционных настроений Руссо.

Немецкий ученый предложил дифференциацию понятий «формы государства» и «способы управления». Кант называл три формы государства: монархию, аристократию и демократию. Способы управления разделял на республиканские и демократические, предполагая под республиканской формой управления любое государство, в котором исполнительная власть отделена от законодательной, и считая лучшей формой правления конституционную монархию. Таким образом, он поддерживал монархию Фридриха II, в то же время явно боясь демократических преобразований в юнкерском государстве. Внешне, не заглядывая в сущность, можно представить, что Руссо и Кант выступали за республику.

---

[25] Архив АН БССР, арх. 2, д. 2, л. 86.
[26] Там же, л. 98.

Однако республиканская форма правления у Канта — это нечто иное, качественно отличное от республики Французского мыслителя. Кант видел Великую французскую революцию через призму немецкой действительности, по его мнению, в революции «все хочет властвовать» [27].

Кант в «Идеях всеобщей истории» высказал положение об изначальной предначертанности истории. Это указывало на то, что «научное мышление у Канта здесь как бы боролось с теологической предпосылкой о божественном руководстве, и выйти из круга этого противоречия Кант не был в силах» [28].

Владимир Николаевич подчеркнул, что «установление вечного мира в глазах Канта является конечной целью исторического процесса, указанного людям провидением» [29]. Немецкий мыслитель считал необходимым создание союза всех народов, основанного на правовых отношениях. Вечный мир возможен только в том случае, если будут установлены тесные экономические контакты между государствами. Однако Кант при решении этой проблемы не смог уйти от своего дуалистического понимания исторического процесса, попытавшись и здесь примирить телеологию с закономерностью.

В. Н. Нерцев обратился к кантовским рассуждениям о философии истории и этики. Он показал противоречивость и дуализм свободы и необходимости в философских построениях Канта, который утверждал, что человеческая деятельность подчинена обязательным законам и человек выступает как субъект, а объект деятельности находится вне его власти. Кант признавал свободу, но она у него носила абстрактный характер и была связана с вещами в себе или историческими «явлениями». Владимир Николаевич писал, что «свобода в истории у Канта — это только вид морального, но не общественного протеста против современных ему

[27] Перцев В. Н. Очерк истории Германии XVIII в., с. 56.
[28] Там же, с. 53.
[29] Архив АН БССР, арх. 2, д. 2, л. 110.

порядков» [30]. Подобную оценку можно найти и на страницах книги советского философа В. Ф. Асмуса, который отмечал, что «в конечном счете учение Канта о свободе есть не учение философии истории или социологии, а лишь метафизическая и дуалистическая гипотеза моралиста» [31].

Владимир Николаевич сделал правильный вывод, что «Кант, как и сама буржуазия, был готов только на словесный протест против произвола и бесправия феодального строя, но боялся вступать на путь практической борьбы с ним, считая борьбу словом законной, но называя неповиновение власти «скандальным» [32].

Свое учение Кант излагал студентам Кенигсбергского университета, где преподавал философию. Его лекции слушал будущий ученый-гуманист Иоганн Гердер.

В. Н. Перцев неоднократно обращался к эпохе Просвещения в Германии XVIII в. В книге «Очерк истории Германии XVIII в.» большой раздел посвящен истории культуры. В нем дана оценка немецкому Просвещению, отмечены его созерцательный, рационалистический характер и ограниченность политических требований. Он писал: «С высоты разумных принципов допускалось только осуждать феодально-абсолютистский строй, но ни в коем случае не призывать к его уничтожению» [33].

В своей книге В. П. Перцев показал галерею ученых Германии этого периода, кратко охарактеризовал их научную деятельность и мировоззрение. В поле зрения исследователя попали Х. Вольф, Г. Лессинг, И. Кант, И. Гердер и др. Ученый рассмотрел литературу периода «Бури и натиска». Он конспективно изложил ее достижения в эту эпоху и показал ее ярких представителей И. Гете, Ф. Шиллера и др.

---

[30] Перцев В. Н. Очерк истории Германии XVIII в., с. 59.
[31] Асмус В. Ф. Кант. М., 1973, с. 359.
[32] Перцев В. Н. Очерк истории Германии XVIII в., с. 59.
[33] Там же, с. 43.

Много внимания уделял В. Н. Перцев изучению истории русской литературы, в частности историко-философской концепции Льва Николаевича Толстого. Как известно, философия истории, дающая возможность познать закономерности процессов, происходящих в обществе, глубоко интересовала Л. Н. Толстого. Создавая героическую эпопею «Война и мир», автор досконально исследовал большой исторический, философский и литературный материал. Он обращался к историческим источникам и документам, в которых раскрывались фактология и социальная структура эпохи начала XIX в. В статье «Философия истории Л. Н. Толстого» [34] В. Н. Перцев отметил, что великий писатель хотел уяснить основные принципы развития истории. Следует сказать, что В. Н. Перцев не поднялся, как и другие его современники, до ленинского уровня оценки Л. Н. Толстого. В. И. Ленин в работах дал исчерпывающую характеристику произведений и взглядов писателя, показал, что Л. П. Толстой явился выразителем интересов патриархального крестьянства и все его взгляды объективно отражали эпоху от 1861 г. вплоть до первой русской революции со всеми ее наболевшими вопросами. В. И. Ленин вскрыл исторические и социальные причины заблуждений Л. Н. Толстого, однако особо отметил величие Толстого-художника и мыслителя, который всячески пытался уйти от революции.

В. И. Ленин указал на то, что «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе» [35].

Л. П. Толстому нужно было создать свою философию истории как с целью «произвести» обвинительный приговор

---

[34] См.: Перцев В. Н. Философия истории Л. Н. Толстого.— В сб.: Война и мир. М., 1912, с. 145.

[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 209.

над современной исторической наукой, так и для того, чтобы указать научной истории ее настоящие задачи» [36].

При создании романа «Война и мир» наиболее ярко проявился талант Л. Н. Толстого, который сумел органически ввести в художественную ткань произведения свои публицистические размышления. Это отмечено и советским литературоведением: «Толстой тесно сплетает свой беллетристический материал с философско-исторической публицистикой: он намерен художественно и теоретически прояснить причины и весь ход исторических событий, приведших к полному крушению агрессивных планов Франции в 1812 году» [37].

Художник-публицист Л. Н. Толстой ставил многие вопросы теории истории, пытаясь разрешить их по-своему. Но не всегда писатель находил верные решения сложных и противоречивых проблем развития исторического процесса. В. Н. Перцев приступил к исследованию философии истории Л. П. Толстого не случайно. Его к этой теме привела вся предшествующая научная работа в области философии истории, и в данном случае Владимиру Николаевичу предоставилась возможность опубликовать большую статью в сборнике, посвященном столетию Отечественной войны 1812 г.

Автор статьи попытался вскрыть противоречивость мировоззрения Л. Н. Толстого. Однако это не в полной мере удалось Владимиру Николаевичу, хотя у него и соединялись взгляды либерально-буржуазного ученого с революционной теорией, неумолимо врывавшейся в жизнь тогдашней России. В. Н. Перцев показал прекрасное знание истории и философии, социологии и истории философии на уровне либерально-буржуазного направления этих наук в конце

---

[36] Перцев В. Н. Философия истории Л. Н. Толстого.— В сб.: Война и мир, с. 130.

[37] Арденс Ник. (Н. Н. Апостолов). К вопросам философии истории в «Войне и мире» Л. Толстого.— «Ученые записки Арзамасского гос. пединститута», 1957, вып. 1, с. 37.

XIX — начале XX в. Он положительно относился к марксистской теории, однако в то время ученый еще не уяснил многих ее основополагающих концепций.

Исследователь особо подчеркивал то, что у Толстого в «Войне и мире» и в некоторых других произведениях господствует прежде всего индивидуально-этическая точка зрения, уводящая писателя несколько в сторону от философии истории. Владимир Николаевич считал, что Толстой все свои рассуждения строил на основе христианской морали, разработанной им на свой манер. Они в произведении играют первостепенную роль.

В статье предпринята попытка разобраться в методологических и гносеологических корнях философии истории Л. Н. Толстого. Поскольку автор эпопеи «Война и мир» был писателем со всеобъемлющими знаниями человековедения, то там, где не постигал закономерностей исторического развития, он восполнял пробел литературно-художественными обобщающими образами, целью которых было раскрыть правду жизни. Л. Н. Толстой считал, что жизнь и действительность настолько многогранны, что их исследовать не под силу любому писателю и историку.

Владимир Николаевич указал на то, что для Толстого очень важны были вопросы о смысле существования и ответственности. Его герои и он сам подвергались оценке с позиций высших критериев законов, нормирующих жизнь человечества. На разных этапах литературной деятельности Л. Н. Толстого эти законы им понимались по-разному, и впоследствии он встал на путь защиты моральных заповедей [38]. В. Н. Перцев попытался проанализировать взгляды автора романа «Война и мир» на факторы исторического развития и его результаты, критерии оценок исторических личностей и событий. Эта работа оказалась очень сложной и не всегда ее можно оценить положительно, так как мето-

[38] См.: Перцев В. Н. Философия истории Л. Н. Толстого.— В сб.: Война и мир, с. 129.

дологические и гносеологические концепции философии истории, которыми оперировал автор статьи, часто не согласуются с марксистским учением.

Вместе с тем В. Н. Перцев высказал ряд интересных мыслей, раскрывающих существо философии истории Л. Н. Толстого. Ученый писал, что «в эпоху «Войны и мира» Толстой... видел по крайней мере в истории огромную силу, способную объяснить жизнь «всех», дать полное знание о прошлой действительности, хотя и не делавшую еще этого до сих пор, блуждавшую в потемках и занимавшуюся вздором...» [39] Он отметил, что писатель сумел показать роль народных масс через художественную типологию, что «Толстому действительно удалось создать ряд поразительно верных и исторически жизненных фигур...» [40]. подчеркивал, что автор романа прав, когда говорил о движущей силе истории — народных массах — и отводил весьма скромное место выдающимся личностям. «Герои Толстого,— писал Владимир Николаевич,— не полководцы, не министры и не ученые, а никому неизвестные люди, вроде штабс-капитана Тушина или рядового Платона Каратаева» [41]. В. П. Перцев указывал и на то, что у Л. Н. Толстого единственным фактором исторического процесса является народ, а сущностью его — сумма людских воль [42].

Автор статьи отметил у Л. Н. Толстого шаблонный подход к людям и заявил, что «история не знает типа человека вообще» [43]. Он писал, что такой подход «закрывает дорогу к классовой истории» [44]. Здесь ученый указал на самое существенное недопонимание великим писателем истории борьбы классов в обществе. Он также коснулся вопроса о роли

---

[39] Перцев В. Н. Философия истории Л. Н. Толстого.— В сб.: Война и мир, с. 136.
[40] Там же, с. 137.
[41] Там же, с. 139.
[42] Там же, с. 137.
[43] Там же, с. 142.
[44] Там же.

личности и власти в истории. В. Н. Перцев подверг критике позицию писателя, который полностью отрицал роль личности и власти в истории. Исследователь указал на необходимость понимания личностью условий развития общества, его специфических особенностей. Знание этих факторов помогло Кутузову одержать победу над Наполеоном, который кичился своей властью и в момент начала русской кампании умело ею пользовался.

О роли Кутузова в Отечественной войне 1812 г. В. Н. Перцев сделал такой справедливый вывод: «Следовательно, его отношение к происходившему было не исключительно пассивным и в чем-нибудь его руководство все-таки выражалось» [45]. т. е. Кутузов сознательно участвовал в событиях и оказывал на результаты сражений и войны в целом самое положительное влияние [46]. В то же время Владимир Николаевич обратил внимание на то, что «для Толстого массовое сознание — не только огромная сила, против которой бесполезно бороться, но и настоящая правда жизни, с которой грешно спорить» [47]. Вера в стихийность развития исторических событий, отрицание свободы воли особенно характерны для толстовских концепций, которые В. Н. Перцев связывал с провиденциализмом великого писателя, находившегося по своим убеждениям близко к деистам XVIII в. Ученый считал Л. Н. Толстого религиозным человеком [48]. отсюда он делал некоторые свои выводы по определению мировоззрения писателя и его историко-философских концепций в романе «Война и мир».

Исследователь увидел в теоретических исканиях Л. Н. Толстого элементы народничества и анархизма [49], хотя для таких далеко идущих выводов у В. Н. Перцева не было достаточных оснований.

---

[45] Перцев В. Н. Философия истории Л. Н. Толстого.— В сб.: Война и мир, с. 141.
[46] Там же, с. 136.
[47] Там же, с. 144.
[48] Там же, с. 148.
[49] Там же, с. 150.

В. Н. Перцев анализирует «Войну и мир» Л. Н. Толстого и в плане отношения автора к милитаризму. Он совершенно справедливо указал на то, что писатель был против войны, считая ее неправомерным, противоестественным актом.

Л. Н. Толстой утверждал, что, когда родина в опасности, необходима народная, отечественная война, когда дубина народной войны является наиболее справедливым и действенным оружием борьбы за честь и независимость отечества. Он в романе «Война и мир» выступал как патриот своей родины, однако не отказывался от интернациональных связей русского народа с другими народами, в том числе и с французским. Это было отмечено в статье В. Н. Перцева.

Работа В. Н. Перцева находилась на уровне философско-исторических исследований буржуазно-либеральной науки начала XX в., для которых был характерен идеалистический подход к объяснению теории исторического процесса.

Обращение к творческому, философско-историческому наследию Л. Н. Толстого имело большое значение в научном росте В. Н. Перцева. Он по-новому стал воспринимать такие исторические категории, как война и мир, что имело существенное значение в его дальнейшей работе.

В 40-х годах В. Н. Перцев обратился к изучению исторических взглядов М. В. Ломоносова. Статья «Ломоносов как общественный деятель и историк» (1947) носит публицистический характер. Она построена на базе общеизвестной литературы, без использования исторических источников и архивных материалов. Основное положение статьи: М. В. Ломоносов рассматривал свою научную деятельность как служение русскому народу. В этой связи говорится о борьбе с реакционным немецким засилием в Академии наук России. В. Н. Перцев подчеркнул, что М. В. Ломоносов отстаивал учение Коперника, чем вызвал недовольство церкви. Показана выдающаяся роль русского ученого в развитии просвещения и культуры.

Советская историография в целом положительно оценила эту статью. А. П. Пьянков, например, отмечал, что В. Н. Перцев правильно оценил заслугу Ломоносова, который четко отделил вопрос о происхождении русского народа и его культуры от вопроса о призвании князей, указал на то, что «русский народ издавна жил на территории позднейшей России, развивая здесь свою культуру еще задолго до появления варягов» [50].

В исследовании «Социально-политическое мировоззрение Платона», опубликованном в первых номерах «Трудов БГУ в Минске», В. Н. Перцев проанализировал произведения древнегреческого ученого, объективного идеалиста Платона «Государство» («Полития»), «Законы», «Политик», «Критий» и «Тимей». Основное внимание Владимир Николаевич уделил сравнительной характеристике социально-политических взглядов Платона в книгах «Государство», написанной в зрелый период его деятельности, и «Законы», созданной Платоном в глубокой старости.

Ученый старался раскрыть сущность платоновской теории социального протеста против существующего строя. В. П. Перцев утверждал, что об аристократизме и демократизме взглядов Платона говорит отношение философа к существовавшим строям в Древней Греции. Владимир Николаевич подчеркивал утопичность социально-политической теории Платона, отвергавшего существующие в Афинах порядки, предлагавшего взамен такую теорию справедливого государства и права, которую практически невозможно было осуществить. Вот одно из предложений Платона: изгнать из греческого города-государства всех людей старше 10 лет, чтобы «иметь дело только с детьми, у которых привычки их отцов еще не укоренились», с ними, мол, значительно легче будет проводить реформы в государстве. Экономическим идеалом государства Платон считал аграрное государство с ограниченной ролью денег, ремесла и торговли, но и это тре-

[50] Пьянков А. П. Изучение истории народов СССР.— В кн.: Наука в БССР за 30 лет, с. 454.

бование древнегреческого философа было не выполнимо, потому что греческие города-государства достигли такого экономического уровня, когда они уже не могли существовать без денег, ремесла и торговли. В этом городе находились богатые и бедные свободные граждане, а также бесправные рабы.

Во всей вводной части исследования В. Н. Перцева просматривается циклическая теория истории древнего мира, разработанная немецкой буржуазной историографией XIX—начала XX в., хотя по отдельным частным вопросам он выступал против немецких ученых.

В. Н. Перцев попытался показать социальную сущность кастового строя, который предлагал Платон в древнегреческом государстве, и в этом оказался близок к оценке, которую дал К. Маркс. В. П. Перцев называл три класса греческого города-государства — это правители (философы), которым вручалась полная власть, воины и хозяйственный класс [51]. Такому обществу дал характеристику и К. Маркс в «Капитале», где сказано: «Поскольку в республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя» [52]. Владимир Николаевич особо отмечал то, что Платон запрещал правителям-философам и воинам иметь в обращении золото и серебро, а также создавать семьи. Этим классам должны быть свойственны мудрость, мужество и благоразумие, что должно привести к гармонии в городе-государстве.

Платоновское государство — не самоцель, на которую должна работать личность, указывал В. П. Перцев, а индивид получал бы свое благополучие благодаря успехам государства [53]. В нем не должно быть бедных и богатых [54]. Здесь

---

[51] См.: Перцев В. Н. Социально-политическое мировоззрение Платона.— «Труды БГУ в Минске», 1922, № 1, с. 89.
[52] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 379.
[53] См.: Перцев В. Н. Социально-политическое мировоззрение Платона.— «Труды БГУ в Минске», 1922, № 1, с. 87.
[54] Там же, с. 90—91.

автор статьи усмотрел ростки демократичности Платона, но дальше Владимир Николаевич писал, что «в политическом смысле Платон был аристократом» [55]. Лучшей формой правления Платон считал аристократический строй, где правят мудрейшие. Однако Платон предполагал, что аристократический образ правления недолговечен, на смену ему приходят худшие формы правления, их четыре: тимократия — это господство людей не мудрых, а властолюбивых (такое правление Платон видел в современной ему Спарте); олигархия — образ правления, при котором правят немногие богатые и бедствуют многие бедные; затем бедные захватывают власть, в городе устанавливается демократия, но всеобщее безначалие и своеволие приводят к тому, что демократия вырождается в тиранию. Платон думал, что здесь действует закон противоположностей.

Древнегреческий мыслитель также различал три типа государств: монархия — владычество одного, аристократия — немногих и демократия — всех. Платон имел даже намерение практически осуществить свой замысел справедливого государства в Сиракузах (Сицилия,) где у него появились покровители. Невозможность претворения в жизнь этих планов в древности объясняли личными качествами правителей Сиракуз и политическими интригами, которые происходили в этом городе. В. П. Перцев убедительно доказал, что проект государства Платона был по существу утопичен и автору его в новой книге «Законы» пришлось коренным образом пересмотреть свои прежние позиции. В книге «Законы» Платон отказался от так называемого «имущественного коммунизма», дал проект государственного устройства из эклектики демократических и монархических элементов. Следует обратить внимание на то, что В. П. Перцев не приписывал Платону коммунистических идей, подобно некоторым буржуазным ученым, которые бы-

[55] Перцев В. Н. Социально-политическое мировоззрение Платона.—«Труды БГУ в Минске», 1922, № 1, с. 88.

ли подвергнуты критике в работах советских историков философии [56].

Владимир Николаевич подчеркнул и то, что у Платона в книге «Государство» есть указание на разделение труда. Это основополагающий принцип, который взят на вооружение К. Марксом и Ф. Энгельсом соответственно в работах «Капитал» [57] и «Анти-Дюринг» [58]. Исследователь рассмотрел взгляды Платона на государственное землевладение и землепользование различными социальными группами древнегреческого города-государства. В. Н. Перцев отвел определенное место освещению отношения Платона к воспитанию молодежи, морали и нравственности, религии и семье. Но полностью раскрыть социально-политические взгляды Платона, показать глубину исторического процесса в древнегреческом обществе, которое обусловило мировоззрение Платона, В. Н. Перцеву не удалось. Сказалось недостаточное владение марксистско-ленинской методологией.

В целом работа В. Н. Перцева о древнегреческом мыслителе Платоне оценивается положительно советскими философами, но отмечено, что она имеет и недостатки [59].

---

[56] См.: Асмус В. Ф. Платон. М., 1969, с. 173.
[57] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 378—379.
[58] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 239.
[59] См.: Іоська М. І. Першыя гісторыка-філасофскія даследаванні ў БДУ (1921—1925 гг.).—«Веснік БДУ імя У. І. Леніна», 1971, сер. III, № 3, с. 12.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ПЕРЦЕВ большое внимание уделял разработке марксистско-ленинского курса истории Белоруссии и принял самое активное участие в его создании. В апреле 1945 г. на сессии Отделения общественных наук АН БССР Владимир Николаевич Перцев говорил: «Мы поняли, что тот героизм, которым прославился белорусский народ в годы войны, уходит в глубокую древность и славное прошлое» [1]. Продолжая свою мысль, он указал на то, что «мы прежде всего должны сконцентрировать внимание нашей гуманитарно-научной общественности на тех темах, которые связаны с белорусской историей и культурой» [2]. Изучение проблем истории Белоруссии было первоочередной задачей ученых Академии наук БССР.

Еще в довоенное время делались попытки создания систематического курса истории Белоруссии. Во время войны ученые Белоруссии, находившиеся в эвакуации, объединили свои усилия для создания краткого курса истории БССР. Большую помощь им оказали известные московские ученые-историки А. М. Панкратова, В. И. Пичета, М. П. Тихомиров и др.

---

[1] Уступнае слова акадэміка-сакратара Аддзялення грамадскіх навук АН БССР У. М. Перцава.— В кн.: Матэрыялы сесіі АН БССР. 1945 г., па Аддзяленню грамадскіх навук. Мінск, 1948, с. 3.

[2] Там же.

В 1944 г. Институт истории в составе Отделения общественных наук АН БССР возобновил свою работу в Минске и продолжил изучение истории БССР. Дело было не из легких: отсутствовала материальная база, не хватало научных кадров. В период создания первого выпуска «Истории БССР» (с древнейших времен до конца XIII в.) в 1946 г. Институт истории АН БССР имел лишь три сектора: истории БССР, археологии, этнографии и фольклора, в которых работало 20 научных сотрудников, из них 3 доктора и 5 кандидатов наук[3]. Необходимо было наряду с разработкой истории Белоруссии готовить научные кадры историков. Первый выпуск «Истории БССР», одним из редакторов которого был В. Н. Перцев[4], подвергся критике в плане методологии и принципиальных оценок описанных в книге исторических событий.

Вся дальнейшая деятельность Института истории АН БССР, его авторского коллектива и редколлегии, в которую входил В. Н. Перцев, была направлена на то, чтобы создать полноценный, построенный на марксистско-ленинской методологии двухтомник истории БССР. В. Н. Перцев был ответственным редактором первого тома этого научного издания.

Для широкого ознакомления общественности Институтом истории АН БССР были составлены и изданы «Тезисы об основных вопросах истории БССР»[5], в подготовке которых участвовал авторский коллектив во главе с членом-корреспондентом АН СССР Н. М. Никольским и академиком АН

---

[3] См.: Перцаў У. М., Краўчанка І. С., Капыскі З. Ю. Гістарычная навука за сорак год.— В кн.: Навука ў БССР за 40 год. Мінск, 1958, с. 73.

[4] История Белорусской ССР, вып. 1. Минск, 1946.

[5] Тезисы об основных вопросах истории БССР, ч. 1. История белорусского народа до Великой Октябрьской социалистической революции. Минск, 1948. С некоторыми редакционными изменениями по сравнению с академическим изданием («Весці АН БССР», 1948, № 3, с. 89—144) они были опубликованы в журнале «Большэвік Беларусі» (1948, № 8, с. 36—72).

БССР В. Н. Перцевым. Осенью 1948 г. состоялось обсуждение «Тезисов» в Академии наук БССР. Был высказан ряд критических замечаний и конструктивных предложений. На данном этапе работы установки авторского коллектива были в основном приняты [6].

Последовала большая кропотливая работа по созданию и изданию макета систематического курса истории БССР в трех частях. В 1951—1952 гг. появился еще один макет истории БССР, в котором по-новому была разработана периодизация истории БССР и вновь исследованы отдельные актуальные вопросы и проблемы исторического прошлого Белоруссии.

Работа проходила в атмосфере острой принципиальной критики, поисков новых аргументированных путей, всестороннего обсуждения макетов истории БССР. В то же время велась подготовка научных кадров историков. Наиболее сложными оказались вопросы периодизации истории Белоруссии. Часто приходилось менять тексты, представленные научными работниками, так как субъективный подход к решению отдельных проблем истории Белоруссии приводил к тому, что эти материалы морально старели.

В. Н. Перцев принимал самое непосредственное участие в организации работы по созданию академического курса истории БССР, являлся автором многих статей.

В основу истории Белоруссии легло всеобъемлющее учение марксизма-ленинизма о законах развития общества, благодаря чему была преодолена глубоко неверная многолетняя традиция, утверждавшая схематизм в белорусской исторической науке. Большое значение в создании научной истории Белоруссии имела публикация документов. Редактором одного из подобных сборников был В. П. Перцев [7].

---

[6] См.: Пьянков А. П. Основные этапы в развитии белорусской историографии за 30 лет.— В кн.: Наука в БССР за 30 лет, с. 467.

[7] Документы и материалы по истории Белоруссии 1900—1917 гг. Минск, 1953.

В 1954 г. вышел в свет первый том «Истории Белорусской ССР» [8]. Развитие исторической науки в Белоруссии, рост числа научных кадров историков, их специальной квалификации позволили выпустить второе, дополненное двухтомное издание «Истории Белорусской ССР», в редколлегию которого посмертно вошел академик АН БССР Владимир Николаевич Перцев [9].

В связи с работой над академическим изданием «Истории Белорусской ССР» В. Н. Перцеву пришлось заняться изучением наиболее сложных, малоисследованных проблем истории Белоруссии, которые имели жизненно важное значение для создания марксистско-ленинского исторического труда.

Книга «История Белорусской ССР», изданная в 1954 г., имеет главу «Формирование белорусской народности и ее культуры в XIV—XVI вв.», написанную В. Н. Перцевым [10]. Он считал, что белорусская народность складывалась в эпоху феодализма в XIV—XVI вв. Отдельные ее элементы могли появиться значительно раньше. Владимир Николаевич в формировании белорусской народности особое место отводил белорусскому языку и существованию определенной территории, на которой жил народ. Автор подчеркивал, что белорусский язык был официальным языком в Великом княжестве Литовском. Исторической основой этого языка был древнерусский.

В «Очерках истории СССР», вышедших в 1955 г., Владимир Николаевич на основе новых научных материалов и публикаций разработал вопрос о социально-экономическом положении Белоруссии в XIV—XVI вв., указал на рост эко-

[8] История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1954. Второй том вышел в 1958 г.

[9] История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961.

[10] История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1954, с. 91—115. В следующем издании (1961) В. Н. Перцев написал два параграфа главы V. Образование белорусской народности и развитие ее культуры (XIV — первая половина XVII в.) — § 4. Литература и искусство и § 5. Общественно-политическая мысль.

В том же году доклад был опубликован в «Известиях АН БССР».

В докладе В. Н. Перцев попытался охарактеризовать эпоху, в которую жил и трудился Ф. Скорина, определить его мировоззрение, показать, в интересах каких общественных классов проводилась фактически вся его работа. Доклад содержал некоторые биографические данные Ф. Скорины. В. Н. Перцев подчеркивал, что деятельность Ф. Скорины носила прогрессивный характер, благодаря его титаническим усилиям появились печатные книги на близком белорусскому, украинскому и русскому народам языке. Ф. Скорина начал великое дело секуляризации образования у церкви, отняв у нее исключительное право на издание и толкование Библии — святая святых церкви.

Ученый пришел к выводу, что Ф. Скорина был представителем умеренных и зажиточных слоев городского населения, которое могло находиться в оппозиции к существовавшему феодальному строю и церкви. Он даже предполагал, что «Малую подорожную книжицу» (Расширенную Псалтырь) Ф. Скорина прежде всего адресовал купцам, которые, путешествуя с торговыми целями, должны были читать эту книгу. Владимир Николаевич ошибочно считал, что вся издательская деятельность белорусского мыслителя была направлена в интересах определенного социального слоя населения.

Известно, что Ф. Скорину поддерживали представители властей города Вильно, такие, как виленский радца Богдан Оньков и бурмистр Якуб Бабич, входившие, как предполагал В. Н. Перцев, в «панское» братство. Владимир Николаевич отмечал, что получение городами Великого княжества Литовского магдебургского права вызывало прилив сил в некоторых слоях городского населения и появление всякого рода братств — объединений разных социальных групп горожан вокруг церкви.

В. Н. Перцев указал на роль реформационного движения, его особенности в Белоруссии, связь Реформации с

ересью, которая распространялась в Белоруссии пришельцами из Московской Руси [12]. Трудно согласиться с автором, что Реформация в Белоруссии не была органически связана с подобным движением в Западной Европе и особенно в Речи Посполитой [13]. При характеристике эпохи, в которую жил и работал Ф. Скорина, В. Н. Перцев несколько смещал исторические события к более позднему времени — концу XVI в. Владимир Николаевич сжато, без ссылок на документальные данные, приводил сведения из биографии Ф. Скорины. Автор делал много необоснованных предположений, в том числе будто бы в 1530 г. типография Ф. Скорины в Вильно была уничтожена пожаром [14]. В. Н. Перцев не допускал возможности, что Ф. Скорина мог учиться в Пражском университете, когда жил в Чехии [15]. Исключал он открытые симпатии белорусского мыслителя к Москве [16]. Владимир Николаевич не допускал того, что Ф. Скорина мог считаться просветителем «в обычном смысле этого слова, ибо он держался мнения, что Библия является главным и основным средством образования, и не ставил своей целью распространения новых и оппозиционных по отношению к феодальному строю и церковному мировоззрению идей» [17].

В данном случае В. Н. Перцев предъявлял слишком высокие, невыполнимые для белорусского ученого и первопроходца требования. Вполне естественно сравнить цели и задачи Ф. Скорины по просвещению восточнославянских народов с целями и задачами, которые ставили перед собой

---

[12] Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 7. М., 1955, с. 197.

[13] Тезисы докладов XX научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1954 г. (БГУ им. В. И. Ленина). Минск, 1955, с. 7.

[14] См.: Перцев В. Н. Общественная деятельность и мировоззрение Г. Скорины.— «Известия АН БССР», 1948, № 6, с. 27.

[15] Архив АН БССР, арх. 17, д. 17, л. 109.

[16] Там же, л. 163.

[17] Перцев В. Н. Общественная деятельность и мировоззрение Г. Скорины.— «Известия АН БССР», 1948, № 6, с. 27.

болгарские просветители Кирилл и Мефодий, и в этой связи есть все основания называть Ф. Скорину просветителем XVI в.

Не сразу согласился В. Н. Перцев признать, что Ф. Скорина является гуманистом XVI в., так как сравнивал его с деятелями Италии и Германии, которые находились на вершине гуманистической мысли, и, естественно, это было не в пользу Ф. Скорины. Владимир Николаевич считал, что в деятельности белорусского мыслителя имеются элементы гуманизма [18].

В то же самое время он отмечал высокий уровень печатного искусства книг, изданных Ф. Скориной, и относил их к эпохе Ренессанса (Возрождения) [19]. Но затем, уяснив мировоззренческую позицию Ф. Скорины, В. Н. Перцев и его ученики стали называть белорусского ученого гуманистом XVI в. [20] И это совершенно правильно. Ф. Скорина рассматривал Библию не как источник божественного откровения, а как мудрые книги, которые могут и должны помочь человеку постичь грамоту, дать первые сведения о «семи свободных искусствах».

Свои книги Ф. Скорина издавал удобными по размеру для пользования. Он украшал издания богатыми в художественном отношении заставками, инициалами, гравюрами с целью лучшего понимания описываемых событий и, таким образом, стал родоначальником искусства оформления книги среди восточнославянских народов.

Предисловия, сказания, послесловия Ф. Скорины — это светские произведения ученого, поднявшего руку на «священное писание». Велика роль в деле распространения просвещения была у глоссов (пояснение церковнославянских слов) на полях книг и первых стихотворных текстов, под-

---

[18] Архив АН БССР, арх. 15, д. 15, л. 75; арх. 17, д. 17, л. 108.

[19] См.: Перцев Б. Н. Общественная деятельность и мировоззрение Г. Скорины.— «Известия АН БССР», 1948, № 6, с. 30.

[20] См.: Алексютовіч М. А. Скарына, яго дзейнасць і светапогляд. Мінск, 1958, с. 4.

готовленных Ф. Скориной для Библии. Этот гуманистический взгляд Ф. Скорины на Библию как на источник народной мудрости наносил серьезный удар по монополии церкви на образование и на толкование «священного писания».

В. Н. Перцев отмечал, что белорусский мыслитель средневековья «к догматическим различиям между католицизмом и православием был совершенно равнодушен...» [21] Владимир Николаевич встал на принципиально новые позиции. До и после него многие ученые очень остро ставят вопрос о конфессиональной принадлежности Ф. Скорины.

Ученый-гуманист для перевода книг Библии использовал более ранние переводы на греческий, латинский, древнеславянский и чешский языки. Чтобы перевести книги Библии, Ф. Скорине необходимо было досконально знать многие языки, в том числе греческий, латинский, древнееврейский, чешский, польский, древнеславянский, быть знакомым с классической литературой [22].

В. Н. Перцев прослеживает влияние Яна Гуса на строй мыслей Ф. Скорины и подверженность его влиянию реформационных идей [23]. В дальнейшем эта мысль была развита им в «Истории Белорусской ССР» [24]. В. Н. Перцев прослеживал связь идей гусизма, которые были распространены в Белоруссии, с непосредственной деятельностью и мировоззрением Ф. Скорины. Автор несколько по-иному анализировал предисловия и послесловия книг Библии, выпущенных Ф. Скориной. В академическом издании отмечена особенность целенаправленности книг Ф. Скорины, призванных распространять просвещение среди белорусского народа, определены мировоззренческие позиции и гуманистические тенденции деятельности белорусского мыслителя, показана

---

[21] Перцев В. Н. Общественная деятельность и мировоззрение Г. Скорины.— «Известия АН БССР», 1948, № 6, с. 28.
[22] Там же, с. 29.
[23] Там же, с. 27—28.
[24] История Белорусской ССР, т. 1, 1961, с. 156, 158.

его роль в истории мировой культуры. Ф. Скорина был высокообразованным человеком, который беспредельно любил свою родную Белоруссию. Он всецело посвятил себя делу распространения просвещения среди простых людей не только Белоруссии, но и Московской Руси, Украины, Литвы. Для просвещения «простого люда» он издал прежде всего первую учебную книгу того времени Псалтырь, которая, по мысли Ф. Скорины, «детям малым початок всякие добрые науки». Восточнославянский первопечатник имел серьезные намерения издать в переводе всю Библию, для того чтобы поднять грамотность населения Белоруссии, Украины и Московской Руси. Однако Владимир Николаевич был уверен, что Ф. Скорина не стоял у печатного станка, а по его указанию издавались книги [25].

Эволюция взглядов В. Н. Перцева на развитие гуманизма в Белоруссии произошла в середине 50-х годов. В 1954 г. он выступил на научной сессии БГУ им. В. И. Ленина с докладом «Гуманизм в Белоруссии и княжестве Литовском в XVI в.» Доклад содержал много интересных мыслей, показывающих, что Владимир Николаевич, начиная с момента участия в сборнике, посвященном Ф. Скорине в связи с четырехсотлетием белорусского книгопечатания, который вышел в 1926 г., стремился постичь всю сложность, многогранность эпохи белорусского Возрождения. В. Н. Перцев указал на то, что гуманизм в Белоруссии опирался на социальные силы, ведшие борьбу против безраздельного господства церковных и светских феодалов, несших народу темноту и национальное бесправие. Гуманизм мог особенно живо проявить себя в XVI в., когда в Великом княжестве Литовском был некоторый подъем общественно-политической мысли, происходили выступления сторонников идеи ограничения посягательств церкви на все сферы духовной жизни и образования.

---

[25] См.: Перцев В. Н. Общественная деятельность и мировоззрение Г. Скорины.— «Известия АН БССР», 1948, № 6, с. 31.

Через многие работы В. Н. Перцева проходит мысль об исключительной самостоятельности гуманистической культуры в Белоруссии, которая не вполне правомерна. Истоки гуманизма в Белоруссии были основаны на развитии внутренних социально-экономических и политических процессов, однако эти истоки были связаны с гуманизмом в Западной Европе. Владимир Николаевич отмечал, что наиболее ярким представителем белорусского гуманизма был Георгий (Франциск) Скорина[26]. Ф. Скорина обучался и работал в европейских странах, он не мог не выразить свое отношение к такому прогрессивному явлению в Европе, как гуманизм, и не воспринять его положительные черты. Ведь свою печатную и издательскую деятельность по выпуску книг на языке, близком белорусскому, украинскому и русскому народам, он начал в Праге, далеко от Белоруссии. Этой деятельностью, отмечал В. Н. Перцев, Ф. Скорина способствовал сближению братских восточнославянских народов. Книги белорусского мыслителя распространялись в Московской Руси, на Украине, в Литве и, конечно, в Белоруссии.

Во всех работах В. Н. Перцева был особо подчеркнут прогрессивный характер деятельности Ф. Скорины, которая ярко обозначала стремление белорусского народа к культурному подъему.

Традиции гуманизма, заложенные Ф. Скориной, продолжили Симон Будный и Василий Тяпинский, Иван Федоров и Петр Мстиславец. В. П. Перцев охарактеризовал С. Будного и В. Тяпинского как страстных поборников белорусского языка, выступавших, хотя и непоследовательно, против официальной религии. В этом отношении С. Будный и В. Тяпинский пошли значительно дальше в борьбе с церковными ка-

---

[26] См.: Перцев В. Н. Гуманизм в Белоруссии и княжестве Литовском в XVI в. Тезисы докладов XX научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1954 г. (БГУ им. В. И. Ленина). Минск, 1955, с. 6.

нонами [27]. Они решительно боролись против монополии церкви на грамотность и образование [28].

В последний период XVI в. в истории Белоруссии произошли важные события, мимо которых не мог пройти Владимир Николаевич. Это время ознаменовалось наступлением панско-католической агрессии, вылившейся в Брестскую церковную унию 1596 г. Она была предметом изучения В. Н. Перцева [29]. Однако глубоко раскрыть эту тему ему не удалось. В статье «Брестская уния» не нашла отражения одна из особенностей католицизма — умение приспособиться к новым историческим условиям.

Владимир Николаевич обратил внимание и на актуальные вопросы истории революционного движения и общественно-политической мысли середины XIX в. в Белоруссии.

В конце 30-х годов советские историки стали более внимательно и детально изучать события революционного движения в Польше и Белоруссии середины XIX в. Появились книги С. Н. Драницына [30] и И. Ф. Лочмеля [31]. Однако можно без преувеличения сказать, что этой проблемой ученые занимались эпизодически [32]. Да и в вышедших работах отсутствовал глубокий анализ революционных событий, деятельности и мировоззрения руководителей восстания 1863 г. Вот почему к этому периоду истории Белоруссии обратился В. П. Перцев. В журналах «Беларусь» и «Полымя» [33] он

---

[27] Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1, с. 197—198.

[28] История Белорусской ССР, т. 1, 1961, с. 161—162.

[29] См.: Перцаў У. М. Брэсцкая унія.— «Беларусь», 1947, № 2, с. 54—56.

[30] См.: Драницын С. Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937.

[31] См.: Лочмель И. Ф. Очерк борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940.

[32] См.: Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963, с. 19—20.

[33] См.: Перцаў У. М. Кастусь Каліноўскі.— «Беларусь», 1944, № 2, с. 22—25; Полымя», 1945, № 9, с. 138—152; № 10, с. 86—102.

опубликовал статьи, посвященные одному из самых видных участников и руководителей восстания 1863 г. Константину Калиновскому.

Обе работы написаны в форме очерков, в которых на очень ограниченной документальной основе и литературных материалах сделана попытка воссоздать биографию революционного демократа К. Калиновского, а также определить характер его деятельности и мировоззрения. Героический образ К. Калиновского Владимир Николаевич выписал не безупречно, однако важно было то, что автор привлек внимание научной общественности к необходимости дальнейшей разработки такой актуальной темы.

В. Н. Перцев внимательно следил за выходом в свет новых работ историков, старался уловить оригинальные мысли в связи с изучением восстания 1863 г. и мировоззренческих основ деятельности К. Калиновского. Он активно участвовал в дискуссии 1948 г. в Академии наук БССР [34] и всячески содействовал появлению новых исследований по истории восстания 1863 г., особенно если в них давался анализ деятельности и мировоззрения К. Калиновского [35]. Владимир Николаевич понимал, что без новых работ невозможно было продвинуться вперед в деле изучения деятельности революционера-демократа [36]. Во время дискуссии многие положения В. Н. Перцева, высказанные им в статье «Константин Калиновский» в журнале «Полымя», подверглись критике.

На дискуссии ему пришлось уточнить и критически осмыслить некоторые свои положения, изложенные в опубликованной в журнале «Полымя» статье. Это касалось прежде всего отношения К. Калиновского к образованию самостоятельного Литовско-Белорусского государства, а

---

[34] См.: Ільюшып І. М. Аб некаторых пытаннях гісторыі грамадскай думкі па Беларусі.— «Большэвік Беларусі», 1948, № 6, с. 36, 42—46.

[35] См.: Смірноў А. П. Кастусь Каліноўскі у паўстанні 1863 года. Прадмова акадэміка У. М. Перцава. Мінск, 1959, с. 5—7.

[36] Архив АН БССР, арх. 17, д. 17, л. 177—178.

также обвинения В. Н. Перцева в том, что он будто бы делал К. Калиновского пионером народничества. В. Н. Перцев признал, что был не совсем прав, указывая на требование К. Калиновского о создании самостоятельного Литовско-Белорусского государства. Белорусский революционный демократ отстаивал самостоятельность руководства восстанием в Литве и Белоруссии от Варшавского национального комитета [37]. В дальнейшем В. Н. Перцев отвергал возможность требования К. Калиновским образования самостоятельного Литовско-Белорусского государства [38]. На дискуссии В. П. Перцев в корне не согласился с обвинением его в том, что он делал К. Калиновского пионером народничества [39].

В ходе дискуссии была сделана попытка показать общее и особенное во взглядах русских революционных демократов и К. Калиновского, но окончательно решить этот вопрос не удалось. В. И. Перцеву было указано на то, что он не акцентировал внимание на отрицательных сторонах мировоззрения К. Калиновского [40].

Выступая на дискуссии, В. Н. Перцев подчеркнул, что социальный вопрос К. Калиновским ставился на первый план, а национальное движение находилось в полном подчинении от успешного решения социальных преобразований в Белоруссии. В данном случае В. П. Перцев опирался на высказывания основоположников марксизма, а также А. И. Герцена и П. П. Огарева, которые видели путь к победе в

---

[37] А. Ф. Смирнов считает, что «авторы вузовского учебника по истории СССР, а также С. Н. Драницын, В. Н. Перцев выдвинули правильный в общем тезис, что демократы-повстанцы, руководимые К. Калиновским, стремились не только к разделу помещичьих имений, но и к обеспечению национальной независимости Литвы и Белоруссии» (Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии, с. 24).

[38] «Літаратура і мастацтва», 1954, 20 сакавіка.

[39] Архив АН БССР, арх. 17, д. 17, л. 173—174.

[40] См.: Ильюшын І. М. Аб некаторых пытаннях гісторыі грамадскай думкі на Беларусі.— «Большэвік Беларусі», 1948, № 6, с. 42.

придании восстанию подлинно народного, крестьянского, аграрного характера и в осуществлении революционного союза народов против царизма» [41].

Владимир Николаевич считал, что К. Калиновский в этих своих устремлениях опирался не только на крестьянские массы, но и на ремесленников, интеллигенцию и других горожан, иначе он не смог бы так долго скрываться от царских ищеек в Вильно [42].

Мужественный борец за народное счастье вел упорную борьбу за развитие белорусского языка и литературы. Он был организатором, руководителем и пропагандистом-распространителем газеты на белорусском языке «Мужыцкая праўда». К. Калиновский — яркий, самобытный публицист, хорошо знавший нужды белорусского крестьянства, работавший для его освобождения от крепостной неволи.

В. Н. Перцев отметил исключительное значение газеты в пропаганде революционно-демократических идей среди белорусского народа и развертывании антикрепостнической борьбы крестьянства против помещиков и царя. Владимир Николаевич совершенно справедливо пояснил, что под словом «москалі» в газете «Мужыцкая праўда» К. Калиновский и его сподвижники-повстанцы понимали «не русский народ, а солдат-усмирителей, помещиков и полицейских, чиновников, присланных из Москвы» [43].

Дискуссия явилась определенным шагом в уяснении мировоззренческих позиций К. Калиновского, послужила толчком к более глубокому изучению его деятельности.

За годы работы над академическим изданием «Истории Белорусской ССР» было проведено и глубокое исследование истории восстания 1863 г. в Белоруссии и Литве. Вполне естественно, что Константин Калиновский занял достойное место в «Истории Белорусской ССР».

---

[41] Русско-польские революционные связи, т. 1. М., 1963, с. XXVII.
[42] Архив АН БССР, арх. 17, д. 17, л. 173—174.
[43] Там же, л. 176.

Сейчас трудно проследить эволюцию взглядов В. Н. Перцева на восстание 1863 г., так как разделы по этой теме в академических изданиях «Истории Белорусской ССР» (1954 и 1961) были им написаны в соавторстве с другими историками. Однако рассмотрим в общих чертах эволюцию взглядов на восстание 1863 г., происшедших в академических изданиях «Истории Белорусской ССР» в 1954 и 1961 гг.

В издании 1954 г. восстание 1863 г. рассматривается как естественное продолжение крестьянских выступлений в пореформенной России. Здесь не проведен дифференцированный учет количества восставших, не исследован характер восстания в различных губерниях Северо-Западного края, т. е. в Белоруссии и Литве. Авторы ясно не показали различий между революционными выступлениями в Царстве Польском и в Белоруссии.

Белорусские ученые сумели в какой-то степени раскрыть социальную сущность восстания, показать роль в нем замечательного сына белорусского народа К. Калиновского. Без исследования деятельности и мировоззренческих позиций руководителей восстания 1863 г. К. Калиновского, В. Врублевского, З. Сераковского, А. Звеждовского, Ф. Рожанского и других невозможно написать убедительную, научно обоснованную, правдивую историю этого события XIX в.

Второе издание «Истории Белорусской ССР» (1961) несколько по-иному раскрывало классовый характер восстания 1863 г. Если в первом подчеркивался антикрепостнический характер восстания, то во втором — шляхетский. В обоих изданиях, особенно в последнем, превалирует мысль об органической связи белорусской революционной демократии с русской. В более позднем издании сделана попытка показать идейные отличия восстания 1863 г. в Белоруссии и Царстве Польском, а также указать время и интенсивность его в различных частях Белоруссии. Недостатком текстов, посвященных восстанию 1863 г., является и то, что они созданы на весьма ограниченном архивном материа-

ле, хотя к тому времени было выявлено сравнительно много документов, касающихся этого периода истории Белоруссии.

В. Н. Перцев продолжал популяризацию истории Белоруссии на страницах республиканских газет. В 1954 г. он выступил со статьей «Кастусь Калиновский» в газете «Літаратура і мастацтва», в которой расценивал восстание 1863 г. как польское национально-освободительное движение, где К. Калиновский был руководителем крестьянских масс. Автор писал, что К. Калиновский выступал против царского самодержавия и помещиков, но никогда не имел мысли бороться с русским народом, как это утверждают белорусские буржуазные националисты. К. Калиновский находился под благотворным влиянием передовых идей русских революционных демократов Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова и др. Белорусский революционный демократ был в контакте с тайными революционными обществами в России «Великорус», «Земля и воля» и кружком «Молодая Россия». В статье также дается информация о жизни и деятельности К. Калиновского [44].

В предисловии к книге А. Ф. Смирнова В. Н. Перцев отмечал, что на деятельность К. Калиновского воздействовали три основных фактора: во-первых, крестьянское революционное движение в Белоруссии; во-вторых, революционно-демократическая мысль в России; в-третьих, польское восстание 1863 г. Он показал органическую взаимосвязь между всеми этими факторами. Заслуживает внимания мысль В. Н. Перцева о том, что вождь крестьянской революции К. Калиновский сумел направить силы восставшей шляхты на борьбу против русского самодержавия. Он считал, что прежде всего должен быть решен аграрный вопрос, а затем осуществлено и национальное самоопределение.

В этом предисловии В. Н. Перцев утверждал, что К. Калиновский «в своей деятельности был больше борцом, чем

[44] «Літаратура і мастацтва», 1954, 20 сакавіка.

теоретиком, больше практическим деятелем революции, чем ее идеологом»[45]. Отмечая противоречивость и ошибки в деятельности К. Калиновского, автор предисловия указывал на то, что необходимо учитывать одну особенность: «белорусский революционный демократ был не теоретиком, а практиком революции» [46]. Это высказывание вызвало двойственное отношение к нему. Одни ученые поддержали его мнение [47], а другие придерживались иной точки зрения [48]. На наш взгляд, В. Н. Перцев прав в самом главном: К. Калиновский не имел четко продуманной, законченной программы действий. Он, как и все революционеры-демократы, только подошел к пониманию революционного исторического процесса. Обстановка в царской России была настолько сложной и противоречивой, что ему было довольно трудно ориентироваться в ней.

Участвуя в создании академического труда «История Белорусской ССР», В. Н. Перцев написал главы, посвященные воссоединению белорусского народа в едином государстве. Эту тему он разработал в докладе «Западная Белоруссия под властью Польши и воссоединение белорусского народа в едином Советском государстве», с которым выступил на сессии Отделения общественных наук АН БССР в 1945 г., в статье «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за свое освобождение в период польской оккупации (1921—1939 гг.)», опубликованной в 1947 г. в журнале «Большэвік Беларусі».

В обеих публикациях использован богатый материал польской периодической печати различных политических направлений того времени, а также польские официальные статистические данные. Первая из них направлена на разоблачение попытки властей буржуазно-помещичьей Польши

[45] Смірноў А. П. Кастусь Каліноўскі ў паўстанні 1863 года, с. 6.
[46] Там же, с. 7.
[47] См.: Цікоцкі М. Я. З гісторыі беларускай журналістыкі XIX ст. Минск, 1960, с. 47.
[48] См.: Кісялёў Г. В. Сейбіты вечнага. Мінск, 1963, с. 56—57.

вопреки действительному положению доказать, что большинство населения в Западной Белоруссии — поляки по национальности.

Владимир Николаевич показал всю тяжесть положения белорусского крестьянства в Западной Белоруссии под ярмом панщины. Следует, однако, сказать, что промышленности Западной Белоруссии и положению рабочего класса в Польше в этой статье уделено неправомерно мало места.

Во второй публикации В. Н. Перцева говорится о том, что партизанская война в Западной Белоруссии продолжалась длительное время после гражданской войны. Крестьяне активно вели борьбу за землю и свои права, против угнетателей. Для них убедительным, светлым примером была жизнь колхозного крестьянства в Советской Белоруссии. Особенно обострилась борьба трудящихся в период экономического кризиса, который начался в 1929 г. Борьба рабочих и крестьян Западной Белоруссии не прекращалась вплоть до освобождения ее Советской Армией.

В. Н. Перцев не только ставил и частично разрешал некоторые проблемы истории Белоруссии, но и всячески содействовал научным поискам, был организатором исторической науки в Белоруссии, направлял усилия молодых ученых на дальнейшее глубокое исследование актуальных тем. Владимир Николаевич всегда считал своим долгом поддержать ученого, помочь ему квалифицированным советом. Он приветствовал исследователя, если тот, изучая проблему, сумел подняться на ступеньку выше. Так, он одобрил работы своего бывшего аспиранта Н. А. Алексютовича [49] и А. Ф. Смирнова [50], написав предисловия к их монографиям.

Академику АН БССР В. Н. Перцеву принадлежит заслуга в создании одной из первых историографических работ по истории исторической науки в БССР. Потребность в подведе-

[49] См.: Алексютовіч М. А. Скарына, яго дзейнасць і светапогляд, с. 3—5.

[50] См.: Смірноў А. П. Кастусь Каліноўскі ў паўстанні 1863 года, с. 5—7.

нии итогов прошлого, накопления фактических материалов и источников, в их обобщении и осмысливании с позиций марксистско-ленинской методологии давно назрела в Белоруссии, и за эту работу взялся Владимир Николаевич в связи с подготовкой в Москве академического трехтомного издания «Очерки истории исторической науки в СССР». То, что было написано В. Н. Перцевым по этой теме, можно было бы объединить под названием «Очерки исторической мысли и науки в Белоруссии». Отдельные его работы были опубликованы в виде параграфов в названном академическом издании в Москве и отдельными статьями в «Известиях АН БССР». В. Н. Перцев сумел отобрать литературу с историческим содержанием, которая существовала в средневековье, и попытался проанализировать ее с точки зрения идейной направленности. Сделать это было непросто, так как подобные книги и в настоящее время являются библиографической редкостью.

О зачатках исторического знания можно судить по развитию устного народного творчества, т. е. фольклора, который отражает патриотические устремления восточнославянских народов, их реализм восприятия событий прошлой и настоящей жизни. В дальнейшем можно наблюдать, что фольклорные традиции были перенесены в летописи — светский исторический письменный памятник.

В статье ученый характеризует различные летописные своды, указывает, что традиционное название «литовские летописи» не отвечает действительному содержанию этих письменных памятников. Они были белорусскими летописями, отражавшими в основном историю Белоруссии в составе Великого княжества Литовского. Язык летописей был старобелорусским в славянской редакции. В. Н. Перцев отметил влияние на эти летописи былинного эпоса.

Выдающаяся роль в распространении печатного слова и исторических знаний среди восточнославянских народов принадлежит ученому-гуманисту Ф. Скорине. В своих предисловиях, сказаниях, послесловиях он особо указал на зна-

чение светского изучения истории и других наук для жизнеутверждения народа. Книги Ф. Скорины развивали и приумножали патриотические чувства белорусского, украинского и русского народов.

Борьба с панско-католической агрессией в Белоруссии и на Украине выражалась через полемическую литературу, которая в XVI—XVII вв., опираясь на исторические знания того времени, выступала против Ватикана. Активными участниками национально-религиозной борьбы были передовые люди той эпохи — учителя братских школ Белоруссии и Украины Лаврентий и Стефан Зизаний Тустановские, Леонтий Карпович и др. Под эгидой религиозной борьбы они стремились пропагандировать исторические знания среди народных масс, идеи общности интересов и судеб трех братских восточнославянских народов. В. Н. Перцев отмечал, что вся полемическая литература отдавала дань религиозному мировоззрению, была проникнута церковной идеологией. Однако нельзя согласиться с его утверждением, что полемическая литература создавалась преимущественно монахами [51]. Действительно, многие из авторов полемических произведений происходили из духовенства — наиболее грамотной части населения Великого княжества Литовского, но это не свидетельствует о том, что такая литература в основном выходила из монастырей.

Дальнейшее развитие исторической мысли в Белоруссии связано с реформационным движением и особенно с антитринитаризмом. В. П. Перцев не придавал этому движению существенного значения, но, раскрывая деятельность С. Будного и В. Тяпинского, их роль в распространении исторических знаний, он показывал, какое место занимала Реформация в Белоруссии. С. Будный и В. Тяпинский достойно продолжили лучшие традиции Ф. Скорины. В. Н. Перцев высказал вполне правомерную мысль, что «Люблинская уния

[51] См.: Перцаў У. М. Гістарычная думка ў Беларусі ў XVI—XVII стст.— «Весці АН БССР», 1956, сер. грамадскіх навук, № 4, с. 11.

1569 года и Брестская уния 1596 года создали условия для образования единого фронта феодалов польской, белорусской и литовской национальностей, направленного на дальнейшее усиление феодально-крепостнического и национально-религиозного угнетения белорусского народа»[52].

Изучение документальных материалов, письменных и печатных источников имеет исключительное значение для исторической науки Белоруссии. Вот почему В. Н. Перцев особо подчеркивал важность и необходимость исследования «Литовской метрики», «Статутов Великого княжества Литовского», различных дневников, Барколабовской и других летописей, хроник, донесений, синопсисов и т. п. Все эти памятники написаны на старобелорусском языке, который в 1697 г. был заменен, и вся государственная переписка стала вестись на польском или латинском языках. В это время меняется характер документов, наблюдается отход их от религиозной идеологии, стремление авторов к изображению действительных исторических событий, хотя общеизвестно, что и светские произведения, и различные документы не могли избежать религиозной оболочки в XVI—XVIII вв.

В Белоруссии, на Украине и в Литве братства имели свои типографии, которые выпускали церковную и светскую литературу. Она играла большую роль в деле распространения исторических знаний и просвещения среди восточнославянских народов. Это особо отмечено в работе В. Н. Перцева.

Исследователь обратился не только к литературе XVI—XVIII вв., написанной кириллицей, на белорусском и польском языках, но изучил латинские исторические работы, в частности книги ректора Виленской духовной академии, в которых с позиций полонофильства и иезуитства изложена история Литвы и Белоруссии с древнейших времен до Люблинской унии. Ученый изучил историографию Белоруссии

---

[52] Перцаў У. М. Гістарычная думка ў Беларусі ў XVI—XVIII стст.— «Весці АН БССР», сер. грамадскіх навук, № 4, с. 14.

XIX в. Она характеризуется широкими взаимосвязями и взаимовлияниями русской и белорусской науки и культуры. Это особенно ярко проявилось в фольклоре, анонимной литературе, этнографии.

Изучение истории Белоруссии проходило в то время только в связи с разработкой истории России, Польши, Украины и Литвы. Причем авторы этих материалов и исследований обращались к отдельным периодам и чаще к второстепенным вопросам истории Белоруссии.

В царской России официальная историческая наука имела несколько концепций на развитие исторического процесса — это историко-юридическое, клерикально-монархическое и либерально-буржуазное направления. Для первых двух направлений были характерны русофильство и принижение роли белорусского народа в истории. К ним В. Н. Перцев относил М. О. Кояловича, П. Г. Устрялова, П. П. Батюшкова, П. Д. Брянцева и др. Вместе с тем Владимир Николаевич указал на значение работ этих историков в смысле сбора фактического материала и документов. Ими много было написано о западнорусской православной церкви, несколько меньше о братствах, городах и положении крестьянства.

В. П. Перцев отметил значение либерально-буржуазного направления историков России, которые сумели издать большое количество документов, имеющих отношение к истории Белоруссии. В первую очередь он называл И. И. Григоровича, который издал «Белорусский архив древних актов» и редактировал первые четыре тома «Актов, относящихся к истории Западной России». В издании документов велика роль Виленской археографической комиссии и Управления Виленского учебного округа.

С другой стороны, в историографии проявлялась полонофильская, шляхетская тенденция, которая рассматривала историю Белоруссии как органическую часть истории Польши. К таким историкам В. П. Перцев относил О. В. Турчиновича, А. Рыпинского и др. В их работах Белоруссия изображалась польской провинцией.

В середине XIX в. появилось и новое направление исторической мысли в Белоруссии — революционно-демократическое. Только революционные демократы А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, а также К. Калиновский отстаивали интересы белорусского крестьянства. К. Калиновский призывал к крестьянской революции не только в Белоруссии и Литве, но и во всей России. Он выступал вождем крестьянского революционного демократического движения. Однако К. Калиновский еще не дошел до материалистического понимания истории. Вместе с тем В. Н. Перцев указал на прогрессивность взглядов К. Калиновского и движения, которым он руководил.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовался тем, что в Белоруссии существенную роль в понимании исторического процесса стало играть марксистско-ленинское учение. Этому способствовало распространение на территории Белоруссии трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также большевистских газет «Искра», «Пролетарий», «Новая жизнь» и др. В Белоруссии начала выходить прогрессивная газета «Северо-Западный край» (1902—1905).

Ряд историков-исследователей, таких, как В. И. Пичета, Н. А. Рожков, Ф. В. Клименко, в тот период искали пути к марксизму, хотя их работы часто во многих отношениях оставались на буржуазно-либеральных позициях. Либерально-буржуазное направление было представлено работами М. К. Любавского, И. И. Лаппо, А. Е. Преснякова и др. Именно они в полный голос сказали о необходимости более глубокого изучения истории Белоруссии, собрав богатый фактический и документальный материал, который впоследствии был использован советскими историками.

В. П. Перцев пришел к выводу, что в большинстве работ дореволюционных историков по истории Белоруссии преобладала историко-юридическая, идеалистическая, великодержавная концепция. Тем не менее дореволюционная историческая наука собрала большой фактический материал, который дает возможность советским историкам на базе

марксистско-ленинской методологии правдиво оценить события прошлого, показать с позиций классовой борьбы роль народных масс в истории Белоруссии.

Ученый совершенно правомерно уделил так много внимания историографии Белоруссии. Такая работа была только по плечу исследователю, много и плодотворно занимавшемуся историей исторической науки. Ведь до него этой проблеме отводилась незначительная роль в белорусской исторической науке, хотя общеизвестно, что историография в исторической науке занимает, пожалуй, то же место, которое принадлежит критике в литературе.

Все работы, относящиеся к истории Белоруссии, отличало то достоинство, что исследователь старался, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, поставить и решить некоторые узловые вопросы. Однако в связи с чрезвычайной занятостью в АН БССР и БГУ он не всегда имел время для углубленного изучения документов в архивах, что ограничивало его некоторые научные обобщения и выводы. Ученики Владимира Николаевича Н. А. Алексютович, З. Ю. Копысский, А. Ф. Смирнов и другие успешно продолжили исследование истории Белоруссии именно по тем направлениям, которые он предложил. В их работах содержатся интересные обобщения и выводы.

Юбилейные доклады, статьи, книги часто имеют цель взглянуть на важные события в жизни страны ретроспективно, показать достижения науки за определенное время, увидеть недостатки, которые были присущи этому периоду деятельности ученых. Подобная целенаправленность была в двух публикациях, посвященных 40-летию Советской страны. В статье В. Н. Нерцева «О развитии общественных наук в БССР за 40 лет» отмечены успехи исторической, лингвистической, литературоведческой, философской и экономической наук за этот период. Названы основные монографии, изданные в Белоруссии и Москве за это время. Указаны главные перспективные проблемы общественных наук Белоруссии, которые требуют немедленной разработки.

В статье «Историческая наука за сорок лет» В. Н. Перцев дает краткую историографическую картину работы Института истории АН БССР. За это время собрано и издано большое количество документов, нанисано много статей и книг по истории Белоруссии. Отмечено, что в 20—30-е годы ученые находились в плену у государственно-юридической концепции подхода к историческим явлениям и событиям. В послевоенные годы были созданы коллективные труды «История Белорусской ССР» в двух томах и «История Минска», опубликован ряд статей и монографий по советскому периоду и истории феодализма.

50-е годы характеризуются тем, что в Белоруссии появилась большая группа ученых-историков, выпускников БГУ им. В. И. Ленина и МГПИ им. А. М. Горького, которые могут решать сложные проблемы, проводить широкие исследования истории Белоруссии на документальной основе.

Обращаясь к историческим событиям, связанным с зарождением и развитием истории как науки в БССР, мы должны с чувством высокой благодарности и искреннего уважения прежде всего назвать имена ученых — родоначальников советской исторической науки в Белоруссии Владимира Ивановича Ичеты, Николая Михайловича Никольского, Владимира Николаевича Перцева. Им принадлежит великая заслуга в создании в Белоруссии научных центров изучения истории, воспитания и обучения сотен советских историков.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ деятельность В. Н. Перцева отличалась интенсивностью, планомерностью и целенаправленностью. Он с полной отдачей сил и творческой энергии работал в Академии наук БССР, где возглавлял общественные науки — участок сложный, ответственный, требующий всеобъемлющих знаний и богатого жизненного опыта. Одновременно он был заведующим кафедрой истории средних веков в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина и читал лекции студентам. Это были курсы лекций по истории, источниковедению и историографии средневековья, спецкурс по истории Пруссии, спецсеминар «Ранний буржуазный гуманизм».

Большая насыщенность научным материалом, глубокая эрудиция были присущи лекциям профессора В. Н. Перцева. Они, правда, отличались некоторым академизмом, отсутствием эмоциональной окраски. Но умение донести до слушателей основные, ключевые мысли научной темы выделяло лекции В. Н. Перцева. Он мудро подводил слушателей к пониманию и усвоению темы лекции, к глубокому размышлению над поставленными в ней вопросами.

Педагогический опыт приобретался и накапливался не сразу. Владимир Николаевич имел возможность получить его, работая в гимназиях, коммерческих училищах, созда-

вая учебники, книги для чтения по истории, читая лекции рабочим, колхозникам, интеллигенции, преподавая в Московском, Смоленском и Белорусском университетах, в педагогических вузах РСФСР и БССР.

Работая в Белорусском государственном университете, Владимир Николаевич всегда приходил на помощь студентам и преподавателям, считал своим долгом делиться опытом и знаниями с молодежью. Профессор В. Н. Перцев часто был председателем государственной комиссии по приему выпускных экзаменов в университете. Он активно участвовал во всех общественных делах исторического факультета. Много раз Владимир Николаевич обращался по-отечески тепло и заинтересованно к молодежи в периодической печати Белоруссии. Его статьи в газетах имели высокое гражданское звучание. Он всегда выступал как патриот Советской Родины, как человек, влюбленный в науку и преданный ей до конца своих дней.

Для студенческой аудитории В. Н. Перцев разработал столь необходимые в повседневной жизни вуза темы лекции: «Форма и методы самостоятельной работы» и «Как работать с книгой». Лекция о формах и методах самостоятельной работы студентов интересна тем, что раскрывает отношение ученого к самостоятельной научно-исследовательской работе студентов гуманитарных факультетов. Он подчеркивал необходимость обучения студентов творческому самообразованию, самостоятельному научному мышлению на лекциях, практических и семинарских занятиях, при написании курсовых и дипломных работ и занятиях в научно-исследовательских кружках [1].

Занимаясь научной и педагогической деятельностью в вузе, В. Н. Перцев не порывал связей со средней школой. Он считал своим долгом помочь советскому учителю истории постигнуть сложность процесса взаимоотношений между католицизмом и средневековой культурой. С этой целью

[1] Архив АН БССР, арх. 3, д. 3, л. 328—333.

ученый создал методическую разработку «Католическая церковь и новая культура» (1938).

Особое внимание Владимир Николаевич уделил разработке раннего гуманизма в Италии, отметив сложный процесс развития гуманистической культуры XIV—XV вв. Он рассматривал ее как протест против господства католической церкви. В. Н. Перцев указал на реакционную роль папства. Автор методической рекомендации стремился к тому, чтобы эта тема школьной программы способствовала формированию атеистических взглядов у учащихся [2].

С чувством высокого достоинства и глубокого уважения относился В. Н. Перцев к труду преподавателя. К нему у Владимира Николаевича были самые большие требования, он считал, что «преподавание должно заключать в себе элемент творчества, которое, как и всякое творчество, индивидуально и своеобразно» [3]. И не только провозглашал этот принцип, а сам во всей своей педагогической и научной деятельности стремился выступать как активный педагог-гуманист, ученый-творец, обобщающий прошлое для того, чтобы лучше, полнее постигнуть будущее.

Впоследствии академик АН БССР В. Н. Перцев счел необходимым подчеркнуть одну важную отличительную особенность его труда на благо Отчизны. Он писал: «В течение всей своей научной деятельности я стремился придать моей научной и педагогической работе просветительский, это значит не цеховой, не узкокабинетный, а полезный для общества, широких масс характер» [4].

Педагогическую и научную работу В. Н. Перцев умело сочетал с общественной деятельностью. Он всегда достойно представлял на международной и всесоюзной арене белорусский народ и ученых Белоруссии.

---

[2] Очерки истории марксистско-ленинской философии в Белоруссии. Минск, 1968, с. 163.

[3] «Вестник воспитания», 1913, № 1, с. 34.

[4] Перцаў У. М. Наша сіла.— «Літаратура і мастацтва», 1947, 13 снежня.

Академик АН БССР В. Н. Перцев был включен в правительственную делегацию Белорусской ССР на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско в мае — июне 1945 г. Знание иностранных языков, отличная осведомленность в области истории Германии и других капиталистических стран, высокая общая культура и эрудиция В. Н. Перцева служили делу укрепления авторитета Белорусской ССР в мире. На этой конференции академик В. Н. Перцев проявлял большую политическую активность, стремился быть достойным представителем белорусского народа [5]. Он глубоко сознавал, какая большая ответственность ложится на участника конференции Объединенных Наций за установление прочного долговременного мира на земле, за послевоенное сотрудничество между великими державами, разгромившими гитлеровскую военную машину. Во время заседаний конференции в Сан-Франциско В. Н. Перцев работал в комитете по гуманитарным и социальным вопросам, готовил свои выступления, участвовал в обсуждении различных проблем послевоенного мирового устройства и многих дискуссиях.

Владимир Николаевич Перцев достойно представлял нашу республику на этой конференции и внес определенный вклад в дело создания и разработки Устава Организации Объединенных Наций. Он был делегатом-учредителем ООН от Белорусской ССР, и его подпись стоит под Уставом этой организации [6].

После возвращения делегации Белорусской ССР на родину В. Н. Перцев неоднократно выступал в БГУ и других вузах, на предприятиях и в учреждениях республики с лекциями и докладами, а также в печати о работе конференции в Сан-Франциско и создании Организации Объединенных Наций. Он писал о работе конференции ООН в Лондоне

---

[5] См.: Киселев К. В. Записки советского дипломата. М., 1974, с. 58.

[6] Там же, с. 129.

(1946 г.), где белорусской делегацией был поставлен вопрос о наказании военных преступников.

Ученый-гуманист В. Н. Перцев всегда активно выступал как борец за мир между народами. Он содействовал работе Славянского комитета СССР и был делегатом от Белорусской ССР на I Общеславянском конгрессе ученых-славяноведов, который проходил в марте 1948 г. в Москве, в октябре 1950 г. участвовал в работе 2-го Всесоюзного конгресса сторонников мира.

В ноябре — декабре 1953 г. В. Н. Перцев представлял научную общественность Белорусской ССР на сессии, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией, проходившей в Польской Народной Республике.

В течение тринадцати лет начиная с 1947 г. В. Н. Перцев был депутатом 2—5-го созывов Верховного Совета БССР по Березинскому избирательному округу.

В послевоенные годы Березинский район Минской области испытывал большие трудности в подъеме сельского хозяйства, культуры и просвещения.

Как депутат В. П. Перцев часто выезжал в район, нередко обращался в Госплан БССР, бывал в Министерстве сельского хозяйства, в обкоме партии и в облисполкоме. Его усилия приносили благотворные плоды [7].

Депутат Владимир Николаевич Перцев заботился о культурных нуждах трудящихся Березинского района, в частности, содействовал улучшению кинообслуживания населения, расширению районного клуба, строительству нового кинотеатра в Березино. Он всегда находил время для того, чтобы выступить перед учителями, раскрыть им сущность идеологической борьбы в мире, рассказать об исследованиях и открытиях белорусских ученых, о новых перспективах развития народного хозяйства Страны Советов. В. Н. Перцев оказывал посильную помощь школам района в осуществлении трудового обучения молодежи на базе широкого внед-

[7] Архив АН БССР, арх. 12, д. 12, л. 9—10.

рения политехнизации. Благодаря усилиям депутата хорошие школы были построены в Березино и других населенных пунктах района.

Ярким примером заботы Владимира Николаевича о народном образовании является такой факт. В 1953 г. родители учащихся Высокогорской семилетней школы обратились к нему с письмом, в котором излагалась просьба оказать помощь в строительстве школы. В. Н. Перцев сразу откликнулся на эту просьбу. В органах народного образования ему сообщили, что строительство школы запланировано. Прошло некоторое время, а дело с места не двигалось. Депутат забил тревогу. Оказалось, что строительство школы отодвинуто на более поздний срок. И тогда он решил на строительство школы в д. Высокая Гора внести свои личные сбережения [8]. Эта школа напоминает ныне жителям деревни и учащимся о беззаветном служении своему народу академика АН БССР В. Н. Перцева.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили научную, педагогическую и общественную деятельность Владимира Николаевича Перцева. Он был награжден тремя орденами Ленина, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Белорусской ССР.

В год 30-летия Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина за педагогическую и научную деятельность заведующий кафедрой истории средних веков профессор В. Н. Перцев был награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР. За заслуги перед советским народом и белорусской исторической наукой и в связи с 80-летием академику АН БССР В. Н. Перцеву был вручен орден Трудового Красного Знамени.

В последнее время В. П. Перцев работал заведующим кафедрой и профессором БГУ им. В. И. Ленина. Жизнь Владимира Николаевича оборвалась 3 июня 1960 г.

---

[8] «Советская Белоруссия», 1961, 1 января.

В. Н. Перцев был историком с чрезвычайно широким диапазоном научных интересов, блестящим эрудитом. Его научные труды являются образцом глубокого анализа первоисточников, а многие из них, особенно созданные им в последний период жизни, могут служить примером умелого применения марксистско-ленинской методологии в освещении исторического материала.

Владимир Николаевич — пример исключительной преданности науке, глубокого сознания научного и общественного долга, кристальной честности и скромности, любви и уважения к людям.

Многие годы своей долгой и плодотворной жизни отдал В. Н. Перцев служению белорусской исторической науке. Он делал все возможное, чтобы она заняла достойное место в развитии советской науки. Его исследования в области философии истории, истории Германии и Пруссии, а также постановка и частичное решение многих вопросов истории Белоруссии имеют большое значение. Он внес весомый вклад в развитие советской исторической науки.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Н. ПЕРЦЕВА

1877 г. 15(27) июля — В Курске родился Владимир Николаевич Перцев.

1888—1895 гг.— Учился и окончил Курское реальное училище.

1890 г.— Умер отец В. Н. Перцева.

1895—1896 гг.— Учился в Петербургском технологическом и Варшавском ветеринарном институтах.

1897 г.— В Харькове сдал экстерном экзамены за курс гимназии.

1897 г.— Поступил в Московский университет на историко-филологический факультет.

1899, 1901 гг.— В эти годы по две недели находился в Бутырской тюрьме за участие в студенческих волнениях.

1901 г.— Исключен из Московского университета и выслан в Курск под надзор полиции.

1901 г.— Выехал за границу в Австрию и Германию. Слушал лекции в Венском и Берлинском университетах.

1902 г.— Вернулся из-за границы.

1903 г. — Окончил историко-филологический факультет Московского университета с дипломом I степени.

1903 г.— Оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию.

1904 г.— Умерла мать В. Н. Перцева.

1905—1917 гг. — Преподаватель средних учебных заведений г. Москвы.

1907 г.— Опубликованы фрагменты из кандидатской работы В. Н. Перцева «Теория эволюции и философия истории Гердера».

1908 г.— Вышла первая книга В. Н. Перцева «Очерки всеобщей истории», ч. 2, «Новое время».

1918—1919 гг.— Преподаватель Московского пединститута на Девичьем поле.

1918 г. 7 ноября — Избран профессором Смоленского государственного университета (СГУ).

1918—1921 гг.— Профессор СГУ.

1920 г. 20 февраля — 1922 г. август — Работал по совместительству в Витебском институте народного образования.

1921 г. 1 октября — Избран профессором Белорусского государственного университета (БГУ).

1921 г. 30 октября — 1931 г. 1 августа — Профессор и заведующий кафедрой БГУ.

1931 г. 1 августа — 1934 г. август — Профессор и заведующий кафедрой Минского государственного пединститута.

1935 г. 5 июня — Утверждена ученая степень доктора исторических наук.

1934 г. август — 1941 г. июнь — Профессор и заведующий кафедрой БГУ, профессор Минского пединститута.

1940 г. 11 апреля — Избран действительным членом АН БССР.

1941 г. 24 июня — октябрь — Эвакуировался из Минска и работал профессором Курского пединститута.

1941 г. октябрь — Эвакуировался в г. Сарапул Удмуртской АССР.

1941 г.— Погиб на фронте сын — Борис Николаевич Перцев.

1941 г. 15 декабря — 1943 г. 1 сентября — Профессор и заведующий кафедрой Удмуртского пединститута.

1942 г. 12—13 марта — Выступил на сессии АН БССР в г. Казани.

1943 г. сентябрь — Профессор и заведующий кафедрой в БГУ на станции Сходня в Подмосковье.

1943 г. 1 декабря —1959 г. по декабрь — Академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР, профессор и заведующий кафедрой БГУ им. В. И. Ленина.

1944 г. январь — Награжден орденом Ленина.

1944 г. январь — Присвоено звание заслуженного деятеля науки БССР.

1945 г. 10 марта — В. Н. Перцев вернулся в Минск.

1945 г. май — июнь — Делегат-учредитель Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско от БССР.

1948 г. март — Делегат I Общеславянского конгресса ученых-славяноведов в Москве.

1949 г. январь — Награжден вторым орденом Ленина.

1950 г. октябрь — Делегат 2-го Всесоюзного конгресса сторонников мира.

1951 г. сентябрь — Награжден третьим орденом Ленина.

1953 г. ноябрь — декабрь — Участвовал в сессии, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией, проходившей в Варшаве.

1947—1960 гг.— Избирался депутатом Верховного Совета БССР 2—5-го созывов.

1959 г. декабрь — 1960 г. 3 июня — Профессор и заведующий кафедрой ВГУ им. В. И. Ленина.

1960 г. 3 июня — Умер В. Н. Перцев. На доме № 3 по ул. Ленина в г. Минске, где в последние годы жил и работал Владимир Николаевич, установлена мемориальная доска (скульптор И. Глебов).

УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В. Н. ПЕРЦЕВЫМ

1907

1. Теория эволюции и философия истории Гердера.— «Вопросы философии и психологии», 1907, № 4 (89), с. 469—503.
2. Рец. на кн.: Чернов И. Луи Блан. Пер. с франц. М., 1906.— «Русская мысль», 1907, кн. 2. Библ. отд., с. 40—41.
3. Рец. на кн.: Доллеанс Э. Роберт Оуэн. Пер. с франц. М., 1906.— «Русская мысль», 1907, кн. 2. Библ. отд., с. 41.
4. Рец. на кн.: Либкнехт В. К юбилею мартовской революции. Пер. с нем.— «Русская мысль», 1907, № 3. Библ. отд., с. 60—61.
5. Рец. на кн.: Бах М. Австрия в первую половину XIX в. Пер. с нем.— Там же, с. 61.
6. Рец. на кн.: Афанасьев Г. История Ирландии. Сиб., 1907.— «Русская мысль», 1907, № 5. Библ. отд., с. 93.
7. Рец. на кн.: Люкс Г. Этьен Кабе и икарийский коммунизм. Пер. с нем.— «Русская мысль», 1907, № 6. Библ. отд., с. 110—111.
8. Рец. на кн.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Соч. К. Маркса. Пер. с 3-го нем. изд. Спб., 1907.— «Русская мысль», 1907, № 7. Библ. отд., с. 141—142.
9. Рец. на кн.: Гельд. Социальная история Англии. Спб., 1907.— Там же, с. 140—141.
10. Рец. на кн.: Рабство и освобождение негров. Сост. Г. Виллиам. М., 1907.— Там же, с. 141.

1908

11. Очерки всеобщей истории, ч. 2. Новое время (XVI—XIX вв.). М., 1908 (в соавторстве с Е. А. Ефимовой).
12. Реп. на кн.: Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. 1780—1790. Спб., 1907.— «Русская мысль», 1908, № 2. Библ. отд., с. 24—27.

13. Рец. на кн.: Прокопович С. Рабочее движение в Германии. Изд. 2-е, доп. Спб., 1908.— «Русская мысль», 1908, № 6. Библ. отд., с. 133—135.
14. Рец. на кн.: Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. Пер. с франц. Спб., 1907. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Пер. с франц. Спб., 1907.— «Русская мысль», 1908, № 6. Библ. отд., с. 128—129.
15. Рец. на кн.: Сорель А. Европа и французская революция. Пер. с франц., т. 8. Спб., 1908.— «Русская мысль», 1908, № 6. Библ. отд., с. 125—126.
16. Рец. на кн.: Эфруси Е. Великая революция во Франции. М., 1908.— «Русская мысль», 1908, № 7. Библ. отд., с. 146—147.
17. Рец. на кн.: Гюйо И. Социальные учения христианства. Пер. с франц. М., 1907.— Там же, с. 153—154.
18. Рец. на кн.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. Изд. 2-е. Спб., 1907.— «Русская мысль», 1908, № 8. Библ. отд., с. 175—179.
19. Рец. на кн.: Ренан Эрнест. История израильского народа. Пер. с франц., т. 1. Спб., 1908.— «Русская мысль», 1908, № 9. Библ. отд., с. 189—191.
20. Рец. на кн.: Вернер Зомбарт. Почему нет социализма в Соединенных Штатах. Пер. с нем.— Там же, с. 198—199.
21. Рец. на кн.: Виппнер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. Изд. 2-е. М., 1908.— «Русская мысль», 1908, № 10. Библ. отд., с. 219—220.
22. Рец. на кн.: Нич К. В. История Римской республики. М., 1908.— «Русская мысль», 1908, № 11. Библ. отд., с. 236—238.
23. Перевод. Кнопф Р. Происхождение и развитие христианских верований в загробную жизнь. Пер. с нем. В. П. Перцева. Под ред. П. М. Никольского. В серии «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики». Кн. 4. Спб., 1908.

1909

24. Рец. на кн.: Берс А. А. Естественная история чёрта (его рождение, жизнь и смерть). 1907.— «Русская мысль», 1909, № 1. Библ. отд., с. 12—13.
25. Рец. на кн.: Гримм Э. Д. Мирабо. Очерк из истории Великой французской революции. М., 1909.— «Русская мысль», 1909, № 1. Библ. отд., с. 13—14; «Вестник воспитания», 1909, № 1. Библ. отд., с. 39—40.
26. Рец. на кн.: Дживелегов А. К. Начало итальянского Возрождения. М., 1909.— «Русская мысль», 1909, № 1. Библ. отд., с. 11—12; «Вестник воспитания», 1909, № 1. Библ. отд., с. 41—43.

27. Рец. на кн.: Авалиани С. Л. Опыт исторической хрестоматии. Пособие при изучении истории Западной Европы в новое время, ч. 1. Одесса, 1908.— «Русская мысль», 1909, № 3. Библ. отд. с. 63—64; «Вестник воспитания», 1909, № 3. Библ. отд., с. 23—25.
28. Рец. на кн.: Быкова А. В. Франция и французы. Очерк развития демократии и республики. М., 1909.— «Вестник воспитания», 1909, № 4. Библ. отд., с. 54—56.
29. Рец. на кн.: Кареев Н. Типологические курсы по истории государственного быта. Спб., 1908.— «Русская мысль», 1909, № 4. Библ. отд., с. 86—89.
30. Рец. на кн.: Череванский В. Последний вздох Византии. Спб., 1909.— «Русская мысль», 1910, № 4. Библ. отд., с. 97—98; «Вестник воспитания», 1909, № 8. Библ. отд., с. 40—44.
31. Рец. на кн.: Бузескул В. П. История афинской демократии. Спб., 1909. — «Вестник воспитания», 1909, № 5. Библ. отд., с. 4—44; «Русская мысль», 1909, № 6. Библ. отд., с. 143—146.
32. Рец. на кн.: Быкова А. В. Рассказы из истории Ирландии.— «Вестник воспитания», 1909, № 7. Библ. отд., с. 36—38.
33. Рец. на кн.: Диль Шарль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. Спб., 1908.— «Русская мысль», 1909, № 8. Библ. отд., с. 191—193.
34. Рец. на кн.: Генкель Г. Под небом Эллады. Спб., 1909.— «Вестник воспитания», 1909, № 9. Библ. отд., с. 30—34.
35. Рец. на кн.: Ефимова Е. А. Парижская революция в XIV в.; Этьенн Марсель и его время. М., 1909.— Там же, с. 217.
36. Рец. на кн.: Ону Александр. Выборы 1789 года во Франции и наказы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны, ч. 1. Опыт установления метода исследования и критики наказов как исторического источника. Спб., 1908.— «Русская мысль», 1909, № 11. Библ. отд., с. 263—265.

1910

37. Реформационное движение в Германии.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени, т. 1. М., 1910, с. 76—110.
38. Рец. на кн.: Топор-Рабчинский Вл. Макиавелли и эпоха Возрождения. Введение в изучение Макиавелли. Варшава, 1909.— «Русская мысль». 1910, № 1, Библ. отд., с. 9—10.
39. Рец. на кн.: Дюбрейль Луи. Коммуна 1871 г. Социалистическая история (1789—1900). Под ред. Ж. Жореса, т. XII. Спб., 1908.— «Русская мысль», 1910, № 3. Библ. отд., с. 61—63.
40. Рец. на кн.: Эритье Луи. История французской революции 1848 г. и второй республики.— «Вестник воспитания», 1910, № 5. Библ. отд., с. 45—49.

41. Рец. на кн.: Алтаев А. Две королевы (Мария Стюарт и Елизавета Английская). Историческая повесть для юношества. Спб., 1910.— «Вестник воспитания», 1910, № 6. Библ. отд., с. 61—63.
42. Рец. на кн.: Гримм Э. Политические воззрения Ипполита Тена. Спб.— М.— «Русская мысль», 1910, № 10. Библ. отд., с. 326—327.
43. Реп. на кн.: Павлинов. Цицерон. Молодые годы. Спб., 1909.— «Русская мысль», 1910, № 11. Библ. отд., с. 361—362.
44. Рец. на кн.: Бернгейм Эрнст. Философия истории, ее история и задачи. Пер. с нем. М., 1910.— Там же, с. 370—371.
45. Редакция. Книга для чтения по истории нового времени, т. 1. Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, И. М. Никольского, В. Н. Перисва, В. И. Пичеты и др. М., 1910.

1911

46. Умственные течения в Германии в XVIII в.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени, т. 2. М., 1911, с. 388—436.
47. Реп. на кн.: Тарасов Н. Г. и Моравский С. П. Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV—XVIII вв. Изд. 2-е. М., 1910.— «Вестник воспитания», 1911, № 6. Библ. отд., с. 38—40.
48. Рец. на кн.: Зоргенфрей Г. и Тюлелиев К. Римские древности. Пособие для гимназии и самообразования. Спб.— М.— Там же, с. 40—42.
49. Рец. на кн.: Быкова А. В. Рассказы из истории Италии XIX в. М., 1910.— «Вестник воспитания», 1911, № 7. Библ. отд., с. 53—56.
50. Реп. на кн.: Историческая хрестоматия. Отрывки из источников и художественных произведений. Древняя история. Сост. Яр. Кулжинский и В. Нейкирх. Спб.— Киев, 1910.— «Вестник воспитания», 1911, № 7. Библ. отд., с. 48—53.
51. Рец. на кн.: Иенсен В. Густав Васа, освободитель Швеции. Пер. с нем., изд. 2-е. Спб., 1910.— «Вестник воспитания», 1911, № 9. Библ. отд., с. 28—30.
52. Редакция. Книга для чтения по истории нового времени, т. 2. Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова, Д. П. Кончаловского, С. П. Мельгунова, В. П. Перцева, В. И. Пичеты, В. П. Сторожева и В. В. Филатова. М., 1911.

1912

53. Учебник древней истории для VIII класса мужской и женской гимназии, ч. 1. История Греции. М., 1912.

54. Союз России с Пруссией.— В кн.: Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание. 1812—1912, т. VI. М., 1912, с. 44—54.
55. Отечественная война и Наполеон в немецкой исторической литературе.— В кн.: Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание. 1812—1912, т. VII. М., 1912, с. 291—294.
56. Венский конгресс.— В кн.: Отечественная война и ее причины и следствия. Иллюстрированный сборник. Под ред. В. И. Пичеты. М., 1912, с. 198—208.
57. Философия истории Л. Н. Толстого.— В сб.: Война и мир. М., 1912, с. 129—153.
58. Очерки новой истории (XVI—XIX вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1912 (в соавторстве с Е. А. Ефимовой).
59. Реп. на кн.: Бекетов М. А. Англия. Исторический очерк; Андрианов М. А. Франция. Исторический очерк. Спб., 1911.—«Вестник воспитания», 1912, № 2. Библ. отд., с. 17—21.
60. Рец. на кн.: Века и люди. Книга для классного чтения в 4-м отделении начальной школы. Сост. Е. Звягинцев и А. Бернашевский. М., 1912.— «Вестник воспитания», 1912, № 8. Библ. отд., с. 58—61.
61. Реп. на кн.: Историческая беллетристика в школе, ч. 1. Всеобщая история. Сост. Д. Г. Зандберг. М., 1912.— «Вестник воспитания», 1912, № 9. Библ. отд., с. 31—34.
62. Редакция. Книга для чтения по истории нового времени, т. 3. Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. Н. Перцева, В. И. Пичеты. М., 1912.

1913

63. Девятнадцатый век (карманный справочник по истории XIX в.). М., 1913.
64. Друзья народа и защитники знати в Древней Греции.— В кн.: Книга для чтения по древней истории, ч. 1. М., 1913, с. 154—167.
65. В древней Спарте.— Там же, с. 168—187.
66. Платон и его единомышленники.— Там же, с. 377—391.
67. Патриции и плебеи в старом Риме.— В кн.: Книга для чтения по древней истории, ч. 2. М., 1913, с. 59—79.
68. Римский крестьянин после войн.— Там же, с. 145—163.
69. Реформы в Пруссии.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени, т. IV, ч. 1. М., 1913, с. 30—83.
70. Реакция в Германии.— Там же, с. 369—412.
71. Новое этнологическое освещение некоторых сторон греческой культуры.— «Голос минувшего», 1913, № 2, с. 281—285.

72. Диспут Кагарова.— «Голос минувшего», 1913, № 10, с. 328—329.
73. Рец. на кн.: Целлер Э. Очерк истории греческой философии. М., 1912.— «Голос минувшего», 1913, № 1, с. 190.
74. Рец. на кн.: Краузе А. и М. История греческой литературы. Руководство для учащихся и для самообразования. Спб., 1912.— «Голос минувшего», 1913, № 1, с. 219—221.
75. Рец. на кн.: Марков Д. А. Сборник вопросов и задач по всеобщей истории, ч. 1. Древняя история. Пособие для учащихся. М., 1913.— «Вестник воспитания», 1913, № 1. Библ. отд., с. 34—36.
76. Рец. на кн.: Алтаев А. В великую бурю. Исторический роман из времен английского короля Карла I и Оливера Кромвеля. Для детей старшего возраста. Спб., 1913.— «Вестник воспитания», 1913, № 2. Библ. отд., с. 45—48.
77. Рец. на кн.: Ананьин В. Учебник всеобщей истории. Для высших начальных училищ и торговых школ. М., 1913.— «Вестник воспитания», 1913, № 3. Библ. отд., с. 45—48.
78. Рец. на кн.: Бузескул В. П. Античность и современность. Современные темы в античной Греции. Спб., 1913.— «Голос минувшего», 1913, № 5, с. 250—251.
79. Рец. на кн.: Средневековье в его памятниках. М., 1913.— Историческая хрестоматия. Средняя история. Сост. В. В. Нейкирх и Я. С. Кульжинский. Спб.— Киев, 1912.— «Вестник воспитания», 1913, № 7. Библ. отд., с. 19—23.
80. Редакция. Алабина-Сократова Т. Картины из жизни государства Афинского в V в. до н. э. Под ред. В. Н. Перцева. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1913.
81. Редакция. Книга для чтения по древней истории, ч. 1. Первобытная культура. Восток. Греция. Для III—IV классов средних учебных заведений. Под ред. А. М. Васютинского, М. П. Коваленского, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. М., 1913.
82. Редакция. Книга для чтения по древней истории, ч. 2. Рим-Республика. Для III—IV классов средних учебных заведений. Под ред. А. М. Васютинского, М. П. Коваленского, В. И. Перцева и К. В. Сивкова. М., 1913.
83. Редакция. Книга для чтения по истории нового времени, т. IV, ч. 1. История Западной Европы в первой половине XIX ст. Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Перцева, В. И. Пичеты. М., 1913.

1914

84. Немецкое масонство в XVIII в.— В кн.: Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М., 1914, с. 61—111.
85. Политика Гогенцоллернов.— «Голос минувшего», 1914, № 11, с. 49—74.
86. Политика Гогенцоллернов.— «Голос минувшего», 1914, № 12, с. 81—121.
87. Гете и 1813 г.; Белох о статистическом методе в истории.— «Голос минувшего», 1914, № 2, с. 239—246.
88. Из писем баронессы Штурмфедер об австрийской революции 1848 г.— «Голос минувшего», 1914, № 3, с. 283—287.
89. Проект франко-прусского разоружения в 1870 г.—«Голос минувшего», 1914, № 4, с. 259—268.
90. Новые русские труды по теории исторической науки.— «Голос минувшего», 1914, № 4, с. 269—282.
91. Новые данные о мартовских днях в Берлине в 1848 г.— «Голос минувшего», 1914, № 6, с. 255—260.
92. Донесения неизвестных дипломатов Меттерниху о Лоле Монтец.— «Голос минувшего», 1914, № 8, с. 216—222.
93. Перед войной; Бисмарк и балканские государства; Из переписки Гогенцоллернов.— «Голос минувшего», 1914, № 9, с. 228—240.
94. Рец. на кн.: Никольский Н. М. Древний Вавилон. М., 1913.— «Вестник воспитания», 1914, № 2. Библ. отд., с. 24—27.
95. Реп. па кн.: Гомперц Т. Греческие мыслители, т. 2. Спб., 1913.— «Голос минувшего», 1914, № 2, с. 251—252.
96. Рец. на кн.: Ковалевский М. О. История Греции и Рима. Курс III класса мужских гимназий. Казань, 1913.— «Вестник воспитания», 1914, № 6. Библ. отд., с. 36—40.
97. Рец. па кн.: Ральцевич В. и Васильев Б. Краткая новейшая история; Ильинский П. Софокл. В обработке для школы.— «Вестник воспитания», 1914, № 6. Библ. отд., с. 40—44.
98. Рец. на кн.: Дюшен Л. История древней церкви, т. 1. М., 1912; т. 2. М., 1914.— «Голос минувшего», 1914, № 7, с. 303—305.
99. Рец. на кн.: Берлин Я. Из светлых дней Эллады.— «Вестник воспитания», 1914, № 7. Библ. отд., с. 13—15.
100. Рец. на кн.: Поль де Сен-Виктор. Победители сильных.— «Вестник воспитания», 1914, № 7. Библ. отд., с. 15—17.
101. Рец. на кн.: Линден А. Дочь венгерского вождя. М., 1914.— «Вестник воспитания», 1914, № 7. Библ. отд., с. 18—19.
102. Рец. на кн.: Виппер Р. Ю. Древняя Европа и Восток. Учебник для младших классов гимназий. М., 1914.— «Вестник воспитания», 1914, № 9. Библ. отд., с. 16—18.

103. Рец. на кн.: Ростовцев М. Из прошлого Греции и Рима.— «Вестник воспитания», 1914, № 9. Библ. отд., с. 18—19.
104. Рец. на кн.: Ламер Г. Греческий мир, вып. 2. Его же. Римский мир, вып. 3. Культурно-исторический альбом.— «Вестник воспитания», 1914, № 9. Библ. отд., с. 20—22.
105. Рец. на кн.: Лихтенберже А. Современная Германия. М., 1914.— «Голос минувшего», 1914, № 12, с. 284—285.
106. Редакция. Книга для чтения по истории нового времени, т. IV, ч. 2. Славянство в начале XIX в. и Россия в царствование императора Николая I. Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. Н. Перцева, В. И. Пичеты. М., 1914.

1915

107. Политика Гогенцоллернов.—«Голос минувшего», 1915, № 6, с. 58—80.
108. Политика Гогенцоллернов.—«Голос минувшего», 1915, № 7—8, с. 51—74.
109. Заговор Катилины.— В кн.: Книга для чтения по древней истории, ч. 3. Рим-Империя. М., 1915, с. 67—92.
110. Август и его приближенные.— Там же, с. 161—192.
111. Предисловие в кн.: Граф де ля Гард. Картины из времен Венского конгресса. 1814—1815.— «Голос минувшего», 1915, № 5, с. 143—149.
112. Рец. на кн.: Алабина-Сократова Т. Франция в XVI в. М., 1914.— «Вестник воспитания», 1915, № 1. Библ. отд., с. 21—22.
113. Рец. на кн.: Рейснер (Реус) М. Вильгельм II и железная империя. 1914.— «Голос минувшего», 1915, № 2, с. 299—301.
114. Рец. на кн.: Линиченко И. А. Два письма Фридриха II. Одесса, 1914.— «Голос минувшего», 1915, № 3, с. 285—286.
115. Рец. на кн.: Хрестоматия по всеобщей истории. Новая история в отрывках из источников, ч. 1. Эпоха гуманизма и реформации. Сост. проф. П. П. Ардашев в сотрудничестве с Н. И. Никифоровым, В. Н. Евстафьевым и др. Киев, 1914.— «Вестник воспитания», 1915, № 3. Библ. отд., с. 9—10.
116. Рец. на кн.: Кузнецов А. И. Краткий учебник всеобщей истории. Составлен применительно к программе высших начальных училищ и торговых школ. Одесса, 1914.— «Вестник воспитания», 1915, № 5. Библ. отд., с. 5—7.
117. Рец. на кн.: Кун Н. А. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях, ч. 1. М., 1914.— Там же, с. 8—9.
118. Рец. на кн.: Ефимова Е. А. Крепостные и вольные города в старой Франции. М., 1914. Ее же. Рыцарство. М., 1914.— Там же, с. 9—10.

119. Рец. на кн.: Алтаев А. Король и инфант. Историческая повесть времен Филиппа II. М., 1915.— Там же, с. 11—12.
120. Рец. на кн.: Лятский М. А. Великие мира. Избранники истории всех времен и народов. Рассказы и очерки. Пг.— М.,— «Вестник воспитания», 1915, № 7. Библ. отд., с. 16—19.
121. Рец. на кн.: Хрестоматия по всеобщей истории. Новая история в отрывках из источников, ч. 2. Эпоха абсолютизма и революции. Сост. проф. П. Н. Ардашев и др. Киев, 1915.— «Вестник воспитания», 1915, № 7. Библ. отд., с. 19—21.
122. Рец. на кн.: Гемпель Р. Под огненным дождем. Пг., 1915.— Там же, с. 21—23.
123. Рец. на кн.: Зелинский Ф. История античной культуры. Курс VIII класса мужских гимназий, ч. 1 и 2. М., 1915.— «Вестник воспитания», 1915, № 8. Библ. отд., с. 6—13.
124. Рец. на кн.: Граф. Мария Лариш. При дворе Габсбургов. М., 1914.— «Голос минувшего», 1915, № 10, с. 313—314.
125. Рец. на кн.: Кареев Н. Историология (Теория исторического процесса). Пг., 1915.— «Голос минувшего», 1915, № 11, с. 294—295.
126. Рец. на кн.: Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. М., 1915.— «Голос минувшего», 1915, № 11, с. 297—298.
127. Рец. на кн.: Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX ст. Пг., 1915.— «Голос минувшего», 1915, № 12, с. 277—278.
128. Редакция. Книга для чтения по древней истории, ч. 2. Рим-Республика. Сб. статей. Под ред. А. М. Васютинского, М. П. Коваленского, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. М., 1915.
129. Редакция. Книга для чтения по древней истории, ч. 3. Рим-Империя. Сб. статей. Под ред. А. М. Васютинского, М. Н. Коваленского, В. И. Перцева и К. В. Сивкова. М., 1915.

1916

130. Учебник древней истории, ч. 2. История Рима. М., 1916.
131. Рец. на кн.: Руффини Ф. Религиозная свобода. История идеи, вып. 1. Снб., 1914.— «Голос минувшего», 1916, № 1, с. 312—313.
132. Рец. на кн.: Жаринов Д. А., Никольский Н. М., Радциг С. И. и Стерлигов В. Н. Древний мир в памятниках его письменности, ч. 1. Восток. М., 1915; Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Под ред. Б. Б. Тураева и др. М., 1915.— «Вестник воспитания», 1916, № 5. Библ. отд., с. 24—26.
133. Рец. на кн.: Васильев А. А. Учебник истории средних веков. М., 1916; Его же. Курс истории средних веков. Средневековая

культура. Вторая ступень. Учебная книга VI класса мужских гимназий и реальных училищ. М., 1915.— Там же, с. 26—29.
134. Рец. на кн.: Бутенко В. А. Курс новой истории. Учебник для VII класса мужских гимназий и реальных училищ. М., 1915.— Там же, с. 30—31.
135. Рец. на кн.: Сапожников Т. и Зандберг Д. Святая Клара. Исторический роман для юношества. М., 1916.— Там же, с. 31—32.
136. Рец. на кн.: Старосельская О. Кондорсе как социолог, вып. 1. М., 1915.— «Голос минувшего», 1916, № 5—6, с. 441—442.
137. Редакция. Книга для чтения по древней истории, ч. 1. Первобытная культура. Восток. Греция. Для III—IV классов средних учебных заведений. Сб. статей. Под ред. А. М. Васютинского, М. Н. Коваленского, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. М., 1916.

1917

138. Англия в XIX в. Исторический очерк. «Народная б-ка», сер. ист. М., 1917.
139. Буржуазия и революция. Сер. «Революция и история». Иг., 1917.
140. Германия и Австрия в XIX в. Исторический очерк. «Народная б-ка», сер. ист. М., 1917.
141. Италия в XIX в. Исторический очерк. «Народная б-ка», сер. ист. М., 1917.
142. На чем держалась дружба русских и немецких царей. Сер. «Свободный народ». М., 1917.
143. Франция в XIX в. Исторический очерк. «Народная б-ка», сер. ист. М., 1917.
144. Политика Гогенноллернов.— «Голос минувшего», 1917, № 5—6, с. 154—233.
145. Борьба папы Григория VII с императором Генрихом IV.— В кн.: Средние века в очерках и рассказах, ч. 1. М., 1917, с. 203—226.
146. Безансонское собрание.— Там же, с. 227—239.
147. Альбрехт Медведь.— Там же, с. 240—249.
148. Германские крестьяне в XI—XII вв.— Там же, с. 250—264.
149. Либеральное канцлерство.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени, т. V. М., 1917, с. 70—89.
150. Рец. на кн.: Кареев П. История Западной Европы в начале XX столетия (1901—1914), т. VII, ч. 1 и 2. Пг., 1916—1917.— «Голос минувшего», 1917, № 11—12, с. 343—345.
151. Редакция. Книга для чтения по истории нового времени, т. V. Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживе-

легова, С. П. Мельгунова, В. Н. Перцева и В. И. Пичеты. М., 1917.

152. Редакция. Средние века в очерках и рассказах. Книга для чтения для учащихся IV—V классов средней школы, ч. 1. Под ред. А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. М., 1917.

1918

153. Гогенцоллерны. М., 1918.
154. Очерки новой истории (XVI—XIX вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1918 (в соавторстве с Е. А. Ефимовой).
155. Генц о декабристах.—«Голос минувшего», 1918, № 4—6, с. 248.
156. Рец. на кн.: Гольдин П. С. Падение сословноземского строя в прусской монархии. Харьков, 1916.— «Голос минувшего», 1918, № 1—3, с. 317—318.

1922

157. Социально-политическое мировоззрение Платона.— «Труды ВГУ в Минске», 1922, № 1, с. 74—91; № 2—3, с. 50—72.

1923

158. К вопросу об общинной собственности у древних германцев.— «Труды БГУ в Минске», 1923, № 4—5, с. 76—81.

1924

159. Экономическое развитие Англии в XIX в. Минск, 1924.

1925

160. Историческая идеология Бисмарка.— «Труды БГУ в Минске», 1925, № 6—7, с. 162—175.

1926

161. Гуманізм у Італіі.— В кн.: «400-годдзе беларускага друку». Мінск, 1926, с. 1—22.

1928

162. Дантонисты в брюмере и фримере II года (к вопросу о причинах зарождения дантонистской фракции).— «Труды БГУ в Минске», 1928, № 20, с. 120—129.
163. Гус. Иоанн.— В кн.: Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 17, стб. 427—434.
164. Гуситы, последователи Гуса.— Там же, стб. 415—423.

1931

165. Рамбо Альфред-Никола, франц. историк (1842—1905). Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 35, стб. 585—586.
166. Распайль Ф. В., франц. революц. и ученый (1794—1878).— Там же., стб. 658—659.

1932

167. Раумер Ф., нем. историк (1781—1873). Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 36, стб. 130—131.
168. Ровбелль, Ребель Ж. Ф., франц. полит. деятель (1747—1807).— Там же, стб. 196—197.
169. Шнейдер Е., франц. полит. деятель (1756—1794).— Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 50, стб. 322—324.
170. Шомет П. Г., деятель Вел. франц. рев. (1763—1794).— Там же, стб. 334—335.
171. Шторх Н. (около 1520).— Там же, стб. 468—469.
172. Штумм К. Ф. (1836—1901).— Там же, стб. 483—484.
173. Шталь Ф. Ю., прусский консерват. деятель и ученый (1802—1861).— Там же, стб. 414—416.
174. Шуазель М.-Г., франц. ученый и дипломат (1752—1817).— Там же, стб. 496—497.
175. Шуазель Э. Ф., франц. госуд. деятель (1719—1785).— Там же, стб., 497—498.
176. Шуаны, крестьяне.— Там же, стб. 498—499.
177. Шульте А., нем. историк, род. 1857.— Там же, стб. 515—516.

1933

178. Ройе-Коллар П.-П., франц. полит. деятель, публицист и философ (1763—1845).— Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 36, ч. III, стб. 142—143.
179. Ролан Ж.-М., франц. полит. деятель (1734—1793).— Там же, стб. 150—151.
180. Ролан М.-Ж. (1754—1793).— Там же, стб. 151—153.

1938

181. Католическая церковь и новая культура (XIII—XV вв.) Методическая разработка. Минск, 1938.
182. Ру Жак (1752—1794).— Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 36, ч. V, стб. 570—574.
183. Македония.— Большая Советская Энциклопедия, т. 37, стб. 735—743. (Без подписи.)
184. Микенская культура.— Там же, т. 39, стб. 334—335.

1939

185. Основные вехи в развитии буржуазной французской и немецкой историографии по средневековью.— «Ученые записки БГУ», 1939, сер. ист., вып. 1, с. 67—100.
186. О форме собственности в античном обществе.— Там же, с. 141—147; «Исторический журнал», 1939, № 10, с. 141—144.

1940

187. Рабовладельческое общество.— Большая Советская Энциклопедия, т. 47, стб. 747—754 (в соавторстве с Н. А. Машкиным).

1941

188. Проблемы семьи, частной собственности и государства в работах Энгельса.— «Известия АН БССР», 1941, № 1, с. 75—90.
189. Исторические и общественные взгляды Канта.— Сб. Ин-та истории АН БССР, 1941. (Погиб во время Великой Отечественной войны. Рукопись хранится в архиве АН БССР, арх. 2, л. 72—120.)
190. Крестьяне Пруссии в конце XVIII и начале XIX в.—«Ученые записки БГУ», 1941, № 2. (Погибли во время Великой Отечественной войны.)
191. Образование Прусского государства.— «Ученые записки Минского пединститута», 1941, вып. 1. (Погибли во время Великой Отечественной войны.)

1942

192. Фашизм и средневековье— В кн.: Материалы мартовской сессии АН БССР (12—13 марта 1942 г., г. Казань). М., 1942, с. 35—57; «Славяне», 1942, № 2, с. 24—29.

193. Выступление академика АН БССР В. Н. Перцева.— В кн.: Материалы мартовской сессии АН БССР, с. 89—91.
194. Кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет.—«Удмуртская правда», 1942, 5 апреля.
195. Не даром помнит вся Россия про день Бородпна!—«Удмуртская правда», 1942, 8 сентября.

1943

196. Древняя Пруссия и агрессивное пруссачество.— «Славяне», 1943, № 9, с. 31—33.
197. Александр Невский и его борьба с немцами.— «Удмуртская правда», 1943, 4 апреля.

1944

198. Кастусь Каліноўскі (да 80-годдзя з дня смерці).— «Беларусь», 1944, № 2, с. 22—25.
199. Пруссия до ее завоевания немцами.— «Исторический журнал», 1944, № 4, с. 44—52.
200. Сердце Белоруссии (Минск. История города).— «Советская Белоруссия», 1944, 9 июля.
201. Для Родины (о планах Отделения общественных наук АН БССР на 1944—1945 гг.).— «Советская Белоруссия», 1944, 17 ноября.
202. Немцы — исконные враги белорусского народа.— «Советская Белоруссия», 1944, 16 декабря.

1945

203. Утварэнне Тэўтонскага ордэна.— «Полымя», 1945, № 2—3, с. 137—154.
204. Барацьба палачан і наўгародцаў супраць нямецкіх агрэсараў у XIII ст.— «Большэвік Беларусі», 1945, № 7, с. 55—62.
205. Кастусь Каліноўскі.— «Полымя», 1945, № 9, с. 138—152; № 10, с. 86—102.
206. Кастусь Каліноўскі.— «Савецкі селянін», 1945, 13 верасня.
207. Знамя прогресса реет над миром.— «Советская Белоруссия», 1945, 7 августа.

1946

208. Выхад Беларусі на міжнародную арэну.— «Беларусь», 1946, № 4, с. 11—14.
209. Гісторыя старажытных прусаў.— «Звязда», 1946, 1 студзеня.
210. Выдающийся пропагандист и агитатор (памяти М. И. Калинина).— «Советская Белоруссия», 1946, 5 июня.
211. Редакция. История БССР, вып. 1. Под ред. Т. С. Горбунова, Н. М. Никольского, А. М. Панкратовой, В. Н. Перцева и др. Минск, 1946.

1947

212. Брэсцкая унія.— «Беларусь», № 2, с. 54—56.
213. Ламаносаў як грамадскі дзеяч і гісторык.— «Полымя», 1947, № 3, с. 68—77.
214. Барацьба працоўных Заходняй Беларусі за свае вызваленне ў перыяд польскай акупацыі (1921—1939 гг.).— «Большэвік Беларусі», 1947, № 12, с. 30—38.
215. Великий друг ученых.— «Советская Белоруссия», 1947, 14 января.
216. Кто положил начало книгопечатанию (ответы па вопросы читателей).— «Советская Белоруссия», 1947, 12 августа.
217. Наша сіла (сувязь савецкай навукі з грамадствам).— «Літаратура і мастацтва», 1947, 13 снежня.

1948

218. Общественная деятельность и мировоззрение Г. Скорины.— «Известия АН БССР», 1948, № 6, с. 21—33; На бел. яз. с. 21—32.
219. Барацьба старажытнай Прусіі з націскам Германіі і Польшчы ў X—XIII вяках.— «Вучоныя запіскі БДУ імя У. І. Леніна», 1948, сер. гіст., вып. 6, с. 78—102.
220. Заходняя Беларусь пад уладай Польшчы і ўз'яднанне беларускага народа ў адзіную савецкую дзяржаву.— В кн.: Матэрыялы сесіі АН БССР па Аддзялепню грамадскіх навук 1945 г. Мінск, 1948, с. 11—19.
221. Уступнае слова акадэміка-сакратара Аддзялення грамадскіх навук АН БССР У. М. Перцава.— Там же, с. 3—4.
222. Заключнае слова акадэміка-сакратара Аддзялення грамадскіх навук АН БССР У. М. Перцава.— Там же, с. 63.
223. Грамадская дзейнасць і светапогляд Георгія Скарыны. — «Літаратура і мастацтва», 1948, 20 лістапада.
224. Этруски.— В кн.: Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 54, стб. 741—749.

1949

225. Советская наука по истории средних веков.— В кн.: Материалы ноябрьской сессии АН БССР. 1947 г. Минск, 1949, с. 64—77.
226. Редакция. Наука в БССР за 30 лет. Под ред. Н. И. Гращенкова, В. Н. Перцева, Н. М. Никольского и др. Минск, 1949.

1950

227. Захват и заселение Бранденбургской марки немцами.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1950, сер. ист., вып. 10, с. 183—209.
228. От конгресса к конгрессу (ко 2-му Всемирному конгрессу сторонников мира).—«Советская Белоруссия», 1950, 12 ноября.

1951

229. Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1951, с. 99—123.
230. Старейший вуз республики (к 30-летию БГУ им. В. И. Ленина).— «Советская Белоруссия», 1951, 23 октября.
231. Гордасць нашай рэспублікі (да 30-годдзя БДУ імя У. І. Леніна).— «Мінская праўда», 1951, 30 кастрычніка.
232. Кузня педагагічных кадраў (да 30-годдзя БДУ імя У. І. Леніна).— «Настаўніцкая газета», 1951, 1 лістапада.

1952

233. К итогам X сессии Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик.— «Вестник Академии наук СССР», 1952, № 1, с. 35—36.

1953

234. Германия в XVIII в. Минск, 1953.
235. Культура и религия древних пруссов.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1953, сер. ист., вып. 16, с. 329—373.
236. Вялікі карыфей навукі (памяці І. В. Сталіна).— «Мінская праўда», 1953, 8 сакавіка.
237. Воспитатель и друг (к 50-летию КПСС).— «Советская культура», 1953, 30 июля.

238. Редакция. Документы и материалы по истории Белоруссии, т. 3. Под ред. В. Н. Перцева и др. Минск, 1953.

1954

239. История Белорусской ССР, т. 1. Под ред. В. П. Перцева и др. Минск, 1954. В. Н. Перцевым написаны: гл. V. Формирование белорусской народности и ее культура в XIV—XVI вв., с. 91—94, 96—115; гл. XIII. Восстание 1863 г. в Белоруссии, с. 274—290 (при участии Д. А. Дудкова).
240. 300 год брацкага уз'яднання Украіны з Расіяй.— «Літаратура і мастацтва», 1954, 16 студзеня.
241. Кастусь Каліноўскі (да 90-годдзя з дня нараджэння).— «Літаратура і мастацтва», 1954, 20 сакавіка.

1955

242. Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами.— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1955, сер. ист., вып. 23, с. 90—123.
243. Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Пад рэд. У. М. Перцава і інш. Мінск, 1955.
244. Гуманизм в Белоруссии и княжестве Литовском в XVI в.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1954 г. БГУ им. В. И. Ленина. Минск, 1955, с. 6—7.
245. Белорусская культура в конце XV — начале XVII века. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII века. М., 1955, с. 736—751.
246. Историография Белоруссии в XI—XVII вв.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1. М., 1955, с. 113—122.
247. Историография Белоруссии и Литвы в XVIII в.— Там же, с. 252—253 (в соавторстве с Ионпсом И. З.).
248. Историография Белоруссии в первой половине XIX в.— Там же, с. 611—614.
249. Историография Белоруссии во 2-й половине XIX в.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2. М., 1960, с. 715—729.
250. Историография Белоруссии в период империализма.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 3. М., 1963, с. 663—669 (в соавторстве с Шабуней К. И.).
251. Развитие общественно-политической и философской мысли в Белоруссии в эпоху феодализма (до начала XIX в.).— В кн.:

Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1. М., 1955, с. 189—205. (Авторский коллектив: Н. А. Алексютович, М. Н. Климкович, Ф. Г. Константинов, З. Ю. Копысский, В. Н. Перцев, В. В. Чепко).

252. 1905 год на Беларусі.— «Літаратура і мастацтва», 1955, 22 студзеня.

1956

253. Гістарычная думка на тэрыторыі Беларусі наводле дапых раняй народнай творчасці і летапісаў (з старажытнейшых часоў да XVI ст.).— «Весці АН БССР», 1956, сер. грамадскіх навук, № 3, с. 5—14.
254. Гістарычная думка у Беларусі ў XVI—XVIII стст.— «Весці АН БССР», сер. грамадскіх навук, 1956, № 4, с. 5—16.
255. Начальные периоды истории древней Пруссии (генезис прусской народности).— «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1956, сер. пст., вып. 30, с. 109—122.

1957

256. Гістарычная думка ў Беларусі ў XIX — пачатку XX ст.—«Весці АН БССР», 1957, сер. грамадскіх навук, № 2, с. 15—27.
257. Аб развіцці грамадскіх навук у БССР за 40 год (1917—1957).— «Весці АН БССР», 1957, сер. грамадскіх навук, № 3, с. 81—88.
258. Рец. на кн.: Безбородов М. А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956.— «Стекло и керамика», 1957, № 9, с. 31—32 (в соавторстве с Тарасенко В. Р. и др.).

1958

259. Гістарычная навука за 40 год.— В кн.: Навука ў Беларускай ССР за 40 год. Минск, 1958, с. 64—89 (в соавторстве с Кравченко И. С. и Копысским З. Ю.).
260. Прадмова акадэміка АН БССР У. М. Нерцава.— В кн.: Алексютовіч М. А. Скарына, яго дзейнасць і светапогляд. Мінск, 1958, с. 3—5.
261. Уводзіны. Уступны артыкул акадэміка У. М. Нерцава.— В сб.: Мы перасталі верыць сектантам. Мінск, 1958, с. 3—7.
262. Дорожите завоеванием Октября! — «Знамя юности», 1958, 26 октября.
263. На службу интересов народа (о советской науке).— «Советская Белоруссия», 1958, 27 ноября.
264. Як і чаму ўзнікла рэлігія і вера ў багоў.—«Чырвоная змена», 1958, 24 снежня.

265. Як узнікла рэлігія (сценаграма лекцыі, прачытанай па радыё 7 красавіка 1958 г.). Мінск, 1958.
266. Редакция. Навука ў БССР за 40 год. Мінск, 1958. Рэдкалегія: Купрэвіч В. Ф., Атраховіч К. К., Перцаў У. М. і інш.

1959

267. Очерк истории Германии XVIII в. Минск, 1959.
268. Хозяйственный и социальный строй древнейшего населения Пруссии (между I—IV ст. н. э.).— В кн.: Вопросы всеобщей истории. («Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина», 1959, сер. ист., вып. 50), с. 63—81.
269. Прадмова акадэміка У. М. Перцава.— В кн.: Смірноў А. П. Кастусь Каліноўскі у паўстанні 1863 г. Мінск, 1959, с. 5—7.
270. Редакция. Вопросы всеобщей истории. Минск, 1959. Под ред. В. Н. Перцева и др.

1960

271. Рец. на кн.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.— «Rocznik Olsztynski», 1960, t. 3, 308—318.

1961

272. История Белорусской ССР, т. 1. Под ред. В. Н. Перцева и др. Минск, 1961. В. Н. Перцевым написаны: гл. V, § 4. Литература и искусство, § 5. Общественно-политическая мысль, с. 147—164; гл. XII. Восстание 1863 г. в Белоруссии, с. 351—369 (в соавторстве с С. М. Байковой).

УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ, ПОСВЯЩЕННЫХ В. Н. ПЕРЦЕВУ

1. Белявский, Шамичев и др., студенты. Видный советский ученый — прекрасный педагог. К 35-летию научной и педагогической деятельности профессора В. Н. Перцева.— «Сталинская молодежь», 1939, 22 ноября.
2. Тарасенка В. Выдатны вучоны і грамадскі дзеяч Беларусі.— «Беларусь», 1946, № 3, с. 16—18.
3. Лыньков М. Выдатны вучоны.— «Звязда», 1947, 28 студзеня.
4. П'янкоў А. Выдатны вучоны. Да 70-годдзя з дня нараджэння В. Н. Перцава.— «Звязда», 1947, 12 лістапада.
5. Тарасенко В. Владимир Николаевич Перцев. К 70-летию со дня рождения.— «Советская Белоруссия», 1947, 12 ноября.
6. П'янкоў А. Уладзімір Мікалаевіч Перцаў. Да 70-годдзя з дня нараджэння.— «Полымя», 1947, № 12, с. 121—127.
7. Краўчанка І., Лук'янаў Е., Шаціла В. і інш. Савецкі вучоны (правадзейны член Акадэміі навук БССР У. М. Перцаў).— «Звязда», 1951, 3 лютага.
8. В Отделении общественных наук АН БССР. Сессия Отделения общественных наук АН БССР, посвященная 75-летию со дня рождения действительных членов АН БССР В. Н. Перцева и Н. М. Никольского. Минск, 11 декабря 1952 г.— «Известия Академии наук БССР», 1952, № 6, с. 106.
9. Богодин С. И. В. Н. Перцев. Библиография. Машинопись. Минск, 1953.
10. Выдатныя вучоныя. Да 80-годдзя з дня нараджэння. У. М. Перцаў, М. М. Нікольскі.— «Звязда», 1957, 10 снежня.
11. Кравченко И. Славный юбилей белорусских ученых.— «Советская Белоруссия», 1957, 10 декабря.
12. Тарасенка В. У. М. Перцаў.— «Літаратура і мастацтва», 1957, 11 снежня.
13. Па шляху служэння навуцы (да 80-годдзя з дня нараджэння

і 55-годдзя навукова-педагагічнай дзейнасці У. М. Перцава).— «Беларускі універсітэт», 1957, 13 снежня.
14. Перцаў У. М.— «Звязда», 1960, 4 чэрвеня.
15. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, т. 8. Мінск, 1975, с. 398.
16. Ботвинник М. Б. Академик В. Н. Перцев — автор учебных книг по истории.— В сб.: Из истории книги Белоруссии. Минск, 1976, с. 140—152.
17. Шабуня К. І. Бучоны і грамадзянін (да 100-годдзя з дня нараджэння У. М. Перцава).— «Весці АН БССР», 1977, сер. грамадскіх навук, № 4, с. 59—62.
18. Батвіннік М. Бучоны, педагог, грамадскі дзеяч.— «Народная асвета», 1977, № 7, с. 90—93.
19. Батвіннік М. Светлы шлях вучонага.— «Беларусь», 1977, № 7, с. 28.
20. Лившиц Г. М. Владимир Николаевич Перцев — крупный ученый и замечательный педагог.— В кн.: Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1977, с. 14—18.
21. Ботвинник М. Б. Наследство, оставленное народу. К 100-летию со дня рождения академика АН БССР В. Н. Перцева.— «Советская Белоруссия», 1977, 28 июля.
22. Paszuto W. Władymir Nikołajew Piercew (1877—1960).— «Rocznik Białostocki», t. 3, 1962, s. 560—561.

СОДЕРЖАНИЕ

Поиски научной истины	3
Постижение марксистско-ленинской методологии	20
Проблемы истории древней Пруссии и Германии	42
Вопросы философии истории	69
Изучение истории Белоруссии	92
Педагогическая и общественная деятельность	119
Летопись жизни и деятельности В. Н. Перцева	126
Указатель работ, опубликованных В. Н. Перцевым	129
Указатель работ, посвященных В. Н. Перцеву	148

Марат Борисович Ботвинник

В. Н. ПЕРЦЕВ

Редактор Н. И. Тараненко
Обложка А. Ф. Корчагина
Художественный редактор
В. В. Савченко
Технический редактор А. В. Скакун
Корректор З. Я. Авербах

ИБ № 583

Печатается по постановлению
РИСО АН БССР.
Сдано в набор 03.07.78. Подписано в печать 14.11.78. АТ 11695. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 1. Гарнитура елизаветинская. Печать высокая. Печ л. 4,75. Усл. печ. л. 6,65. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 1000 экз. Зак. № 918. Цена 90 коп.

Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.